

ISSN 1684-1581 (online)

ISSN 1562-2495 (print)

Социологический журнал

2026

Том 32

1

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2026 Том 32 № 1

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке
Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козырева Полина Михайловна
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Козлова Лариса Алексеевна
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор, Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет,
ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской
Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный
энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, Всероссийский центр изучения
общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения
(ВЦИОМ), Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-
исследовательский социологический центр РАН, Россия

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Editor in Chief, NRU “Higher School of Economics”,
Doctor of Sociological Sciences Russian Federation

L.A. Kozlova Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Deputy Editor in Chief, Russian Federation
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University, USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State University; Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS), University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostelecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation “Public Opinion” (FOM), Russian Federation

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с.37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. Николаев В.Г. «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.
Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2026. ТОМ 32. № 1

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1

EDN: ХНСVРА

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К юбилею П.М. Козыревой

П.М. Козырева, А.И. Смирнов

9–27 Динамика поддержки принципа гендерного равенства
в современной России

Е.М. Долгова

28–42 Институционализация инклюзивных программ
для посетителей с инвалидностью в музеях:
между успешными инициативами
и организационными барьерами

Р.С. Мухаметов

43–65 Детерминанты веры
в конспирологические теории о пандемии COVID-19:
роль социальных медиа, религиозности
и институционального доверия

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Памяти Г.С. Батыгина (1951–2003)

И.В. Пресняков

66–86 Советский/несоветский ученый Геннадий Батыгин:
контуры научно-исследовательской программы

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Сулимова

87–105 Экосоциальная повестка в российском медиадискурсе:
сетевой анализ семантических связей (2020–2025 гг.)

Е.А. Чупров

106–122 Социальные мотивы обращения к видеоиграм
и выбор стратегии поведения в цифровой среде

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

А.А. Червякова, А.О. Макаренцева, С.С. Бирюкова

123–141 Рождение ребенка в возрасте получения профессионального
образования в биографии россиянок 1995–1996 г.р.:
факторы и следствия

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

В.А. Мартинович

142–155 Границы общественного внимания
к религиозному многообразию:
заметность и замечаемость религиозных организаций

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Н.Г. Малошенок, П.А. Музыка

156–176 Взаимосвязь возможностей
выбора учебных дисциплин в университете
со студенческой вовлеченностью

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2026. Vol. 32. No. 1

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

ON THE ANNIVERSARY OF POLINA M. KOZYREVA

Kozyreva, P.M., Smirnov, A.I.

9–27 The Dynamics of Support for the Principle of Gender Equality
in Modern Russia

Dolgova, E.M.

28–42 Institutionalizing Inclusivity Programs for Visitors
with Disabilities in Museums: Between Successful Initiatives
and Organizational Barriers

Mukhametov, R.S.

43–65 Determinants of Belief in Conspiracy Theories
About the Covid-19 Pandemic:
The Role of Social Media, Religiosity, and Institutional Trust

HISTORY OF SOCIOLOGY

IN MEMORY OF GENNADY S. BATYGIN (1951–2003)

Presnyakov, I.V.

66–86 Soviet / Non-Soviet Scholar Gennady Batygin:
Outlines of a Research Program

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Sulimova, A.A.

87–105 The Eco-Social Agenda in Russian Media Discourse:
Network Analysis of Semantic Relations (2020–2025)

Chuprov, E.A.

106–122 Social Motives for Video Games Consumption
and Choice of Behavior Strategy in the Digital Environment

SOCIAL DEMOGRAPHY

Cherviakova, A.A., Makarentseva, A.O., Biryukova, S.S.

123–141 Having a Child at the Age of Receiving Vocational Education
in the Biographies of Russian Women Born in 1995–1996:
Factors and Consequences

SOCIOLOGY OF RELIGION

Martinovich, V.A.

142–155 The Limits of Public Attention to Religious Diversity:
Visibility and Noticeability of Religious Organizations

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Maloshonok, N.G., Muzyka, P.A.

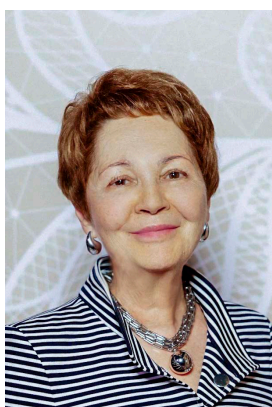
156–176 The Correlation Between Opportunities for Choosing Learning
Courses at University and Student Engagement

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.1
EDN: ACXVVE

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ П.М. КОЗЫРЕВУ

1 января 2026 года отмечался юбилей главного редактора «Социологического журнала» доктора социологических наук Полины Михайловны Козыревой, известного исследователя и организатора науки. Много замечательных и заслуженных слов было сказано и написано коллегами в ее адрес. Но возможность присоединиться к поздравлениям со страниц журнала сотрудники редакции получают только сейчас, когда выходит первый выпуск этого года.

Дорогая Полина Михайловна! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья и долголетия, сил и вдохновения, светлых впечатлений от каждого прожитого дня! Благодарим

Вас за постоянную профессиональную поддержку, умение находить решение сложных производственных задач и проблем. Как главный редактор Вы всегда придерживаетесь объективной и независимой позиции, ориентируясь при отборе статей только на их научное качество, что помогает журналу сохранять свое лицо. Вы цените возможности каждого сотрудника, а мы — Вашу заботу, шанс учиться у Вас, равняясь на Ваши профессиональные и человеческие качества!

Публикуем новую статью Полины Михайловны в соавторстве с А.И. Смирновым.

П.М. КОЗЫРЕВА^{1,2}, А.И. СМИРНОВ¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Кржижановского 23/35, корпус 5.

² НИУ «Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация. Целью исследования явился анализ базовых гендерно-ролевых установок и динамики уровня поддержки российскими мужчинами и женщинами принципа гендерного равенства с точки зрения выяснения нынешней специфики

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

и перспектив утверждения современного гендерного порядка. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Исследование показало, что в течение последних двадцати лет отмечается довольно сдержанное повышение уровня поддержки принципа гендерного равенства как у женщин, так и у мужчин. Несмотря на существенный рост уровня образования российских граждан, постепенное размывание традиционных представлений о ролях женщин и мужчин, определенное смягчение гендерных стереотипов, в настоящее время наиболее глубокую приверженность идее гендерного равенства демонстрируют только один из пяти опрошенных мужчин и немногим более трети опрошенных женщин. Отношение россиян к различным аспектам принципа гендерного равенства остается противоречивым, во многом отражая особенности восприятия в обществе конкретных гендерных проблем. Одной из причин этой противоречивости является распространение в обществе трудно совместимых гендерных идеологем. Женщины активнее мужчин поддерживают гендерное равенство в различных сферах жизни, но это превалирование не является подавляющим. Возраст, тип населенного пункта и уровень образования слабо дифференцируют респондентов обоего пола по уровню поддержки принципа гендерного равенства. Но при этом более активной поддержкой отличаются возрастные женщины с высшим образованием и проживающие в самых крупных городах. Весьма упрощенной в контексте результатов проведенного анализа выглядит концепция, рассматривающая молодежь как едва ли не единственную социальную категорию, способную в перспективе изменить существующий гендерный порядок. Проведенный анализ свидетельствует о необходимости более настойчивого продвижения идеи гендерного равенства в процессе реализации «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» для обеспечения не декларативного, а реального равенства прав и возможностей мужчин и женщин во всех сферах жизни.

Ключевые слова: гендерное равенство; гендерные роли; гендерный порядок; дискриминация; права человека; стереотипы.

Для цитирования: Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика поддержки принципа гендерного равенства в современной России // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 9–27. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.1) EDN: ACXVVE

Постановка проблемы и эмпирическая база исследования

Одна из глубоко укоренившихся и с трудом поддающихся решению проблем российского общества состоит в ослаблении гендерного неравенства. Но, прежде чем перейти к рассмотрению конкретных результатов исследования, важно отметить, что «гендерные проблемы современного общества не исчерпываются несоблюдением формального равенства прав женщин и мужчин, поскольку под категориями “женщина” и “мужчина” скрываются больше, нежели две гендерные идентичности» [2, с. 23]. Как отмечает Д.Г. Подвойский, в современной западной и отечественной социологии различают три измерения феномена пола: собственно биологический пол, категоризация по признаку пола (то, что я выгляжу как представитель конкретного пола и меня считают таковым) и гендер как комплекс ролей, приписанных в культуре представителям данного пола [27, с. 416]. В целом термин «гендер» используется для описания тех характеристик женщин и мужчин,

которые являются социально приобретенными. Исходя из этого в нашем исследовании принцип гендерного равенства трактуется как такая концепция, которая предполагает равенство прав, обязанностей и возможностей во всех сферах жизни общества для выполняющих разные роли женщин и мужчин, исключающее любые проявления дискриминации по признаку пола. Участвовавшие в исследовании мужчины и женщины были представлены так, как они идентифицировали себя по полу в рамках бинарной гендерной системы.

Как показывает практика, в современных условиях традиционный гендерный порядок, базирующийся на отношениях социального неравенства, иерархии мужских и женских социальных ролей при господстве мужчин, все чаще оказывается несостоятельным и уступает место новому порядку, предполагающему достижение гендерного равноправия, развитие эгалитарности [31]. Однако, несмотря на видимые позитивные сдвиги, люди вынуждены постоянно сталкиваться с ситуациями, когда их права, обязанности, возможности, доступ к экономическим, образовательным, властным и иным ресурсам оказываются в той или иной степени зависимыми от гендерной принадлежности [32; 36]. С проблемой гендерного неравенства сталкиваются практически все граждане независимо от признака пола, но в невыгодном положении, касающемся оплаты труда, неоплачиваемой домашней работы, карьерного роста, политического участия и многого другого, чаще оказываются женщины [18, с. 264–268].

Гендерная асимметрия, являющаяся характеристикой неравенства социальных позиций и статусов мужчин и женщин [25, с. 71], охватывает практически все сферы жизни общества и доходит вплоть до самых верхних позиций, в том числе в иерархии государственной службы [8; 34] и политической власти [1; 12; 21; 22; 35], бизнесе и предпринимательстве [5; 17; 28; 33], науке и образовании [3; 9; 11; 29; 30] и др.

К наиболее весомым причинам, обуславливающим трудности ослабления остроты этой проблемы, следует отнести терпимое или безразличное, а нередко поддерживающее или одобряющее отношение значительной части российских граждан к проявлениям гендерного неравенства и гендерной дискриминации. Исследования показывают, что уровень гендерного неравенства в решающей мере обусловлен устоявшимися в обществе патриархальными представлениями о гендерных ролях, которые отражаются в культуре, нормах, ценностях и образцах поведения индивидов [10]. И хотя нынешняя патриархальность для большинства населения России уже очень далека от «классического патриархата», под которым понимается традиционный семейный уклад, предполагающий безусловную власть отца в семье, сильное влияние родителей на заключение браков, главенство мужа и вторичный статус дочери по сравнению с сыном [39], или система социальных структур и практик, при которой мужчины доминируют, подавляют и эксплуатируют женщин [40], подобные взгляды так или иначе сохраняют высокую устойчивость.

В российском обществе широко распространены гендерные стереотипы, то есть социально разделяемые взгляды и представления о различных личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин, а также о гендерной специфике социальных ролей и занятий [36]. Они включают стереотипы мужественности/женственности, закрепляющие определенные социальные роли,

отражающие межполовые различия в занятиях определенными видами труда [19, с. 86]. Гендерные стереотипы существуют и в сознании самих женщин, в том числе молодых, что делает их менее амбициозными и уверенными в своих силах [16].

Вместе с тем согласно исследованиям, несмотря на то, что традиционные взгляды на гендерные роли еще глубоко укоренены в сознании российских граждан, происходит постепенное их размывание. Наблюдаются изменение традиционных представлений о ролях женщин и мужчин, смягчение гендерных стереотипов. Так, одним из главных направлений эволюции российской семьи стала ее трансформация от традиционной к современной эгалитарной, где развиваются разнообразные формы семейных отношений, доминирует равенство прав и обязанностей супругов, равноправие мужа и жены в различных сферах семейной жизни [4; 13; 16; 20; 23; 35]. Женщины активно участвуют в политической и социальной жизни, демонстрируют высокую трудовую активность, увеличивают свое присутствие в сферах традиционно мужского превосходства, таких как бизнес, управление, силовые структуры. Однако, пытаясь реализовать свои возможности, они продолжают сталкиваться с естественными или искусственно возводимыми барьерами, которые создают серьезные препятствия для реализации принципа равных прав и возможностей для мужчин и женщин.

В связи с этим важно подчеркнуть, что социологические исследования выявляют противоречивую динамику изменения гендерной ситуации в России. Так, исследования ВЦИОМа убеждают, что ситуация в этой сфере становится благополучнее². И в то же время есть исследования, доказывающие, что в России гендерный разрыв в последние годы увеличился [10, с. 226], что только подчеркивает остроту проблемы гендерного неравенства и сложность ее решения. Такая противоречивость в немалой степени обусловлена разноплановыми и непоследовательными изменениями гендерной ситуации в различных сферах жизни общества: если в одних сферах прослеживается улучшение, то в других может наблюдаться ухудшение или отсутствие перемен.

Реализация в современных условиях предпосылок утверждения нового гендерного порядка зависит от ряда объективных и субъективных факторов. Исходя из их анализа важное значение имеет вопрос об уровне поддержки самой идеи, *принципа гендерного равенства*, согласно которому мужчины и женщины должны обладать равными правами, возможностями и обязанностями во всех сферах общественной жизни. Анализ результатов многочисленных исследований свидетельствует о продолжающейся трансформации представлений россиян о гендерном равенстве, их взглядов на гендерные роли в различных сферах деятельности, что только усиливает необходимость дальнейшего изучения характера и особенностей этих перемен. В настоящей работе предпринята попытка, опираясь на социологический анализ данных, определить современный уровень и динамику поддержки российскими мужчинами и женщинами принципа гендерного равенства, что помогает понять особенности происходящих перемен и перспективы утверждения нового гендерного порядка в России.

² ВЦИОМ Новости. Мужчина и женщина: мониторинг. 2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenshchina-monitoring> (дата обращения 25.09.2025).

Эмпирическую базу исследования составляют данные двух волн «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проведенных в 2003 и 2024 гг.³

Объектом исследования стали россияне в возрасте 14 лет и старше.

Для определения уровня поддержки принципа гендерного равенства использовались согласие или несогласие со следующими высказываниями, формирующими определенный мировоззренческий конфликт⁴.

Суждение₁: Дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — присматривать за домом и детьми.

Суждение₂: Мужчины и женщины должны играть равные роли в политике.

Суждение₃: Мужчины больше, чем женщины, подходят для того, чтобы быть руководителями.

Правомерно считать, что согласие со вторым суждением и несогласие с первым и третьим могут указывать на определенную приверженность респондентов современному гендерному порядку.

Относительная оценка поддержки принципа гендерного равенства

Даже самый общий анализ ответов респондентов на предложенные для оценки высказывания свидетельствует о невысоком уровне поддержки россиянами принципа гендерного равенства и о пониженной гендерной чувствительности. Еще раз убеждаемся, что, несмотря на понимание важности обеспечения равных прав и возможностей для всех людей независимо от их пола, в действительности многие россияне придерживаются традиционных гендерных стереотипов, особенно если это касается семейно-бытовой сферы и участия в руководящей деятельности.

Однако существующие сегодня определенная инертность и отстраненность значительной части граждан от решения гендерных проблем не являются свидетельством каких-то труднообратимых или совершенно невозвратных тенденций. Эта инертность зачастую является результатом стремления россиян сосредоточиться на решении весьма сложных и болезненных проблем, которые обусловлены непрекращающимися травматическими событиями, проявлением сложности, противоречивости того состояния, в котором находится сегодня массовое сознание. В некотором смысле сдержанное отношение россиян к реализации идеи гендерного равенства отражает глубинные явления в общественном сознании, связанные с изменениями во всей системе жизненных ориентаций и ценностей.

Судя по ответам на первое высказывание («Дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — присматривать за домом и детьми»), сегодня среди респондентов преобладают люди, которые, руководствуясь различными соображениями, не под-

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайт обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>).

⁴ Ответы фиксировались с помощью пятибалльной шкалы («полностью согласны», «согласны», «и да и нет», «не согласны», «совсем не согласны»).

держивают одинаковое участие мужчин и женщин в обеспечении семьи денежными средствами и в выполнении домашних обязанностей. Но за последние два десятилетия доля таких людей существенно сократилась. При этом, как видно из таблицы 1, женщины заметно чаще мужчин высказываются в поддержку гендерного равенства в этих сферах. За 2003–2024 гг. доля таких респондентов выросла среди женщин с 22,1 до 31,1%, тогда как среди мужчин — с 12,5 до 24%. Однако назвать подобное превосходство значительным все же нельзя. Кроме того, выявленная картина явно противоречит официальным утверждениям, что в целом российские женщины «ориентированы на полную занятость, карьерный рост в сочетании с семейными обязанностями и воспитанием детей»⁵. Скорее, можно говорить, что у российских женщин, как, впрочем, и у мужчин, не сложилось непротиворечивое представление о соотношении работы и семьи. Российским женщинам приходится буквально разрывать между семьей и работой, и достичь благополучия в обеих сферах, органично сочетая профессиональные и семейные обязанности, очень трудно.

Таблица 1

Динамика относительной оценки поддержки принципа гендерного равенства, 2003–2024 гг.

Суждения		Доля, %*			Mean**	Std. dev.**	N, чел.
		Поддерживают*	Не уверены	Не поддерживают*			
Мужчины							
2003 г.	Суждение ₁	12,5	22,7	64,8	2,19	1,03	3295
	Суждение ₂	54,1	23,9	22,0	3,41	1,02	3291
	Суждение ₃	16,9	22,3	60,8	2,34	1,05	3252
2024 г.	Суждение ₁	24,0	34,8	41,2	2,69	1,08	4005
	Суждение ₂	44,5	34,9	20,6	3,30	0,98	3984
	Суждение ₃	14,1	29,9	56,0	2,38	0,99	3988
Женщины							
2003 г.	Суждение ₁	22,1	22,5	55,4	2,46	1,15	4472
	Суждение ₂	64,2	23,1	12,7	3,69	0,91	4465
	Суждение ₃	35,1	23,9	41,0	2,84	1,14	4419
2024 г.	Суждение ₁	31,1	28,7	40,2	2,81	1,16	5862
	Суждение ₂	57,7	29,9	12,4	3,59	0,92	5751
	Суждение ₃	32,3	27,3	40,4	2,84	1,13	5814

Примечания: * Ответы по позициям «полностью согласны» и «согласны», а также «не согласны» и «совсем не согласны» объединены.

** Средние и стандартные отклонения подсчитаны на основе несокращенных ответов, собранных с помощью пятибалльной шкалы.

⁵ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300462709> (дата обращения: 29.11.2025).

В то же время ответы на второе высказывание («*Мужчины и женщины должны играть равные роли в политике*») показывают, что большинство респондентов в той или иной мере поддерживают необходимость обеспечения гендерного равенства в политической сфере. Но за анализируемый период их доля сократилась как среди женщин, чаще мужчин выступающих за гендерное равноправие в политике (с 64,2 до 57,7%), так и среди представителей противоположного пола (с 54,1 до 44,5%). Такое одновременное ослабление у женщин и мужчин установок на обеспечение гендерного равноправия в политической сфере может служить одним из чувствительных симптомов понижения эгалитарных позиций во взглядах россиян на гендерные роли.

И наконец, около половины опрошенных убеждены, что мужчины больше, чем женщины, подходят для того, чтобы быть руководителями, и только около четверти респондентов не согласны с таким утверждением (оценка суждения «*Мужчины больше, чем женщины, подходят для того, чтобы быть руководителями*»). Женщины ожидаемо гораздо чаще мужчин выражают несогласие с таким несправедливым распределением ролей, полагая, что при назначении человека на руководящую работу необходимо исходить не из половой принадлежности, а из оценки управленческих знаний и навыков, личностных качеств, которые позволяют руководителю эффективно выполнять свои обязанности. Вместе с тем за 2003–2024 гг. доля респондентов, разделяющих поддерживающее мнение, снизилась среди женщин с 35,1 до 32,3%, в то время как среди мужчин — с 16,9 до 14,1%.

Корреляционный анализ выявил значимую двухстороннюю связь только между ответами респондентов на первое и третье суждения. По данным за 2024 г., коэффициент корреляции Спирмена составил для мужчин и женщин 0,475 и 0,428 соответственно при $p < 0,01$. Учитывая характер ответов респондентов, можно прийти к логичному на первый взгляд выводу: в настоящее время политика относится к сферам наиболее одобряемого или допустимого гендерного равенства. Но если обратиться к реальным фактам, раскрывающим особенности политического участия мужчин и женщин, то готовность россиян к признанию необходимости гендерного равенства в политике выглядит уже не столь оптимистично. Исследования показывают, что общий уровень политического участия российских женщин оказывается невысоким [25, с. 76].

Анализ гендерной асимметрии различных сфер активности выявляет неравное и специфическое участие женщин в политике. Чаще всего под равноправным политическим участием мужчин и женщин понимается участие в выборах разного уровня, за которым просматривается абсолютизация одной, несомненно, важной, но все же не единственной значимой его формы. Вместе с тем исследования показывают, что, в отличие от сферы гражданской активности (участие в деятельности ассоциаций или групп, ориентированных на решение конкретных социальных проблем; включенность в различные формы взаимопомощи и самопомощи; другие формы гражданского участия, осуществляемого на добровольной основе безвозмездно в свободное время (благотворительность, волонтерство), где наблюдается массовое присутствие женщин, во властной сфере продолжают доминировать мужчины [18, с. 193–194].

Женщины неохотно допускаются к политической деятельности, связанной с принятием важных, общественно значимых решений [7, с. 56–86]. Эта сфера остается чрезмерно гендерно асимметричной, поскольку женщинам постоянно недостает не только ресурсов для доказательства своей конкурентоспособности на всех уровнях властных отношений, но и более основательного разрушения патриархальных гендерных представлений. Характерно, что, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2024 г., даже из числа опрошенных женщин, демонстрирующих приверженность гендерному равенству в политике, только 42,6% выразили уверенность, что женщины могут быть хорошими руководителями. Среди мужчин аналогичной категории такое мнение выразили лишь 21,3%. Большинство остальных респондентов были в той или иной степени убеждены, что мужчины больше, чем женщины, подходят на роль руководителя (39,1% и 59,1% соответственно).

Динамика уровня поддержки мужчинами и женщинами принципа гендерного равенства

Противоречия всегда были в той или иной мере свойственны мировоззрению значительной части населения. Они проявляются и в существовании различных типов сознания, и во внутренней сложности мировоззрения отдельных представителей этих типов. Данную противоречивость усиливают постоянные перемены, происходящие в жизни людей, которые меняют многие — даже еще совсем недавно казавшиеся незыблемыми — взгляды и представления. Однако последние постсоветские десятилетия стали для россиян периодом, отличающимся особенно быстрым накоплением в их мировоззрении множества противоречивых элементов, затрагивающих наряду с другими сферами сознания гендерные установки и представления. В них одновременно, хотя и в неодинаковой мере, присутствуют весьма различные, в том числе противоположные, тенденции и ориентации. Усиление в сознании россиян новых элементов, свидетельствующих об их приверженности современному гендерному порядку, нередко сочетается с сохранением традиционных, патриархальных взглядов и установок. Одним из выражений этой противоречивости является то, что существенная часть респондентов, выступая в поддержку гендерного равенства по одному пункту, одновременно не поддерживают его по другим.

В связи с этим ответы респондентов на предложенные для оценки суждения послужили основанием для проведения процедуры кластеризации по признаку степени поддержки принципа гендерного равенства. Группа, характеризующаяся *высокой поддержкой* (даны ответы в поддержку гендерного равенства на два или три пункта), оказалась самой малочисленной, но за 2003–2024 гг. она выросла с 24,1 до 28,7%. Причем доля респондентов, которые выразили поддержку по всем пунктам, выросла с 6,6 до 9,4%, в том числе среди женщин — с 12,5 до 15,3%, среди мужчин — с 5,2 до 9,4%. Более весомой оказалась также доля респондентов с *некоторой поддержкой* (позитивные оценки получил только один пункт), увеличившаяся с 35,1 до 37,5%. Указанный совокупный рост произошел за счет сокращения группы респондентов, характеризующихся *отсутствием какой-либо поддержки* принципа гендерного равноправия (нет ответов в поддержку по всем пунктам), — с 40,8 до 33,8%.

Несмотря на позитивные сдвиги, такое распределение говорит скорее об отсутствии приверженности большинства россиян идее гендерного равенства. При этом обращает внимание тот факт, что если среди мужчин преобладающей является группа респондентов, которые не поддерживают принцип гендерного равенства ни по одному из предложенных для оценки пунктов, то среди женщин такая группа оказывается сегодня самой малочисленной (рис. 1). Среди женщин почти вдвое больше, чем среди мужчин, лиц с высоким уровнем приверженности современному гендерному порядку (35,4% против 19,1%), но в 1,5 раза меньше тех, кто его не поддерживает (28% против 42,2%). Этот вывод очень мало зависит от влияния фактора семейного положения. Можно лишь отметить, что среди женщин более высоким уровнем поддержки отличаются те, кто никогда не состоял в браке. Среди них доля респонденток с высокой поддержкой гендерного равенства достигает 40,2%, тогда как среди состоящих в браке — только 34%.

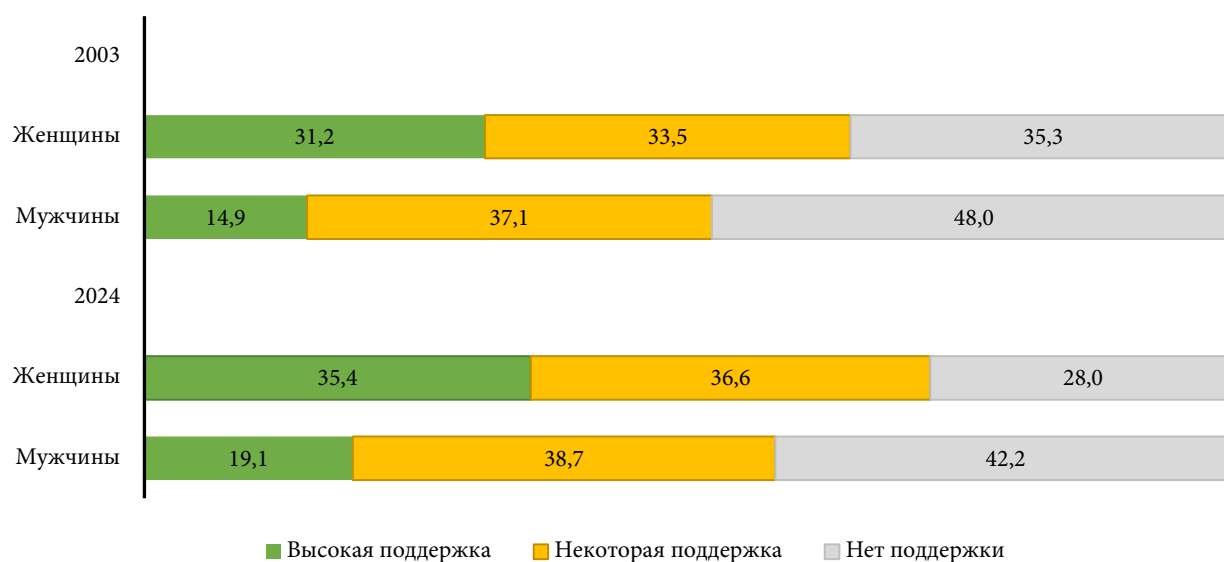

Рис. 1. Динамика уровня поддержки принципа гендерного равенства мужчинами и женщинами, 2003–2024 гг., %

Выявленные перекосы и противоречия в немалой степени обусловлены одновременным господством в российском обществе двух трудно сочетаемых гендерных идеологем, влияющих на формирование мировоззренческих позиций граждан. С одной стороны, на протяжении последних трех десятилетий чрезвычайно настойчиво продвигается идея равноправия женщин, ломающего прежние гендерные стереотипы и реально, а не декларативно меняющего их роль в обществе. Женщины все активнее вовлекаются в самые разные — в том числе ранее малодоступные для них — сферы деятельности, открывающие новые и более широкие возможности для их самоутверждения, самовыражения и самореализации. С другой стороны, не менее активно распространяется идея защиты передаваемых из поколения в поколение традиционных ценностей, среди них абсолютным приоритетом выступает крепкая традиционная семья, характерной особенностью которой является распределение супружеских и родительских ролей, предполагающее, что мужчина всегда исполняет роль «кормильца», а женщина — хозяйки дома независимо от того, работает она вне дома или нет. Эта идея решительно

противопоставляется получившей распространение в западных странах так называемой современной либеральной идеологии, одним из столпов которой стал гендерный плюрализм.

В связи с этим представляет интерес, что мнения респондентов по поводу влияния вовлеченности женщины в оплачиваемый труд на степень ее уважения в семье разделились практически поровну (рис. 2). Среди опрошенных 49,6% женщин и 44,7% мужчин согласились с тем, что если жена работает, то она пользуется в семье бóльшим уважением, чем если она просто является домохозяйкой, тогда как свое несогласие с таким суждением выразили 43,7% и 45,9% респондентов соответственно. Среди последних подавляющее большинство составляют сторонники такого семейного уклада, который строится на незыблемых основаниях взаимного уважения и взаимопомощи, равной ответственности перед семьей всех ее членов. Примечательно, что мнения по этому вопросу женщин, работающих и не работающих вне дома, состоящих в браке и не состоящих в браке, оказались практически идентичными.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Согласны или не согласны Вы с тем, что если жена работает, то она пользуется в семье бóльшим уважением, чем если она просто домохозяйка?» в зависимости от пола респондентов, 2024 г., %

Многие исследователи полагают, что ключ к успешному решению проблемы ослабления гендерного неравенства находится в руках молодежи, так как она более восприимчива к происходящим в обществе переменам, остро чувствует несоответствие традиционных представлений современным жизненным реалиям [26, с. 200]. Акцентируется внимание на том, что среди молодежи наблюдается более широкое распространение эгалитарных представлений о распределении гендерных ролей в семье [14; 26]. Но, насколько широка и глубока в действительности поддержка молодыми людьми современного гендерного порядка, полной ясности нет.

Молодежь не представляет большинства населения, не является однородной группой, и многие молодые люди не проявляют интереса к проблемам гендерного неравенства. Несмотря на то что ряд исследований фиксируют тенденцию к развитию эгалитарного типа мировоззрения у современной российской молодежи, они показывают, что многие молодые люди, особенно из провинциальных городов и сельской местности, демонстрируют преимущественную ориентацию на традиционные нормы [6, с. 6; 24]. В сознании значительной части молодых

людей уже довольно прочно прижились гендерные стереотипы. Причем молодые мужчины привержены им в большей мере, чем молодые женщины [16]. Более высокая приверженность юношей традиционным взглядам наблюдается также среди студенческой молодежи, большинство которой достаточно толерантно относится к вопросу о роли современной женщины в обществе [15].

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ фиксируют более высокий уровень поддержки гендерного равенства у молодых людей (причем главным образом у молодых женщин) по сравнению с представителями старших поколений, но эти различия не особенно велики (табл. 2). Видимо, известная ограниченность собственного социального опыта молодежи, недостаток у нее глубоких знаний об окружающей действительности, опирающихся на личную жизненную практику, неизбежно приводят к тому, что мировоззренческие традиции прежних поколений становятся важным источником общественной ориентации молодежи.

Таблица 2

Зависимость уровня поддержки принципа гендерного равенства от возраста, 2003–2024 гг., %

Уровень поддержки		Возраст, лет			
		14–29	30–44	45–59	60+
Мужчины					
2003 г.	Высокая поддержка	15,1	18,0	18,9	20,0
	Некоторая поддержка	43,4	43,7	45,6	44,6
	Нет поддержки	41,5	38,3	35,5	35,4
2024 г.	Высокая поддержка	21,2	20,6	18,0	16,6
	Некоторая поддержка	38,1	38,6	36,9	40,6
	Нет поддержки	40,7	40,8	45,1	42,8
Женщины					
2003 г.	Высокая поддержка	43,0	39,2	35,1	27,2
	Некоторая поддержка	34,1	40,1	39,0	40,2
	Нет поддержки	22,9	20,7	25,9	32,6
2024 г.	Высокая поддержка	42,1	36,6	34,2	33,0
	Некоторая поддержка	32,1	35,7	38,1	37,8
	Нет поддержки	25,8	27,7	27,7	29,2

Доля респондентов с высоким уровнем поддержки идеи гендерного равенства монотонно снижается по мере перехода от самой младшей возрастной когорты к самой старшей. В 2024 г. это снижение составило у мужчин с 21,2 до 16,6%; у женщин — с 42,1 до 33%. При этом среди женщин наибольшие различия в 2003 г. наблюдались между 45–59-летними и лицами в возрасте 60+, тогда как в 2024 г. — на границе, отделяющей молодежь от представителей других поколений. Но если рассматривать динамику возрастных изменений в целом, то нетрудно заметить, что в 2024 г. повзрослевшие на 20 лет «молодые люди» не стали менее

консервативными во взглядах на роли мужчин и женщин, меньше связывая их с традиционными (патриархальными) моделями поведения, противостоящими идее гендерного равенства, чем их сверстники в 2003 г.

В связи с этим важно обратить внимание на роль традиций в развитии сознания новых поколений, которое само по себе далеко не однозначно. Нередко при формировании отношения молодых людей к идее гендерного равенства традиции могут оказываться тем грузом прошлого, который наряду с гендерными стереотипами, содержащими искаженный и подчеркнuto негативный образ реальности, препятствует освоению новой действительности, вступает в конфликт с собственным социальным опытом молодых людей, тормозит выработку ими адекватных этому опыту форм мышления и поведения. Но далеко не всегда, когда речь идет о формировании отношения молодых людей к гендерным проблемам, влияние традиций может быть охарактеризовано как негативное. Во многих традициях концентрируется необходимая обществу коллективная историческая память, в них фиксируются многие важные нравственные нормы поведения. Через традиции молодые люди усваивают моральные нормы, ценности и приоритеты, которые помогают им в жизни. К таким традициям относятся передаваемые поколениями традиционные семейные ценности: верность, уважение, доверие, взаимопонимание, поддержка, ответственность и др.

Высоким уровнем поддержки идеи гендерного равенства отличаются респонденты с высшим образованием. Но значимая связь в данном случае выявлена только у женщин ($\rho = 0,101$ при $p < 0,01$). По данным за 2024 г., среди женщин с общим средним образованием доля лиц с высокой поддержкой принципа гендерного равенства составила 26,3%, тогда как среди женщин со средним профессиональным образованием — 36,9%, а среди женщин с высшим образованием — 46,1%. При этом доля опрошенных женщин, которые не поддерживают этот принцип, последовательно снижалась с 31,9 до 26,4% и далее до 20,2% соответственно.

Анализ по поселенческому срезу выявил значимую, но крайне слабую связь между рассматриваемыми переменными только у женщин. Наиболее высокий уровень приверженности современному гендерному порядку продемонстрировали женщины, проживающие в самых крупных городах — республиканских, краевых и областных центрах. В 2024 г. среди них доля лиц с высоким уровнем поддержки достигала 41,6%, тогда как доля тех, у кого такая поддержка отсутствует, составила только 23,8%. Причем самый высокий уровень поддержки был выявлен у женщин с высшим образованием, которые проживают в региональных центрах, — 47%; не поддерживают идею гендерного равенства среди них 22,7%. Мнения женщин оказываются зависимыми также от фактора занятости. Так, работающие женщины гораздо чаще, чем неработающие, поддерживают принцип гендерного равенства, когда речь идет о распределении обязанностей в семье (36,6% против 26,4%) и об отношении к руководящей деятельности мужчин и женщин (36,4% против 27,8%)

Выводы

Результаты исследования весьма убедительно демонстрируют как противоречивость современного массового сознания, так и внутреннюю несогласованность и конфликтность гендерных представлений россиян, во многом обусловленных реальной противоречивостью и сложностью самой действительности, а также

противопоставлением собственного опыта граждан коллективным гендерным стереотипам. Огромное влияние на осознание подобных гендерных проблем, обуславливая отношение к ним, оказывает социальное положение представителей тех или иных групп населения. Поддержка россиянами самой идеи гендерного равенства не является подавляющей, и к тому же она непреложна. Женщины активнее мужчин поддерживают принцип гендерного равенства, но тенденция доминирующего одобрения мужского превосходства в различных сферах проявляется более или менее четко как у мужчин, так и у женщин, за исключением политического участия, в отношении которого равенство шансов безоговорочно поддерживают только большинство женщин.

Последние 20 лет характеризовались медленным ростом уровня поддержки принципа гендерного равенства как у женщин, так и у мужчин. Этот рост был обеспечен практически полностью за счет повышения поддержки гендерного равенства при распределении обязанностей, связанных с выполнением домашней работы и пополнением семейного бюджета, тогда как динамика поддержки равенства мужчин и женщин в других сферах жизни оказалась более сложной и противоречивой. При этом проведенный анализ позволяет говорить о некотором снижении у россиян установок на равноправное участие мужчин и женщин в общественно-политической жизни и управленческой деятельности. В отношении проблемы гендерного равенства молодые люди отличаются от старших поколений, но ненамного. Надежда на то, что изменения в сознании молодого поколения сами по себе приведут к скорому утверждению нового гендерного порядка, довольно слабая. В силу ряда объективных причин более надежным источником поддержки принципа гендерного равенства могут стать сами женщины, особенно с высоким уровнем образования и проживающие в самых крупных городах — региональных центрах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (499) 128-27-30. **Электронная почта:** pkozyreva@isras.ru

Смирнов Александр Ильич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 716-63-40. **Электронная почта:** smir_al@bk.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1.
P. 9–27. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.1**

Research Article

POLINA M. KOZYREVA^{1,2}, ALEKSANDR I. SMIRNOV¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

² HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE DYNAMICS OF SUPPORT FOR THE PRINCIPLE OF GENDER EQUALITY IN MODERN RUSSIA

Abstract. The aim of this study was to analyze basic gender role attitudes and the dynamics of support for the principle of gender equality among Russian men and women in order to clarify the current specifics and prospects for establishing a modern gender order. The analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS–HSE). The study revealed that over the past twenty years, there has been a rather modest increase in support for the principle of gender equality among both women and men. Despite a significant increase in the level of education of Russian citizens, a gradual erosion of traditional ideas on the roles of women and men, as well as a certain softening of gender stereotypes, currently only one in five men and slightly more than a third of women demonstrate the deepest commitment to the idea of gender equality. Russians' attitudes toward various aspects of the principle of gender equality remain contradictory, largely reflecting the peculiarities of societal perceptions of specific gender issues. One of the reasons for this contradiction is the prevalence of difficult-to-reconcile gender ideologies in society. Women are more active than men in supporting gender equality in various spheres of life, but this prevalence is not overwhelming. Age, locality type and education level barely differentiate respondents of both sexes in their level of support for the principle of gender equality. However, older women with higher education and those living in the largest cities demonstrate more active support. The concept that views youth as virtually the only social category capable of potentially changing the existing gender order appears as oversimplified in the context of the results of the analysis. The analysis demonstrates the need for more persistent promotion of gender equality in the implementation of the “National Action Strategy for Women for 2023–2030” to ensure not just declarative but actual equality of rights and opportunities for men and women in all spheres of life.

Keywords: gender equality; gender roles; gender order; discrimination; human rights; stereotypes.

For citation: Kozyreva, P.M., Smirnov, A.I. The Dynamics of Support for the Principle of Gender Equality in Modern Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 9–27. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.1)

Acknowledgment. The article uses the results of projects carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva — Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of the Center for Longitudinal Surveys, Institute of Social Policy, HSE University. **Phone:** +7 (499) 128-27-30. **Email:** pkozyreva@isras.ru

Aleksandr I. Smirnov — Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 716-63-40. **Email:** smir_al@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Айвазова С.Г. Гендер: граница и/или измерение политического поля. Перечитывая классиков // Политическая наука. 2018. № 2. С. 34–52. EDN: LXNFCP
Ayvazova S.G. Gender: the border and/or dimension of the political field. Rereading the classics. *Politicheskaya nauka*. 2018. No. 2. P. 34–52. (In Russ.)
2. Акимова Ю.А. Конституционная концепция гендерного равноправия // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 21–32. DOI [10.24411/2312-0444-2018-10002](https://doi.org/10.24411/2312-0444-2018-10002). EDN: XQCRSH
Akimova Yu. A. Constitutional concept of gender equality // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2018. No. 2. P. 21–32. DOI: [10.24411/2312-0444-2018-10002](https://doi.org/10.24411/2312-0444-2018-10002) (In Russ.)
3. Антошук И.А. Продвигаясь по «трубе» STEM: систематический обзор литературы по гендерному неравенству в российской инженерной профессии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 57–87. DOI: [10.14515/monitoring.2021.3.1912](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1912) EDN: JALFYR

- Antoshchuk I.A. Moving through the STEM Pipeline: A Systematic Literature Review of the Gender Inequality in Russian Engineering. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 3. P. 57–87. DOI: [10.14515/monitoring.2021.3.1912](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1912) (In Russ.)
4. *Бадонов А.М.* Проблема формирования властных отношений в семье // *Власть*. 2023. № 2. С. 188–193. DOI: [10.31171/vlast.v31i2.9559](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9559) EDN: [NNLJBY](https://www.edn.ru/NNLJBY)
Badonov A.M. The problem of the formation of power relations in the family. *Vlast'*. 2023. No. 2. P. 188–193. DOI: [10.31171/vlast.v31i2.9559](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9559) (In Russ.)
5. *Баскакова М.Е.* Гендерная асимметрия малого бизнеса (на примере Москвы) // *Мир новой экономики*. 2019. Т. 13. № 3. С. 100–111. DOI: [10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111) EDN: [QGMQQJ](https://www.edn.ru/QGMQQJ)
Baskakova M.E. Gender asymmetry of small business (on the example of Moscow). *Mir novoi ekonomiki*. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 100–111. DOI: [10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111](https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-3-100-111) (In Russ.)
6. Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет: монография / Под науч. ред. О.И. Ключко. СПб.: НИЦ АРТ, 2020. — 230 с. DOI: [10.51623/9785907260696_20_230](https://doi.org/10.51623/9785907260696_20_230) EDN: [WMTAPN](https://www.edn.ru/WMTAPN)
Gender mentality of Russian youth: a psychological portrait. Ed. by O.I. Klyuchko. St Petersburg: NITs ART publ., 2020. 230 p. DOI: [DOI: 10.51623/9785907260696_20_230](https://doi.org/10.51623/9785907260696_20_230) (In Russ.)
7. Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы / Н.М. Великая, Е.М. Березкина, Е.А. Ирсетская [и др.]; Под общ. ред. Н.М. Великой. М.: Ключ-С, 2023. — 260 с. DOI: [10.56700/n2320-0113-2772-v](https://doi.org/10.56700/n2320-0113-2772-v). EDN: [BTPWVP](https://www.edn.ru/BTPWVP)
Gender Equality in the 21st Century: Global Challenges and Local Responses. Ed. by N.M. Velikaya. Moscow: Klyuch-S publ., 2023. 260 p. DOI: [10.56700/n2320-0113-2772-v](https://doi.org/10.56700/n2320-0113-2772-v) (In Russ.)
8. *Гизатуллина Э.Г., Зиндер К.М.* Гендерное неравенство на российской госслужбе: оценка на данных из антикоррупционных деклараций. М.: ЦПУР, 2021. — 47 с. (Исследования по вопросам государственного управления. 2021. Вып. 13).
Gizatullina E.G., Zinder K.M. *Gender inequality in the Russian civil service: assessment based on data from anti-corruption declarations*. Moscow: CPUR publ., 2021. (Issue 13). 47 p. (In Russ.)
9. *Горшкова И.Д., Мирясова О.А.* Гендерное неравенство в современной российской высшей школе // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 1. С. 29–44. DOI: [10.21064/WinRS.2020.1.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.3) EDN: [LFAIII](https://www.edn.ru/LFAIII)
Gorshkova I.D., Miryasova O.A. Gender inequality in current Russian higher education institution. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2020. No. 1. P. 29–44. DOI: [10.21064/WinRS.2020.1.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.1.3) (In Russ.)
10. *Гречаная А.А.* Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных Европейского исследования ценностей (EVS) // *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 2. С. 212–233. DOI: [10.19181/vis.2023.14.2.12](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.12) EDN: [XVQAMD](https://www.edn.ru/XVQAMD)
Grechanaya A.A. Perceptions of russians and europeans about gender roles in the context of the problem of gender inequality: a comparative analysis on the data of the European values study (EVS). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 212–233. DOI: [10.19181/vis.2023.14.2.12](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.12) (In Russ.)

11. *Гриненко С.В., Найденко И.С.* Гендерное равенство в управлении человеческим капиталом науки и высшего образования // Вестник Академии знаний. 2022. № 49 (2). С. 89–96. EDN: [DGVGRX](#)
Grinenko S.V., Naydenko I.S. Gender equality in managing the human capital of science and higher education. *Vestnik Akademii znaniy*. 2022. No. 49 (2). P. 89–96. (In Russ.)
12. *Громова Е.И.* Гендерные особенности социальной мобильности во властных структурах разных регионов России и мира // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 1. С. 69–79. DOI: [10.19181/nko.2021.27.1.6](#) EDN: [VAFHGK](#).
Gromova E.I. Gender features of social mobility in power structures of different regions of Russia and the world. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 69–79. DOI: [10.19181/nko.2021.27.1.6](#) (In Russ.)
13. *Гурко Т.А.* Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 73–94. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5714](#) EDN: [YTPUDU](#)
Gurko T.A. Well-being of men and women of different marital status: Russia in the international context. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 73–94. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5714](#) (In Russ.)
14. *Гурко Т.А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 65–80. DOI: [10.19181/snsp.2019.7.2.6410](#) EDN: [ZWFDXU](#)
Gurko T.A. Student's Attitudes to Parenthood and the Social Roles of Men and Women. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 65–80. DOI: [10.19181/snsp.2019.7.2.6410](#) (In Russ.)
15. *Дудзик Е.А., Иванова В.С.* Социальные роли мужчин и женщин: мнение студентов // Равноправие мужчин и женщин в России и в мире: научный потенциал молодежных исследований: Сборник материалов международной молодежной научной конференции. Иваново, 19 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 116–121. EDN: [QEANLZ](#)
Dudzik E.A., Ivanova V.S. Social roles of men and women: students' opinion. *Ravnopraviye muzhchin i zhenshchin v Rossii i v mire: nauchnyy potentsial molodezhnykh issledovaniy* [Equality of men and women in Russia and in the world: scientific potential of youth research]. Ivanovo: Ivanovo State University publ., 2022. P. 116–121 (In Russ.)
16. *Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П.* Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 26–36. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.3](#) EDN: [VTOKOQ](#)
Efanova O.A., Pisklakova-Parker M.P. Modern Russian family under the conditions of changing gender relations. *Narodonaselenie*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 26–36. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.3](#) (In Russ.)
17. *Илимбетова А.А.* Альтернативные источники данных об уровне занятости российских женщин в предпринимательстве // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 90–102. DOI: [10.24411/15617785-2019-00041](#) EDN: [YHPSKE](#)
Ilimbetova A.A. Alternative Sources of Data on the Level of Employment of Russian Women in Entrepreneurship. *Narodonaselenie*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 90–102. DOI: [10.24411/15617785-2019-00041](#) (In Russ.)
18. Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства / Отв.

- ред. С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2024. — 519 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024) EDN: [NKNTRL](https://edn.nkntrl.ru/)
- Institutional Political Science 2.0. Transformative Politics in Russia: Social Actors and Political Institutions in the Space of Power and Domination*. Ed. by S.V. Patrushev. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., 2024. 519 p. DOI: [10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024) (In Russ.)
19. Карпова М.К. Гендерные отношения в современном обществе: равноправие или неравенство? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11. № 1. С. 77–89. DOI: [10.21685/2307-9525-2023-11-1-9](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-1-9) EDN: [BXXUAA](https://edn.bxxuaa.ru/)
- Karпова M.K. Gender relations in modern society: equality or inequality? *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"*. 2023. Vol. 11. No. 1. P. 77–89. DOI: [10.21685/2307-9525-2023-11-1-9](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-1-9) (In Russ.)
20. Клещина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в Российском обществе. 2020. № 3. С. 78–91. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7) EDN: [IKGCBP](https://edn.ikgcbp.ru/)
- Kletsina I.S., Vekilova S.A. Gender relations in the Russian family: transformation trends. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2020. No. 3. P. 78–91. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7) (In Russ.)
21. Колесник Н.В. Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 468–491. DOI [10.14515/monitoring.2021.4.1652](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652). EDN [CKWDZJ](https://edn.ckwdzj.ru/)
- Kolesnik N.V. Gender (In)Equality in the Political Power of Russian Regions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 4. P. 468–491. DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1652](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652) (In Russ.)
22. Крыштановская О.В., Бальбот Н.А. Женщины и мужчины: образовательные и профессиональные лифты в политику // Женщина в российском обществе. 2024. № 3. С. 20–38. DOI: [10.21064/WinRS.2024.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.3.2) EDN: [EUNFGH](https://edn.eunfgh.ru/)
- Kryshstanovskaya O.V., Balbot N.A. Women and men: educational and professional elevators into politics. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2024. No. 3. P. 20–38. DOI: [10.21064/WinRS.2024.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.3.2) (In Russ.)
23. Лежнина Ю.П. Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 165–176. EDN: [QZHSFD](https://edn.qzhsfd.ru/)
- Lezhnina Yu.P. Transformation of gender roles in modern Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2013. No. 4. P. 165–176. (In Russ.)
24. Нечаева Н.А. Амбивалентность как характеристика гендерной картины мира молодежи: исследования 1996–2023 гг. Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 4. С. 123–148. DOI: [10.31119/jssa.2024.27.4.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.5) EDN: [KTZOJD](https://edn.ktzojd.ru/)
- Nechaeva N.A. Ambivalence in young people's gender worldview: research from 1996 to 2023. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 123–148. DOI: [10.31119/jssa.2024.27.4.5](https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.5) (In Russ.)
25. Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 70–81. EDN: [YGTHCL](https://edn.ygthcl.ru/)
- Ovcharova O.G. Gender asymmetry of politics: changing world configuration. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye*. 2016. Vol. 17. No. 2. P. 70–81. (In Russ.)
26. Осипова Д.В. Особенности гендерных представлений современной молодежи // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 200–209. EDN: [JVRMPN](https://edn.jvrmpn.ru/)

- Osipova D.V. Features of gender representations of modern youth. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. 2009. No. 4. P. 200–209. (In Russ.)
27. Подвойский Д. Г. Воздушные замки / железные клетки: к генеалогии и феноменологии прочности социальных конструкций: Монография. М.: Академический проект, 2025. — 534 с. EDN: [MBDXKU](#)
- Podvoisky D.G. *Castles in the air / Iron cages: towards the genealogy and phenomenology of the strength of social structures*. Moscow: Akademicheskiiy proyekt publ., 2025. 534 p. (In Russ.)
28. Поддубная М.Н., Ичмелян И.Ф. Гендерные особенности и развитие предпринимательства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. Т. 1. № 1 (83). С. 167–170. DOI: [10.24412/2411-0450-2022-1-183-167-170](#) EDN: [UDJJDK](#)
- Poddubnaya M.N., Ichmelyan I.F. Gender and entrepreneurship development. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2022. Vol. 1. No. 1 (83). P. 167–170. DOI: [10.24412/2411-0450-2022-1-183-167-170](#) (In Russ.)
29. Попова И.П. Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий // Мир России. 2021. Т. 30. № 2. С. 98–122. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-2-98-122](#) EDN: [MGUTJB](#)
- Popova I.P. Gender Equality in Science and Technology as a Factor in Professional Careers. *Mir Rossii*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 98–122. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-2-98-122](#) (In Russ.)
30. Ребрей С.М. Роль женщин в российской науке: традиционные и новые методы измерения // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 34–48. DOI: [10.21064/WinRS.2025.1.3](#) EDN: [WHSHXX](#)
- Rebrey S.M. The role of women in Russian science: traditional and new methods of measurement. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2025. No. 1. P. 34–48. DOI: [10.21064/WinRS.2025.1.3](#) (In Russ.)
31. Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–17. DOI: [10.21064/WinRS.2019.2.1](#) EDN: [QLAZIW](#)
- Sillaste G.G. Social transitions and the formation of a new gender order. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2019. No. 2. P. 3–16. DOI: [10.21064/WinRS.2019.2.1](#) (In Russ.)
32. Смирнова И.Н. Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика (по итогам конференции) // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 127–132. DOI: [10.21064/winars.2019.3.11](#) EDN: [QUCSRX](#)
- Smirnova I.N. Gender Relations in the Modern World: Management, Economy, Social Policy (Based on the Results of the Conference). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2019. No. 3. P. 127–132. DOI: [10.21064/winars.2019.3.11](#) (In Russ.)
33. Ткаченко И.Н., Первухина И.В. Гендерные аспекты участия женщин в корпоративном бизнесе и предпринимательстве // Дискуссия. 2017. № 11. С. 25–35. EDN: [YLUPJR](#)
- Tkachenko I.N., Pervukhina I.V. Gender Aspects of Women Participation in Corporate Business and Entrepreneurship. *Diskussiya*. 2017. No. 11. P. 25–35. (In Russ.)
34. Хасбулатова О.А. Об участии российских женщин в государственном управлении: историко-политологический анализ // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 32–36. EDN: [BUUSNV](#)
- Khasbulatova O.A. On the participation of Russian women in public administration: historical and political analysis. *Gender relations in the modern world: governance, economics, social policy*. Ivanovo: Ivanovo State University publ., 2019. P. 32–36. (In Russ.)

35. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 2. С. 161–171. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.14](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14) EDN: [GFDKHB](https://www.edn.ru/GFDKHB)
Khasbulatova O.A., Smirnova I.N. Gender stereotypes in digital society: modern tendencies. *Narodonaselenie*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 161–171. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.14](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14) (In Russ.)
36. Хоткина З.А. Гендерное равенство – острый вопрос современности и важный аспект устойчивого развития // *Гендерная панорама современной России* / Отв. ред. В.Г. Доброхлеб, З.А. Хоткина, М.В. Беликова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. С. 31–38.
Khotkina Z.A. Gender equality — a pressing issue of our time and an important aspect of sustainable development. *Gender panorama of modern Russia*. Ed. by V.G. Dobrokhleb, Z.A. Khotkina, M.V. Belikova. Moscow: FCTAS RAS publ., 2022. P. 31–38. (In Russ.)
37. Юшкина Н.А., Крыштановская О.В. Гендерное представительство и политический потенциал женщин в публичной политике // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2023. Вып. 3. С. 443–456. DOI: [10.17072/2078-7898/2023-3-443-456](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456) EDN: [VWTLAX](https://www.edn.ru/VWTLAX)
Yushkina N.A., Kryshtanovskaya O.V. Gender representation and political potential of women in public policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*. 2023. No. 3. P. 443–456. DOI: [10.17072/2078-7898/2023-3-443-456](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456) (In Russ.)
38. Deaux K., Lewis L.L. Structure of Gender Stereotypes: Interrelations among Components and Gender Label. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 46. Iss. 5. P. 991–1004. DOI: [10.1037/0022-3514.46.5.991](https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.5.991)
39. Therborn G. *Between Sex and Power. Family in the World, 1900–2000*. L.: Routledge, 2004. 392 p. DOI: [10.4324/9780203643297](https://doi.org/10.4324/9780203643297)
40. Walby S. *Patriarchy at Work: Patriarchal and Capitalist Relations in Employment*. Cambridge, UK: Polity Press in association with B. Blackwell, Oxford, 1986. 292 p.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025; поступила после рецензирования и доработки: 12.03.2026; принята к публикации: 16.03.2026.

Received: 09.02.2025; revised after review: 12.03.2026; accepted for publication: 16.03.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.2
EDN: ALUYGH

Е.М. ДОЛГОВА¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В МУЗЕЯХ: МЕЖДУ УСПЕШНЫМИ ИНИЦИАТИВАМИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ БАРЬЕРАМИ¹

Аннотация. В последнее десятилетие развитие музейной инклюзии в России было настолько стремительным, что сделало возможным участие людей с инвалидностью в качестве посетителей и работников и привело к формированию музейных инклюзивных сообществ. В данной статье рассматриваются институциональные основы инклюзивной деятельности в музеях, направленной на работу с категорией людей с инвалидностью. На основании 40 глубинных полуструктурированных интервью с музейными сотрудниками, отвечающими за развитие инклюзии и доступности, а также с людьми с инвалидностью, работающими в музее, показано, что появление инклюзии в российском музейном поле запустило институциональные процессы, изменившие музей как организацию. В ходе тематического анализа выделены три организационные модели реализации инклюзии, которые существуют на данный момент в России и свидетельствуют о разной степени институционального изоморфизма: 1) музеи с полноценными инклюзивными отделами; 2) музеи с отдельными сотрудниками, отвечающими за инклюзию; 3) музеи без «инклюзивных» ставок. Установлены такие устойчивые музейные практики, обеспечивающие успешную реализацию инклюзии, как стратификация ролей специалистов по инклюзии, создание кросс-функциональных рабочих групп, включающих экспертов с инвалидностью, отказ от стигматизирующего маркирования в транслируемых формулировках и работе. Выявлено, что институционализация инклюзии в музеях является сложным процессом, требующим преодоления многоуровневых институциональных барьеров, которые тормозят процесс внедрения и легитимации новых социальных правил и ролей в организационную структуру музея. В заключение представлен системный подход при поиске консенсуса для преодоления барьеров на микроуровне индивидуальных действий работников (особое внимание уделено агентности музейных сотрудников и их «прекарной заботе»), на мезоуровне музея как организации и на макроуровне законодательства и государственной политики.

Ключевые слова: инклюзия; институционализация; музей; организация; институциональное сопротивление; агентность; неформальные практики; инклюзивные сообщества.

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Долгова Е.М. Институционализация инклюзивных программ для посетителей с инвалидностью в музеях: между успешными инициативами и организационными барьерами // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 28–42. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.2 EDN: ALUYGH

Современный музей как площадка реализации инклюзии

Согласно последнему принятому определению музея по версии Международного совета музеев, сегодня роль музея, которая ранее заключалась в сохранении и трансляции культурных объектов и ценностей, трансформировалась. Теперь он является источником авторитетных мнений и коллективного опыта, его миссия связана с такими ценностями, как устойчивость, инклюзивность, доступность, этика². Новое определение термина «музей» также включает понимание его как организации, стоящей на службе общества, которая работает профессионально, с участием сообществ и способствует развитию разнообразия и устойчивости³. За последние 10 лет развитие музейной инклюзии и культуры соучастия [7] в российском контексте было настолько стремительным, что стало возможным беспрепятственное участие людей с инвалидностью в качестве не только посетителей, но и работников и экспертов⁴. Как следствие, современный музей стал площадкой как для формирования собственных инклюзивных сообществ, так и для привлечения готовых инклюзивных сообществ, в том числе профессиональных [4].

Однако, несмотря на многообразие представлений о музейной инклюзии [3], ее лидирующим контекстом в России по-прежнему остается базовое обеспечение доступности, соответствующее формальным нормам. В отличие от системы инклюзивного образования, в музейной сфере реализация инклюзии регулируется другими законами (например, Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»⁵) и в большей степени подзаконными актами (приказами Министерства культуры⁶, государственной программой Правительства РФ⁷), а также методическими рекомендациями и внутренними

² Сеймур Т. Принято новое определение понятия «музей» // THE ART NEWSPAPER RUSSIA. 26 August 2022. — URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/> (дата обращения 22.09.2025).

³ ICOM approves a new museum definition // ICOM. 24 August. — URL: <https://icom.museum/en/news/icom-approves-a-new-museum-definition/> (дата обращения 24.09.2025).

⁴ На пути к инклюзии: 10 лет инклюзивным программам музея «Гараж» // Платформа «Музей ощущений». — URL: <https://garagemca.org/ru/programs/inclusive-programs/diversity-and-inclusion/towards-inclusion-10-years-of-inclusive-programs-at-garage-museum> (дата обращения 01.10.2025).

⁵ Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения 10.01.2026).

⁶ Приказ Министерства культуры РФ от 09.09.2015 № 2400 «Об утверждении требований доступности к учреждениям культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения» // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/71283280/> (дата обращения 01.10.2025).

⁷ Государственная программа «Доступная среда» // Сайт Правительства России. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/820/events/> (дата обращения 01.10.2025).

документами самого музея. Таким образом, в музеях отсутствует четкое нормативно-правовое регулирование инклюзивной политики на федеральном уровне, что приводит к различным сценариям ее осуществления.

Реализация музейной инклюзии сталкивается с системными противоречиями между декларируемыми целями, общественными ожиданиями и реальными ресурсами музеев, институциональными барьерами, которые препятствуют упорядочению соответствующих норм и правил инклюзии в организационной структуре музея. Какие институциональные трансформации происходят в современном музее в России как организации при повороте в сторону инклюзии?

Консервативные представления о роли музея сталкиваются с его агентной позицией в отношении людей с инвалидностью и связанными с этим динамично развивающимися инклюзивными процессами, становление которых не подвергалось ранее институциональному социологическому анализу. Несмотря на имеющийся и постоянно возрастающий интерес со стороны специалистов из различных областей относительно того, как выстраивается инклюзивное направление преимущественно в сфере образования, бизнеса и НКО [1; 9], необходима также разработка социологической модели формирования инклюзивных процессов в сфере культуры на примере современной музейной институции. В настоящее время можно констатировать, что даже зарубежные исследования, посвященные социологическому анализу современного музея как организации с определенной структурой, культурой и процессами, вызванными инклюзивным направлением деятельности, весьма немногочисленны. То же касается степени исследования инклюзивного музейного поля в России.

«Открытые для публики, доступные и инклюзивные» музеи как объект для исследования

Институционализация представляет собой процесс формирования и закрепления новых и эпизодических социальных практик путем их преобразования в устойчивые социальные институты, действующие на протяжении длительного времени.

Согласно самой концепции институционализации в трактовке Никласа Лумана предлагается рассматривать объект системно, где непрерывность и стабильность института рассматриваются в качестве процесса, что позволяет определять возможные нюансы [5]. Этот процесс, согласно Толкотту Парсонсу, включает возникновение общественных потребностей, формирование общих целей, разработку социальных норм и правил, создание системы социальных статусов и ролей и другие этапы, способствующие формализации и упорядочению социальных отношений и интеграции в существующую социальную систему [6]. При этом, исходя из теории Питера Бергера и Томаса Лукмана, этапу институционализации предшествует хабиитуализация, когда новое действие постепенно становится повторяющимся и привычным, и типизации, когда для выполнения этого действия формируются обобщенные социальные роли, а не конкретные личности. Социальный порядок, сконструированный в ходе институционализации, проходит этап легитимации, на котором объясняется сложившийся и воспроизводящийся продукт деятельности человека [2, с. 103]. Формирование и устойчивое развитие

инклюзивного направления в музеях является примером его институционализации, при котором происходит системное внедрение идей равного доступа, социальной интеграции и других инклюзивных ценностей в стабильную практику музейной деятельности и организационную структуру [17; 18].

Согласно концепции институционального подхода Пола Димаджио и Уолтера Пауэлла, организации становятся похожими друг на друга при реализации схожей деятельности, перенимая легитимные, совместно созданные практики [12]. При этом организации, с одной стороны, подвергаются давлению, чтобы соответствовать нормативным, когнитивным и миметическим ожиданиям, что приводит к различным уровням изоморфизма, а с другой — сталкиваются с внутренними ограничениями и противоречиями. Это создает пространство для изучения институциональных барьеров реализации инклюзии в музеях [13].

Проявляемая на индивидуальном и коллективном уровнях забота музейных сотрудников об уязвимых группах становится формой сопротивления институциональным барьерам в инклюзивном музее, которая создает общее поле взаимодействия по Нилу Флигстину [14]. Двойственность позиции музейных работников проявляется в том, что они, с одной стороны, как сотрудники организации должны следовать определенным бюрократическим правилам, которые не учитывают ситуативную сложность реального взаимодействия [20], но с другой — готовы выходить за нормативные рамки ради инклюзии, что приводит к «прекарности заботы», которая базируется на личной заинтересованности и психологической устойчивости сотрудников, а не на системных правилах [22]. Для анализа агентности сотрудников и их адаптивных стратегий, то есть для понимания того, каким образом музейные работники через свои повседневные практики могут обходить институциональные барьеры, уместно также использовать концепцию агентности Энтони Гидденса [15], которая подчеркивает двойственность структуры — взаимодействие структуры и действия человека.

В дополнение к этому теория многоуровневого анализа позволяет рассматривать музей и инклюзию на разных социальных уровнях: на макроуровне (законодательство, государственная политика), мезоуровне (организационные структуры, взаимодействие между отделами) и микроуровне (индивидуальные действия сотрудников). Такой подход, согласно Джону Кресвеллу, широко применяется в исследованиях социальных практик и организационных изменений [11].

В данной статье рассматриваются институциональные основы инклюзивной деятельности в музеях, направленной на работу с категорией людей с инвалидностью, которые прошли этап легитимации и интегрировались в организационную структуру музеев. При этом важное внимание уделено институциональным барьерам, которые при возникновении инклюзии тормозят процесс формирования и внедрения новых социальных практик, норм и ролей в социальную систему музея, и возможным путям их преодоления.

Методология исследования

Исследование, результаты которого использованы в данном анализе, было выполнено в рамках качественной методологии. На основании 40 глубинных полуструктурированных интервью (32 интервью с сотрудниками музеев, осущест-

вляющих инклюзивную деятельность, и дополнительные 8 интервью с музейными работниками с инвалидностью) были выявлены ключевые институциональные механизмы и барьеры осуществления инклюзии в современном российском музее в условиях несовершенства инклюзивного музея как социального института.

География исследования ограничена преимущественно музеями Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Самары и некоторыми другими региональными музеями крупных городов (от 250 тыс. до 1 млн чел.) и городов-миллионников. Основным критерием целевой выборки являлся факт штатной трудовой занятости в музее, который активно внедряет инклюзивные практики для различных категорий посетителей с инвалидностью. Была применена выборка максимальных вариаций: в выборку вошли музеи с различным типом финансирования (частный/государственный) и размером (малый/средний/крупный). После интервью дополнительно был применен метод снежного кома — поиск информантов осуществлялся непосредственно через сотрудников инклюзивных отделов и специалистов по доступности и инклюзии.

После сбора данных был проведен индуктивный тематический анализ с использованием методов интерпретативной социологии. Выбранная стратегия анализа данных позволила выявить скрытые институциональные особенности организации инклюзии в музеях.

Организационные модели инклюзии в музеях России

Стремительное развитие в России музейной инклюзии привело к формированию различных организационных моделей такой инклюзии, обусловленных имеющимися ресурсами музеев. На основе собранного эмпирического материала можно выделить классификацию, состоящую из трех организационных моделей инклюзии, которые отличаются по структуре управления, распределению ролей, принципам координации между подразделениями для осуществления инклюзивной деятельности. Во-первых, это *музеи с полноценными инклюзивными отделами*. В такой организационной модели инклюзии присутствует градация должностей, где каждый сотрудник является ответственным за развитие конкретного направления в рамках инклюзивной деятельности в музее (работа с незрячими и слабовидящими, глухими и слабослышащими, с людьми с ментальными особенностями).

«Мы выделили инклюзивное направление в отдел просветительских и инклюзивных программ. Это позволило нам системно работать с разными категориями посетителей» (Информант 20, государственный музей, Казань).

«У нас есть отдельный инклюзивный отдел с междисциплинарной командой. То есть сразу несколько команд, отвечающих за инклюзию на разных площадках внутри нашей институции» (Информант 14, частный музей, Екатеринбург).

В то же время в больших инклюзивных отделах помимо специалистов, которые занимаются непосредственно развитием инклюзии и доступности для различных категорий посетителей, есть также сотрудники, занимающие в нем административные и другие должности, необходимые для поддержания всех организационных процессов (менеджер по ведению финансовой отчетности, административно-хозяйственной деятельности, пиар-менеджер и др.). Это, с одной

стороны, может объясняться завершившимся процессом институционализации инклюзивного направления в музее, что предполагает создание новых социальных ролей и должностей и их интеграцию в существующую музейную структуру [6; 18], но, с другой стороны, может быть связано с перегруженностью музейных специалистов, не числящихся в инклюзивном отделе, которые решают задачи и запросы, поступающие от разных музейных структурных подразделений.

«У нас внутри инклюзивного отдела появился свой пиар-менеджер, потому что большой пиар-отдел был перегружен уже» (Информант 25, государственный музей, Москва).

Во-вторых, это музеи, в которых за развитие инклюзивного направления отвечают отдельные сотрудники, не числящиеся в одном структурном подразделении музея, как в первом случае, но при этом имеющие соответствующее указание в должности на выполнение задач, связанных с инклюзией и доступностью. Нередко на начальных этапах развития инклюзии, а именно на этапе типизации инклюзивных практик [2], в музеях только один специалист по инклюзии и доступности, который выполняет широкий пул задач, связанных с разработкой концептуальных положений, контент-плана мероприятий для различных категорий посетителей, с координированием событий, ведением отчетности:

«Я одна занимаюсь всеми инклюзивными направлениями в музее. Это посетители с ментальными особенностями, незрячие, глухие, а еще люди старшего возраста, для которых у нас есть отдельные мероприятия» (Информант 29, частный музей, Москва).

В-третьих, это музеи, в которых нет «инклюзивных» ставок. В таком случае инклюзией занимается человек, который готов совмещать эту деятельность со своими основными должностными обязанностями и задачами. При этом, занимаясь развитием нового направления, музейный сотрудник сталкивается с прекаризацией своего статуса ввиду отсутствия дополнительного финансового стимулирования, устойчивых социальных и правовых гарантий, регулярных переработок [8].

«Инклюзия — это дополнительная нагрузка к основным обязанностям. Из-за перегрузки физически не хватает времени, чтобы качественно развивать инклюзию» (Информант 32, государственный музей, Санкт-Петербург).

Также в случае отсутствия легитимности инклюзивной деятельности руководство может быть не заинтересовано в том, чтобы выделять финансовые средства на развитие данного направления, несмотря на готовность заинтересованных в этом сотрудников.

«У нас нет отдельной ставки, руководство воспринимает инклюзию как “хобби” для сотрудников и говорит: “Вы тратите время на свои хотелки”» (Информант 9, частный музей, Санкт-Петербург).

Существующее разнообразие моделей неслучайно, это прямое следствие несовершенства нормативно-правовой базы в сфере инклюзии, что заставляет музеи действовать в режиме поиска и экспериментов в заданных условиях.

Инклюзия как институциональная норма: сложившийся комплекс практик в музейной сфере

Успешное и устойчивое осуществление инклюзивной деятельности является результатом институционализации этого направления в музеях, при котором произошло системное внедрение социальных норм, практик и ролей, основанных на идеях равного доступа, культуры соучастия, социальной интеграции, в организационную структуру музея [7]. Музеи как организации, осуществляющие инклюзивную деятельность, перенимают успешные, прошедшие легитимацию практики друг друга [12]. Так, организационная структура какого-либо музея, в котором уже давно и успешно ведется инклюзивная деятельность, прошла этап внедрения комплекса социальных практик, связанных с инклюзивной деятельностью, и трансформировалась. В первую очередь процесс институционализации инклюзии в музеях привел к формированию комплекса функциональных ролей (методисты, менеджеры, администраторы), характерных для успешного осуществления инклюзивной деятельности. Однако на практике наблюдается их совмещение, когда весь спектр задач выполняется одним или несколькими универсальными специалистами.

«У нас появилось плюс 20 инклюзивных программ регулярных. То есть у нас возрос запрос на методистов, менеджеров, и появилось больше менеджеров и методистов. Раньше я одна занималась всем: запускала проекты, издавала внутренние документы, приказы, внешние договоры заключала, отчеты с докладами. Сейчас этим всем занимается менеджер» (Информант 25, государственный музей, Москва).

Стоит отметить, что именно отношение руководства, которое активно поддерживает инициативы в области инклюзии, во многом определяет успешность развития данного направления.

«Руководство прислушивается к нам. Музей готов оплатить дорогу, проживание для обучения, финансировать идеи для развития инклюзии» (Информант 12, государственный музей, Санкт-Петербург).

Реализация культуры соучастия через привлечение людей с инвалидностью к музейным проектам также является общепринятой практикой при успешном ведении инклюзивной деятельности в музеях. С одной стороны, человек с инвалидностью в музее может приобретать роль *эксперта-пользователя*. Для данной категории свойственно выполнение узкоспециализированных задач, основанных на опыте своей инвалидности и знаниях в сфере доступности, а не полученной образовательной специальности. С другой стороны, человек с инвалидностью может быть *работником по специальности*, который использует полученные профессиональные навыки и больше погружен в музейный контекст, нежели эксперт-пользователь. Подобные практики соучастия людей с инвалидностью становятся неотъемлемой частью организационной культуры инклюзивного музея.

Еще одной институциональной нормой данной отрасли является тот факт, что экономическое и ресурсное обеспечение инклюзивной деятельности в музеях формируется через сложную систему смешанного финансирования (государственные субсидии, спонсорские и грантовые средства, выставочные бюджеты). Все это приводит к необходимости постоянного поиска новых финансовых возможностей и контроля за расходованием имеющихся средств для реализации планируемых инклюзивных проектов

«Благотворители сегодня есть, завтра их нет, и нужно так или иначе входить в систему музея. У нас совершенно небольшие бюджеты, мы не самые богатые. И на конкретную инклюзию в бюджете музея ничего не зашито» (Информант 30, государственный музей, Москва).

«На какие-то базовые вещи хватает музейного бюджета, но еще мы дополнительно участвуем в грантах, чтобы реализовать все задумки» (Информант 27, частный музей, Москва).

Слишком стремительное развитие инклюзивного направления в музеях и внедрение новых правил и норм в организационную структуру музеев привели к вынужденной переоценке ценностей, которые изначально закладывались в концепцию инклюзивных программ. В настоящее время происходит переход в сознании музейных сотрудников от инструментального понимания инклюзии к ее критической рефлексии. Примером этого является сознательный отказ от стигматизирующего маркирования проектов как инклюзивных.

«Мы уже перестали подчеркивать, что это инклюзивные проекты. Если я не называю встречу инклюзивной, это не означает, что она не адаптирована для незрячих, например» (Информант 25, государственный музей, Москва).

Как следствие, можно наблюдать устоявшуюся социальную модель понимания инвалидности через деконструкцию бинарности «норма – патология». Также происходит включение инклюзивных специалистов в процессы планирования проекта уже на ранних стадиях.

«У нас регулярные встречи с руководителями других отделов, архитекторами, мы с ними обсуждаем все на начальном этапе, как лучше сделать» (Информант 29, частный музей, Москва).

Когда инклюзия становится самостоятельным направлением, начинает происходить формирование кросс-функциональных рабочих групп. Архитекторы, инженеры, мультимедиаспециалисты обсуждают с инклюзивными специалистами еще на этапе проектирования выставочного проекта особенности адаптации для различных категорий посетителей с инвалидностью. Как правило, первоначально инициатива исходит от самих специалистов по доступности и инклюзии, но со временем, когда направление работы уже определено, такой порядок становится нормой.

Институциональные барьеры при работе с категорией людей с инвалидностью

Несмотря на стремительное развитие инклюзии, которое связано с определенными нормативными ожиданиями государства в рамках программы «Доступная среда»⁸ и ратификации Конвенции ООН о правах людей с инвалидностью⁹, музей

⁸ Приказ Министерства культуры РФ от 09.09.2015 № 2400 «Об утверждении требований доступности к учреждениям культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения» // Информационно-правовой портал «Гарант» [электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71183280/> (дата обращения: 22.09.2025).

⁹ Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // Информационно-правовой портал «Гарант» [электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/70170066/> (дата обращения: 22.09.2025).

как организация не успевает так же стремительно перестраивать все внутренние процессы, что ведет к ряду институциональных барьеров при реализации инклюзии [13]. В материалах интервью можно проследить конфликт между музейной традицией и инклюзивными новациями, четкое внедрение которых не задано правовым полем. Как отмечают информанты, может происходить видимое сопротивление организационным изменениям со стороны отдельных музейных акторов (сотрудники первой линии: служба безопасности, кассиры, гардеробщики), руководства и других отделов, не связанных с инклюзией. Например, в одном из музеев, где успешно реализуются различные инклюзивные программы, происходила борьба за символическое пространство музея (попытки выставочного отдела вынести тактильные модели на отдельный этаж).

«Мне секретарь говорит: “Вот мы сделаем выставку скульптур, а вот эти тактильные модели мы вынесем на отдельный этаж”. Я говорю, что тактильные скульптуры должны быть рядом со скульптурой, это неэтично, но меня пока не поняли» (Информант 25, государственный музей, Москва)

Подобное видимое сопротивление организационным изменениям, связанным с процессом институционализации инклюзии в музее, может быть обусловлено и негибкостью руководства. Например, она может проявляться в длительном сроке согласования проекта для реализации.

«Бывают сложности именно с согласованием проектов между руководителями отделов, потому что там старая музейная школа» (Информант 10, государственный музей, Калуга).

Сопротивление организационным изменениям в контексте инклюзии также могут оказывать сотрудники первой линии, которые, как правило, не состоят в штате музея, не разделяют общепринятых социальных норм при взаимодействии с посетителями с инвалидностью и проявляют стигматизирующие установки по отношению к ним.

«Гардеробщица говорит: “Зачем этих детей [с ментальными особенностями] берут в музей? Дома надо сидеть”. Да, установки из СССР. Охранники — тоже такая же история, они тоже на аутсорсе, при этом они внутри музея, но как бы на них даже не повлияешь никак особо» (Информант 3, государственный музей, Москва).

Присутствие подобных стереотипов в контексте медицинской модели понимания инвалидности [19] вместе с отсутствием поддержки от других коллег приводит к выгоранию отдельных специалистов, которые вынуждены бороться с возникающими институциональными трудностями.

Финансирование для музеев, которые осуществляют инклюзивную деятельность, также является системным барьером. Как отмечено выше, музеи зависят от смешанного финансирования инклюзивной деятельности, что создает неустойчивую модель развития инклюзии. Кроме того, дополнительными барьерами выступают медленная адаптация к изменениям из-за бюрократических процедур и отсутствие готовности руководства заниматься развитием инклюзии по-настоящему.

«Руководство делает многое для галочки... Лишняя отчетность» (Информант 12, государственный музей, Санкт-Петербург).

Коммодификация инклюзивных практик также становится дополнительным барьером для выделения должного финансирования.

«500 тысяч рублей? Такая тактильная модель не окупится, делать не будем» (Информант 25, государственный музей, Москва).

Помимо институциональных условий в виде недостатка финансирования для создания доступной среды в музеях и неблагоприятных внешних событий, медленное формирование и закрепление инклюзивного направления в регионах могут объясняться дефицитом кадров.

«У нас очень мало переводчиков. Их один-два в республике» (Информант 1, государственный музей, Удмуртская Республика).

«Мы заказываем тифлокомментарии. У нас в городе всего два тифлокомментатора. Вот только к ним и обращаемся, ждем, когда у них будет возможность» (Информант 23, государственный музей, Самара).

Таким образом, рассмотренные барьеры тормозят развитие инклюзивного направления в музеях в российском контексте. Провозглашение открытости музеев к инклюзии, направленной на людей с различными формами инвалидности, сталкивается с определенными институциональными барьерами наряду с неустойчивостью нормативно-правового регулирования сферы.

Институциональные ограничения и личная инициатива: ответ на системные вызовы

Компенсируя институциональные недостатки инклюзии личными усилиями, сотрудники музеев обращаются к неформальным практикам заботы о людях с инвалидностью, не прописанным в их должностных инструкциях и не учитываемым в системе оплаты труда. (Не)видимая забота сотрудников музеев о посетителях с инвалидностью проявляется, например, 1) в готовности оказать ситуативную помощь вне музейного маршрута (сопроводить незрячего посетителя до метро), в творческом подходе к адаптации экскурсий в условиях ограниченных ресурсов (создание авторских тактильных моделей); 2) для музейных коллег с инвалидностью — в разработке сотрудниками без инвалидности негласных правил для смягчения барьеров и сетей поддержки работников с инвалидностью при их адаптации; 3) для сообществ людей с инвалидностью — в готовности участвовать в культурном производстве, реализуя совместные инклюзивные проекты в музее. Подобные действия иллюстрируют множественность логик заботы [16] и формируют общее поле взаимодействия [14], становятся актом сопротивления институциональным ограничениям и барьерам, которые существуют в музеях.

Мотивация музейных сотрудников основывается на осознании социальной миссии музея как агента социокультурной инклюзии [10], на их личном интересе и профессиональной этике, что зачастую приводит к их эмоциональному выгоранию при отсутствии системной поддержки. Это способствует возникновению внутреннего конфликта в позиции музейных сотрудников. Они, с одной стороны, обязаны соблюдать бюрократические предписания, оторванные от реально-

сти [20], а с другой — сознательно нарушают их ради инклюзии. Эта самоотверженность, определяемая как «прекарность заботы» [22], коренится не в системных регламентах, а в личной ответственности и эмоциональных ресурсах сотрудников.

«Мне как раз много чего сделать хочется, но за это время мое здоровье пострадало. И я понимаю, что надрываюсь, так можно очень быстро сгореть, и потом не смогу работать» (Информант 32, государственный музей, Санкт-Петербург).

В связи с этим только проявления «прекарной заботы» и агентности музейных сотрудников недостаточно для преодоления институциональных барьеров. Исходя из нарративов сотрудников музеев в интервью, необходимы системные изменения в области музейной инклюзии. Полученные рекомендации были проанализированы согласно концепции политики макро-, мезо- и микроуровня.

Во-первых, *на макроуровне* необходимо лоббирование обновлений в законодательстве с целью конкретного правового регулирования инклюзии в музеях и изменения всей организационной структуры музея, согласно заданным нормам. Это обусловлено тем, что в настоящее время в некоторых музеях присутствует парадокс формальной институционализации инклюзии при сохранении ее маргинального статуса, когда многое делается формально — «для галочки». Необходимо также создание устойчивых финансовых механизмов. Для государственных музеев это подразумевает увеличение прямого бюджетного финансирования, а не только грантовой и спонсорской поддержки, процедуры оформления которой отнимают много ресурсов.

«На оформление бумаг тратится больше сил, чем на реализацию» (Информант 6, государственный музей, Иркутск).

Для частных музеев — введение внутренних критериев оценки эффективности инклюзии (*Key performance indicators, KPI*), если они отсутствуют.

Во-вторых, *на мезоуровне* ключевыми механизмами преодоления институциональных барьеров являются формальное закрепление инклюзии через создание соответствующих ставок и отделов, развитие профессиональных стажировок между музеями, успешно ведущими инклюзивную деятельность, и формирование межмузейных ресурсных центров для обмена опытом инклюзии и поддержки коллег.

«Контакт от человека к человеку ценнее методичек... Мы можем тут же пообщаться» (Информант 19, частный музей, Санкт-Петербург).

Необходимо продолжать работу в направлении развития инклюзивных сообществ на базе музея. Для этого следует продвигать установки на вовлечение в разные группы и работу с ними, долговременный характер работы и наличие «агента» внутри институции [4].

В-третьих, *на микроуровне* для преодоления дефицита кадров в области доступности и инклюзии необходимо развитие профессиональной культуры (специализированное обучение сотрудников инклюзивным практикам, повышение профессионального уровня музейных сотрудников). Как показали результаты проведенного исследования, создание непосредственно инклюзивной среды остается уникальным опытом, основанным на этике заботы [21], агентами чего являются непосредственно музейные сотрудники — от службы безопасности и зрителей до координаторов и экскурсоводов. В связи с этим необходимо внедрение системы

супервизии для профилактики выгорания сотрудников. Несмотря на распространенное сопротивление инклюзии со стороны руководства и бюрократическую ригидность, следует совмещать поддержку индивидуального активизма и энтузиазма со стороны руководства и других коллег и взаимопомощи музейных сотрудников.

Заключение

Несмотря на то что стремительное развитие инклюзии в российском музейном поле запустило соответствующие ее основным целям институциональные процессы в музеях, нельзя утверждать, что произошла окончательная институционализация данного направления. В настоящее время в музейной сфере происходит уникальное движение в построении инклюзивных процессов «снизу», базирующееся на подлинной приверженности ряда сотрудников ценностям инклюзивной культуры. Ввиду определенного правового вакуума в сфере культуры музеев, ведущие инклюзивную деятельность, находятся на разных этапах трансформаций внутренних процессов и сталкиваются с инерцией устоявшихся организационных порядков.

Можно выделять три основные организационные модели реализации инклюзии: от полноценных инклюзивных отделов и специализированных должностей до полного отсутствия соответствующих ставок в музеях, развивающих направление доступности и инклюзии. Выявленная классификация свидетельствует о разной степени институционального изоморфизма музеев в соответствии с предъявляемыми к ним внешними требованиями от государства и сообществ людей с инвалидностью, что зачастую приводит к формальному принятию норм инклюзии при отсутствии глубинных организационных изменений.

Системному внедрению идей равного доступа и соучастия в организационную структуру музея препятствуют ряд институциональных барьеров. Такие устоявшиеся институциональные нормы, обеспечивающие успешную реализацию инклюзии в музее, как четкая стратификация ролей специалистов по инклюзии, создание кросс-функциональных рабочих групп, включающих экспертов с инвалидностью, отказ от стигматизирующего маркирования в транслируемых формулировках и работе, сталкиваются со структурными барьерами, без преодоления которых их соблюдение становится невозможным.

Таким образом, институционализация музейной инклюзии в России — сложный процесс, для выполнения которого необходимо преодоление многоуровневых организационных барьеров. Отсутствие четкой, единой для всех алгоритмизации на федеральном уровне привело не к унификации, а к множеству адаптивных моделей и сценариев, которые и были выявлены в проводимом исследовании. Выявленное разнообразие музейных инклюзивных практик является эмпирическим подтверждением существующего правового вакуума, который музеи заполняют собственными — зачастую пилотными — решениями. С одной стороны, процесс институционализации инклюзии обеспечивается «снизу» — за счет личной инициативы рядовых музейных сотрудников, которые сознательно обращаются к неформальным практикам заботы о людях с инвалидностью и компенсируют имеющиеся трудности. С другой стороны, сопротивление сотрудников остается невидимым для музея, что приводит к их выгоранию и является недостаточным для устойчивых организационных изменений. Для успешной инклю-

живной деятельности в музеях требуется системное преодоление этого разрыва через целенаправленные изменения в области музейной инклюзии на макро-, мезо- и микроуровне.

Полученные результаты могут стать основой для дальнейших исследований в области социологии организаций с акцентированием внимания на деятельности музеев как организаций со своим внутренним миром. Не менее важной является перспектива проведения социологического опроса музейных сотрудников относительно их комплексного восприятия музейной инклюзии и векторов развития данной сферы. Кроме того, настоящее исследование вносит вклад в дискуссию о заботе как этическом и практическом феномене в контексте понимания инклюзии в культурных институциях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Екатерина Михайловна — стажер-исследователь, аспирант, Международная лаборатория исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** + 7 (495) 531-00-00* 22494. **Электронная почта:** e.dolgova@hse.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1. P. 28–42. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.2

Research Article

EKATERINA M. DOLGOVA¹

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation.

INSTITUTIONALIZING INCLUSIVITY PROGRAMS FOR VISITORS WITH DISABILITIES IN MUSEUMS: BETWEEN SUCCESSFUL INITIATIVES AND ORGANIZATIONAL BARRIERS

Abstract. In the last decade, the development of museum inclusion in Russia has been so rapid that it has made it possible for people with disabilities to participate as visitors and employees and has led to the formation of inclusive museum communities. This article examines the institutional foundations of inclusive activities in museums aimed at working with the category of people with disabilities. Based on 40 in-depth semi-formal interviews with museum staff responsible for the development of inclusion and accessibility, as well as with museum workers with disabilities, it is shown that the emergence of inclusion in the Russian museum scene has launched institutional processes that changed the museum as an organization. Thematic analysis identifies three organizational models of inclusion that currently exist in Russia and that indicate varying degrees of institutional isomorphism: museums with full-fledged inclusivity departments (1), museums with individual employees responsible for inclusion (2), and museums without “inclusive” rates (3). Such stable museum practices have been established to ensure the successful implementation of inclusion as the stratification of the roles of inclusion specialists, the creation of cross-functional working groups that include experts with disabilities, and the rejection of stigmatizing labels in work and any wording that’s put forward. It is revealed that the institutionalization of inclusion in museums is a complex process that requires overcoming multi-level institutional barriers that hinder the process of introducing and legitimizing new social rules and roles in the organizational structure of the museum. In conclusion, a systematic approach is presented in the search for consensus to overcome them at the micro-level of individual actions of employees (special attention is paid to the agency of museum staff and their “precarious care”), the meso-level of the museum as an organization and the macro-level of legislation and public policy.

Keywords: inclusion; institutionalization; museum; organization; institutional resistance, agency; informal practices; inclusive communities.

For citation: Dolgova, E.M. Institutionalizing Inclusivity Programs for Visitors with Disabilities in Museums: Between Successful Initiatives and Organizational Barriers. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 28–42. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.2)

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina M. Dolgova — Research Assistant, Doctoral Student, International Laboratory for Social Integration Research, HSE University. **Phone:** + 7 (495) 531-00-00* 22494. **Email:** e.dolgova@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 151–170. EDN: [SGOMZJ](#)
Antonova V.K. The Concepts of Social Inclusion and Exclusion in Global Society: A Journey Within Social Institutions, Actors and Practices. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 2013. Vol. 11. No. 2. P. 151–170. (In Russ.)
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
3. Долгова Е.М., Большаков Н.В. Понимание инвалидности в инклюзивном музее: системные противоречия и поиск консенсуса // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2023. № 1 С. 56–74. DOI: [10.25285/2078-1938-2023-15-1-56-74](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-56-74) EDN: [DQXMFD](#)
Dolgova E.M., Bol'shakov N.V. View of Understanding Disability in an Inclusive Museum. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniia*. 2023. No. 1. P. 56–74. DOI: [10.25285/2078-1938-2023-15-1-56-74](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-1-56-74). (In Russ.)
4. Долгова Е.М., Малофеева М.В., Большаков Н.В. Формирование инклюзивных сообществ в современных российских музеях // Шаги / Steps. 2025. Т. 11. № 4. С. 243–262. EDN: [RXWIQV](#)
Dolgova E.M., Malofeeva M.V., Bol'shakov N.V. Formation of inclusive communities with the participation of people with disabilities in modern Russian museums. *Shagi / Steps*. 2025. Vol. 11. No. 4. P. 243–262. (In Russ.)
5. Луман Н. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25–42.
Luman N. Why is a “system theory” necessary? *Problemy teoreticheskoi sotsiologii*. Saint-Petersburg: Petropolis publ., 1994. P. 25–42. (In Russ.)
6. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. № 1. С. 38–71. EDN: [NRBVHP](#)
Parsons T. Social systems. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2008. Vol. 2. No. 1. P. 38–71. (In Russ.)
7. Саймон Н. Партиципаторный музей / Пер. А. Глебовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 368 с.
Saimon N. *The participatory museum*. Transl. from Eng. by A. Glebovskaia. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2017. 368 p. (In Russ.)
8. Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13. EDN: [UAXUBZ](#)
Toshchenko Zh.T. Precariat — a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2015. No. 6. P. 3–13. (In Russ.)

9. Халикова Д.Р., Хилькевич Е.В. Социокультурная инклюзия: концептуальные основы и тенденции развития // Аутизм и нарушения развития. 2022. Т. 20. № 2. С. 4–12. DOI: [10.17759/autdd.2022200201](https://doi.org/10.17759/autdd.2022200201) EDN: VEHRHY
Khalikova D.R., Khil'kevich E.V. Sociocultural Inclusion: Conceptual Foundations and Development Trends. *Autizm i narusheniya razvitiya*. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 4–12. DOI: [10.17759/autdd.2022200201](https://doi.org/10.17759/autdd.2022200201) (In Russ.)
10. Ярская-Смирнова Е.Р., Большаков Н.В. Формирование инклюзивной культуры музея: обзор русскоязычных методических пособий // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. 2020. № 1. С. 317–330. DOI: [10.35074/gj.2020.1.1.018](https://doi.org/10.35074/gj.2020.1.1.018) EDN: SFLXSL
Yarskaya-Smirnova E.R., Bol'shakov N.V. Creating an Inclusive Culture in the Museum: A Review of Russian-Language Methodological Guides. *The Garage Journal: issledovaniya v oblasti iskusstva, muzeev i kul'tury*. 2020. No. 1. P. 317–330. DOI: [10.35074/gj.2020.1.1.018](https://doi.org/10.35074/gj.2020.1.1.018) (In Russ.)
11. Creswell J.W. *Qualitative inquiry & research design: Choosing among five approaches*. L.: Sage Publications, 2013. 492 p.
12. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American sociological review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160. DOI: [10.2307/2095101](https://doi.org/10.2307/2095101)
13. Eardley A.F., Thompson H., Fineman A., Hutchinson R., Bywood L., Cock M. Devisualizing the museum: From access to inclusion. *Journal of Museum Education*. 2022. Vol. 47. No. 2. P. 150–165. DOI: [10.1080/10598650.2022.2077067](https://doi.org/10.1080/10598650.2022.2077067)
14. Fligstein N. The architecture of markets: An economic sociology of twenty-first-century capitalist societies. *Journal of Economic Sociology*. 2013. Vol. 14. No. 1. P. 28–53. DOI: [10.17323/1726-3247-2013-1-28-53](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2013-1-28-53)
15. Giddens A. *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Berkeley, CA: University of California Press, 1984. 350 p.
16. Mol A. *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. L.: Routledge, 2008. 148 p. DOI: [10.4324/9780203927076](https://doi.org/10.4324/9780203927076)
17. Morse N., Rex B., Richardson S.H. Special issue editorial: Methodologies for researching the museum as organization. *Museum and Society*. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 112–123. DOI: [10.29311/mas.v16i2.2810](https://doi.org/10.29311/mas.v16i2.2810)
18. Sandell R. *Museums, equality and social justice*. Eds. Richard Sandell, and Eithne Nightingale. L. and N.Y.: Routledge, 2012. 344 p. DOI: [10.4324/9780203120057](https://doi.org/10.4324/9780203120057)
19. Oliver M. *Understanding disability: From theory to practice*. Basingstoke, United Kingdom: Macmillan, 1996. 192 p. DOI: [10.1007/978-1-349-24269-6](https://doi.org/10.1007/978-1-349-24269-6)
20. Scott W.R. *Institutions and organizations: Ideas, interests, and identities*. L.: Sage publications, 2014. 360 p. DOI: [10.3917/mana.172.0136](https://doi.org/10.3917/mana.172.0136)
21. Tronto J.C. An ethic of care. *Generations: Journal of the American society on Aging*. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 15–20.
22. Vohnsen N.H. *The absurdity of bureaucracy: How implementation works*. Manchester: Manchester University Press, 2017. 208 p. DOI: [10.7765/9781526101358](https://doi.org/10.7765/9781526101358)

Статья поступила в редакцию: 10.10.2025; поступила после рецензирования и доработки: 17.01.2026; принята к публикации: 22.01.2026.

Received: 10.10.2025; revised after review: 17.01.2026; accepted for publication: 22.01.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.3

EDN: HEVHTJ

Р.С. МУХАМЕТОВ¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620062, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Мира, д. 191.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВЕРЫ В КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ О ПАНДЕМИИ COVID-19: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА, РЕЛИГИОЗНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. Почему одни граждане верят в теории заговора, а другие нет? Целью данного исследования было изучить ряд индивидуальных предикторов убеждений в теории заговора. В статье представлены оценки влияния доверия к социальным сетям, религиозности и институционального доверия на веру в конспирологические теории о пандемии COVID-19. В качестве эмпирической базы использовались данные второй волны (апрель – май 2021 г.) онлайн-опроса ($N = 1199$) международного лонгитюдного проекта «Ценности в кризисе» (“*Values in crisis*”). Результаты регрессионного анализа показали положительную взаимосвязь относительного доверия к социальным сетям и веры в теории заговора о распространении COVID-19. Показано, что важность религии в жизни человека оказывает положительное воздействие на его веру в теории заговора. В статье демонстрируется, что влияние частоты посещения религиозных служб является статистически незначимым детерминантом. Отмечается отрицательное воздействие институционального доверия на уровень конспирологического мышления. Значимость результатов заключается в том, что они могут помочь в разработке образовательных программ, направленных на развитие критического мышления и навыков анализа источников информации среди населения. Понимание механизмов, которые способствуют распространению конспирологических теорий, помогает разработать стратегии для противодействия дезинформации и манипуляциям.

Ключевые слова: конспирология; теории заговора; COVID-19; социальные сети; религиозность; институциональное доверие.

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Детерминанты веры в конспирологические теории о пандемии COVID-19: роль социальных медиа, религиозности и институционального доверия // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 43–65. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.3 EDN: HEVHTJ

Введение

В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку вируса SARS-CoV-2 пандемией COVID-19. По состоянию на апрель 2024 г. пандемия унесла жизни более 7 млн человек, став одной из самых смертоносных в исто-

рии человечества [14]. Она также спровоцировала появление множества теорий заговора, связанных с происхождением и распространением вируса, некоторые из них получили широкое распространение [72]. В России 38% граждан считают пандемию обманом [3]. Людей, отрицающих существование вируса или преуменьшающих его опасность, принято называть ковид-скептиками [11, р. 487]. Важно отметить, что теории заговора, связанные со здоровьем (*Health-related conspiracy theories*), подрывают доверие к системе здравоохранения, способствуют вредным для здоровья привычкам (например, отказ от вакцинации и использование непроверенных методов лечения) [51].

Теории заговора активно циркулируют в массовой культуре и СМИ. Исследователи объясняют их популярность тем, что такие нарративы выступают когнитивными инструментами: они помогают трактовать необычные и тревожные события (например, вспышки болезней, скандалы, технологические прорывы, внезапные смерти знаменитостей), снижают неопределенность и переводят абстрактную тревогу в конкретные страхи [42]. Согласно популярному мнению, интерес к теориям заговора обусловлен тремя основными мотивами: эпистемологическим (желание получить определенную и стабильную картину мира), экзистенциальным (потребность в ощущении безопасности и контроля) и социальным (стремление утвердить положительный образ себя и принадлежность к группе) [38].

Одним из устойчивых выводов академической литературы является связь конспирологического мышления с авторитаризмом и антидемократическими убеждениями [66]. Вера в заговоры сопряжена с неприятием представительной демократии и предпочтением прямых форм народовластия [60], а также с поддержкой популистских установок [65]. Кроме того, такие убеждения снижают уровень политического участия, доверие к науке, ухудшают отношение к государству и препятствуют формированию безопасного и рационального поведения в сфере здравоохранения [9]. Конспирологические взгляды также связаны с участием в ненормативной политической активности [68], с дискриминацией этнических меньшинств [48] и политическим насилием [44].

Исходя из актуальности темы возникает логичный исследовательский вопрос: почему одни граждане России в большей степени склонны верить в теории заговора, а другие — в меньшей? По данным опросов, 17,6% респондентов полностью не согласны с утверждением, что распространение вируса было целенаправленной попыткой одного государства дестабилизировать другие, частично не согласны — 12,6%, частично согласны — 15,4%, полностью согласны — 20,2%, а 34,2% затруднились с ответом¹.

Данная работа — не первая попытка ответить на поставленный выше вопрос. Ранее внимание отечественных исследователей было сосредоточено на изучении индивидуальных характеристик, связанных с верой в существование заговоров [15]. Так, ковид-скептиками чаще оказываются мужчины, люди среднего и старшего возрастов, а также респонденты без высшего образования [19]. Им свойственны ксенофобия, низкий уровень тревожности, низкая самооценка и недоверие к государственным институтам [1; 3]. Вера в теории заговора чаще

¹ Понарин Э.Д., Соколов Б.О., Климова А.М. База данных «Ценности в кризисе» (Values in Crisis-International). Свидетельство о регистрации базы данных 2021622861 от 09.12.2021.

встречается у людей с низким уровнем образования и неудовлетворенностью деятельностью власти [9]. Исследования также выявили связь между конспирологическими убеждениями и верой в справедливый мир, низкой самоэффективностью, ориентацией на моральные основания лояльности, уважением к авторитетам и социальным цинизмом [16]. В предшествующих работах утверждается, что недоверие к вакцинации чаще проявляли женщины и лица более молодого возраста [6]. Отдельные исследования показывают, что восприятие коммуникативной среды в социальных сетях влияет на готовность пользователей выразить мнение [26]. Зарубежные данные подтверждают, что неопределенность и дефицит достоверной информации повышают склонность интерпретировать пандемию как заговор [57]. Доверие к науке, в свою очередь, снижает вероятность веры в ложные представления о пандемии [71]. Несмотря на значительный прогресс в изучении когнитивных, индивидуальных факторов, связанных с верой в конспирологические нарративы, ряд аспектов остаются недостаточно исследованными. Хотя отдельные элементы (влияние социальных сетей, религиозности или институционального доверия) уже затрагивались в исследованиях, посвященных ковид- и вакцинному скептицизму, их роль в формировании именно конспирологических интерпретаций пандемии в российском контексте изучена в меньшей степени. В существующей литературе эти факторы, как правило, рассматриваются разрозненно, без комплексного анализа. Настоящее исследование стремится восполнить этот пробел, в нем предложена систематизированная оценка взаимосвязи социальных медиа, религиозных характеристик и институционального доверия и склонности к конспирологическому мышлению. Это позволяет уточнить структуру факторов, лежащих в основе восприятия пандемии, и тем самым обосновывает актуальность исследования. Несмотря на то что все эти показатели фиксируются на уровне индивидуальных ответов, они позволяют глубже понять механизмы распространения конспирологических идей, а также выявить новые детерминанты, способные объяснить различия в восприятии COVID-19 среди граждан России.

Чтобы глубже проанализировать эти факторы и их роль в формировании конспирологических убеждений, необходимо сначала определить ключевые концепции и рамки исследования, включая само понятие «теории заговора» и их типологии.

Концептуальные рамки исследования

Теории заговора являются предметом интенсивных научных исследований, породивших множество определений. Как указывает Д. Робертсон, эти определения можно сгруппировать по историко-политологическому, социокультурному, философскому, психологическому и религиоведческому подходам [64]. Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на это разнообразие, сущность теорий заговора чаще всего раскрывается через две основные трактовки. Первая традиционно рассматривает их как иррациональные убеждения, искажающие реальность, связанные с дезинформацией и маргинальными группами. Более современная трактовка, напротив, видит в них рациональные попытки людей осмыслить сложные события путем поиска альтернативных объяснений [61]. В связи

с этим в данной работе под теорией заговора понимается объяснение определенного события, исходящее из предположения, что его инициировала небольшая группа лиц (заговорщиков), действующих тайно ради собственной выгоды и в ущерб общественному благу. Основная цель таких действий — подрыв базовых общественных норм, правил или законов [39, р. 4; 50, р. 116]. Иными словами, теории заговора трактуют важные события как результат скрытых соглашений некоей группы, направленных на достижение тайных, зачастую незаконных или злонамеренных целей, которые воспринимаются обществом как угроза. Такие объяснения упрощают понимание сложных социальных и политических явлений, предлагая монистические и внутренне детерминированные причины. Сторонники подобных взглядов утверждают, что могущественные элиты тайно координируют свои действия, чтобы манипулировать остальной частью населения для своих целей. При этом в большинстве случаев конспирологические нарративы повествуют о тайных злодеяниях политических внешних групп [55].

В академической среде разработано несколько типологий теорий заговора, каждая из которых отражает разнообразие этих явлений. Например, Р. Бразертон выделяет виды теорий, связанные с такими факторами, как преступления правительств против собственных граждан, сокрытие контактов с инопланетянами, глобальные злонамеренные заговоры могущественных элит, распространение болезней и тестирование технологий контроля сознания на населении, а также сокрытие лекарств от широкой общественности [31]. Альтернативный подход предлагает М. Баркун, который делит теории на три категории: 1) событийные заговоры касаются ограниченных, конкретных происшествий (например, убийство Джона Кеннеди или теракты 11 сентября 2001 г.); 2) системные заговоры имеют более масштабные цели, направленные на контроль над целыми странами или регионами; 3) наивысший уровень представляют суперконспирации — сложные, иерархически организованные конструкции, объединяющие множество заговоров [27, р. 6]. По мнению А. Казун, теории заговора могут возникать вокруг разнообразных событий (убийства национальных лидеров, возникновение различных заболеваний и т. д.) [8].

В современной научной литературе отмечается рост популярности медицинских теорий заговора (*medical conspiracy theories*), которые выделяются на фоне многообразия конспирологических нарративов, охватывающих различные сферы общественной жизни.

Медицинская конспирология — это совокупность мифологических нарративов, объясняющих развитие медицины как результат тайного заговора. Ее ключевые концепты включают создание выдуманных болезней, сокрытие эффективных лекарств, утаивание вреда медицинских технологий, врачей-убийц, тайное «чипирование» пациентов [17]. Медицинские теории заговора часто сводятся к отрицанию существования вирусов, преуменьшению их опасности или к утверждениям об их искусственном происхождении, например, о том, что они были созданы правительством в качестве биологического оружия [25; 36].

Таким образом, несмотря на различия в классификациях, теории заговора обладают рядом общих характеристик. Во-первых, они являются оппозиционными, то есть противоречат общепринятому пониманию событий. Во-вторых, описывают действия, которые считаются злонамеренными или запрещенными.

В-третьих, они приписывают свободу действий конкретным лицам и группам, а не безличным или системным силам. Кроме того, такие теории эпистемологически рискованны — они чаще оказываются ложными по сравнению с другими типами убеждений. Важно также отметить их социальный характер: теории заговора не только принимаются отдельными людьми, но и распространяются обществом, формируя новые социальные реалии и влияя на восприятие мира [37]. Р. Бразертон добавляет, что из-за природы теорий заговора их сложно проверить эмпирически, они часто отвергаются экспертами, при этом заговорщики представлены в них как сверхъестественно могущественные и злонамеренные персонажи [31]. Кроме того, М. Баркун рассматривает теории заговора как форму «стигматизированного знания» — утверждений, которые ставят под сомнение признанные эпистемологические авторитеты и базируются на отвергнутых формах знания [27, р. 26–29]. Однако это вовсе не означает, что все теории заговора обязательно ложны или порождены иррациональностью. Склонность верить в такие объяснения и воспринимать важные события как результат тайных соглашений называют конспирологическим мышлением [41].

Таким образом, при рассмотрении природы теорий заговора и их основных черт акцентируется необходимость анализа социальных и психологических элементов, определяющих их популярность и принятие. Особый фокус направлен на отношение к СМИ, мировоззренческие ориентации и степень поддержки официальных структур. Исходя из этого в настоящей работе объединяются три исследовательских подхода (медиа-скептицизм, религиозные взгляды и институциональное доверие), что способствует разработке концептуальных основ и постановке эмпирических предположений о причинах склонности к конспирологическим идеям.

Теоретические рамки и рабочие гипотезы

Данное исследование опирается на три теоретические концепции: влияние социальных медиа, религиозность и институциональное доверие. Эти факторы связаны с различными механизмами формирования конспирологических убеждений: использование социальных сетей определяет характер восприятия информации, религиозность — предрасположенность к квазирелигиозным объяснительным моделям, а институциональное доверие — отношение к официальным интерпретациям событий. Совместное рассмотрение этих факторов позволяет охватить ключевые когнитивные, социальные и культурные условия, в которых формируются конспирологические интерпретации. Кроме того, выбор именно этих детерминант обусловлен и российским контекстом интерпретации пандемии. В отличие от демографических, профессиональных и личностных характеристик, широко описанных в литературе как универсальные предикторы конспирологического мышления, доверие к медиа, формы религиозности и структура институционального доверия в России высоко вариативны. Эти параметры отражают особенности медийной среды, культурных ресурсов и отношения граждан к государственным институтам, что делает их ключевыми для понимания того, какие интерпретации пандемии становятся социально значимыми.

Медийные детерминанты

Использование социальных сетей часто связано с распространением конспирологических и дезинформирующих убеждений [30]. Социальные платформы играют ключевую роль в популяризации теорий заговора и фейковых новостей, становясь доминирующим каналом для их распространения [24]. Х. Олкотт и М. Генцков объясняют это несколькими причинами. Во-первых, производство контента в социальных сетях обходится дешевле, чем в традиционных СМИ (ТВ, радио и газеты), что снижает стимул поддерживать долгосрочную репутацию качественного источника информации и позволяет быстро генерировать большие объемы этой информации, в том числе заведомо ложной. Во-вторых, формат потребления новостей через мобильные устройства затрудняет критическую оценку достоверности информации из-за поверхностного ознакомления, нехватки времени и привычки быстро потреблять контент. В-третьих, алгоритмы социальных сетей создают так называемые «эхо-камеры», или «пузыри фильтров» (термин Эли Паризер), в которых пользователи видят контент, отражающий их политические и идеологические предпочтения. Эти алгоритмы, оптимизированные для вовлечения пользователей, зачастую отдают предпочтение шокирующему, эмоциональному и поляризующему контенту, который вызывает больше реакций, что усиливает поляризацию и ограничивает доступ к альтернативным мнениям [23]. Такая информационная среда социальных сетей эффективно использует особенности человеческого мышления. По мнению Д. Канемана, существуют два способа мышления, с помощью которых мозг формирует мысли: система 1 — быстрая, автоматическая, эмоциональная, стереотипная и бессознательная; система 2 — медленная, требующая усилий, логичная, расчетливая, осознанная [10]. В условиях постоянного потока информации и стимуляции системы 1 критическое задействование системы 2 затрудняется, что делает людей более восприимчивыми к быстрым, эмоциональным и зачастую непроверенным сообщениям, которые преобладают в онлайн-среде. Данный процесс можно дополнительно объяснить через положения теории когнитивной нагрузки (*cognitive load theory*), согласно которой рабочая память человека имеет ограниченные ресурсы, и в условиях информационной перегрузки способность к критическому осмыслению снижается. Чтобы уменьшить когнитивное напряжение, люди прибегают к простым когнитивным стратегиям и легче воспринимают упрощенные, эмоционально окрашенные нарративы. Теории заговора, обладающие этими свойствами, становятся удобным инструментом интерпретации сложных событий, особенно в кризисные периоды [70]. Таким образом, сочетание особенностей алгоритмов социальных сетей и когнитивных механизмов восприятия информации объясняет повышенную восприимчивость пользователей к конспирологическим убеждениям.

Религиозный фактор

Религиозность также влияет на склонность верить в теории заговора. Исследования показывают, что вера в «невидимые сущности» (Бог, ад, дьявол или ангелы) повышает вероятность увлечения конспирологическими теориями [32]. Конспирологическое мышление часто основано на склонности приписывать необъяснимые события влиянию невидимых сил, тайно управляющих судьба-

ми людей [59]. Некоторые ученые отмечают сходство между теориями заговора и институционализированными религиями, считая, что вера в заговоры имеет квазирелигиозный характер из-за схожести содержания, форм и функций [42]. Вера в Бога и внешние источники порядка может рассматриваться как психологический механизм, позволяющий справляться с дискомфортом, вызванным ощущением потери личного контроля, что сходно с природой конспирологического мышления [53]. Теории заговора нередко служат способом справиться с тревогой, связанной со смертью и угрозой смыслу жизни, предоставляя простые объяснения сложных или пугающих явлений [58]. Научные исследования показывают, что конспирологические теории и религия выполняют схожие психологические, социальные и эпистемологические функции: обе они помогают справиться с неопределенностью, удовлетворяют потребность в контроле и смысле, укрепляют групповую идентичность через общие убеждения и объясняют мир с помощью нарративов о причинно-следственных связях [43]. Важно отметить, что религия и теории заговора, несмотря на общие корни в стремлении объяснить мир и справиться с неопределенностью, имеют ключевые различия: в то время как первая часто постулирует существование единого благого Бога и стремится к добру, вторые предполагают наличие множества вредоносных субъектов [49].

Фактор институционального доверия

Конспирологическое мышление часто сопровождается недоверием к официальным научным данным и государственным институтам. Сторонники теорий заговора сомневаются в официальных версиях событий, считая, что власти скрывают, фальсифицируют факты или манипулируют ими [20]. В большинстве исследований доверие и недоверие воспринимаются как противоположные концы одного континуума: низкое доверие приравнивается к высокому недоверию, и наоборот [29; 33]. Однако часть ученых считают, что доверие и недоверие — это отдельные, независимые конструкции [54]. Согласно Э. Берцу, недоверие — это не просто отсутствие доверия, а уверенность в том, что политические деятели могут навредить человеку намеренно или случайно. Институциональное недоверие отражает восприятие ненадежности политической системы в целом или ее компонентов [28]. Под доверием понимается готовность одной стороны быть уязвимой перед действиями другой, основанная на ожидании, что другая сторона выполнит важное для первой действие, несмотря на невозможность полного контроля [56]. Институциональное доверие относится к уровню доверия граждан к основным институтам государства безотносительно к конкретным политикам или должностным лицам [58, р. 29].

Необходимо отметить, что в литературе существует точка зрения, согласно которой вера в конспирологию является одной из форм институционального недоверия [47]. Однако в данном исследовании эти явления рассматриваются отдельно: институциональное доверие относится к оценке конкретных институтов, тогда как конспирологические убеждения представляют собой отдельный тип интерпретации событий, который формируется под влиянием более широких когнитивных и культурных факторов. Поэтому институциональное недоверие выступает здесь как самостоятельный предиктор, а не тождественный элемент конспирологического мышления.

На основе теоретических предпосылок сформулированы рабочие гипотезы.

Гипотеза 1. Более высокое доверие к социальным сетям в качестве источника информации положительно коррелирует с конспирологическими утверждениями о COVID-19.

Гипотеза 2. Религиозность связана с повышенной склонностью к вере в конспирологические теории.

Гипотеза 3. Люди с более низким уровнем институционального доверия склонны сильнее верить в теории заговора о пандемии COVID-19.

С учетом обозначенных теоретических подходов и сформулированных гипотез дальнейшее исследование направлено на эмпирическую проверку взаимосвязей между социальными сетями, религиозностью граждан, институциональным доверием и склонностью к вере в конспирологические теории, связанные с пандемией COVID-19.

Следует подчеркнуть, что предложенные факторы обладают более широким объяснительным потенциалом и могут применяться к исследованию конспирологического мышления в целом — политического, медицинского, технологического и иных его разновидностей. Хотя обозначенные аналитические подходы применимы и за пределами пандемийного контекста, степень их значимости и характер проявления зависят от социально-культурной среды и особенностей конкретных конспирологических нарративов.

Источники данных и методы исследования

В работе использованы результаты онлайн-опроса, проведенного в апреле — мае 2021 г. в рамках проекта «Ценности в кризисе» (“The Values in Crisis Project”)². Это международный лонгитюдный опрос, нацеленный на выяснение, как моральные ценности, личностные установки и социальные ориентиры людей меняются в условиях глобального кризиса (пандемии COVID-19). Тематика вопросов охватывала широкий спектр аспектов — от базовых ценностей, измеряемых с помощью методик Р. Инглхарта и Ш. Шварца, до гендерных установок, этнической толерантности, доверия, оценки пандемии коронавируса, субъективного благополучия, уровня религиозности и безопасности, а также отношения к теориям заговора, связанным с COVID-19³. Анкета опроса включала 119 вопросов, ответы на которые респонденты записывали самостоятельно (потребительская панель OMI) без участия интервьюера. По мнению отечественных ученых, анонимность онлайн-платформ способствует более свободному выражению мнений, включая несогласие с официальной позицией, что упрощает сбор данных от тех, кто иначе мог бы воздержаться от участия [52].

Общая выборка составила 1199 человек с коэффициентом участия 4,3%, при этом 8,64% интервью были прерваны. После исключения пропущенных значений итоговая выборка составила 1169 респондентов. Гендерный состав:

² Понарин Э.Д., Соколов Б.О., Климова А.М. База данных «Ценности в кризисе» (“Values in Crisis-International”). Свидетельство о регистрации базы данных 2021622861 от 09.12.2021.

³ «Ценности в кризисе» (“Values in Crisis-International”). — URL: <https://ncmu.hse.ru/values-in-crisis?ysclid=mfhvokq2tz314870716> (дата обращения: 10.06.2025).

47,2% мужчин и 52,8% женщин. Возрастной состав распределялся следующим образом: 18–24 года — 6,7%, 25–34 года — 18,5, 35–44 года — 19,3, 45–54 года — 18,1, 55–64 года — 27,8, 65 лет и старше — 9,6%.

Следует отметить, что выборка несколько смещена по возрасту относительно взрослого населения страны: доля лиц среднего и старшего возрастов выше их доли в общей популяции, а доля молодежи — ниже. В нашей выборке преобладают представители возрастных групп 55–64 года (27,8%) и 65+ (9,6%), тогда как молодежь 18–24 лет (6,7%) представлена меньше, чем отражено в фактической возрастной структуре населения⁴.

Зависимая переменная (склонность к конспирологическому мышлению) измерялась с помощью двух утверждений, которые отражают различные аспекты медицинских теорий заговора, связанных с происхождением и распространением коронавируса. Первый индикатор фиксировал согласие с утверждением о том, что распространение вируса является целенаправленной попыткой одного государства дестабилизировать другие (модель 1). Второй индикатор отражал убеждение, что распространение коронавируса является попыткой группы влиятельных лиц заработать деньги (модель 2). Оба показателя оценивались по пятибалльной шкале (1 — «полностью не согласен», 5 — «полностью согласен»). Корреляционный анализ показывает, что два индикатора тесно связаны: коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,774. Высокая корреляция указывает, что оба индикатора измеряют сходные проявления конспирологического мышления и могут быть использованы для анализа склонности граждан к вере в медицинские теории заговора. Тем не менее в данной работе используются два показателя. Первый — «о целенаправленной дестабилизации государствами» — близок к категории системных заговоров (М. Баркун), а также соответствует типу заговоров, связанных с распространением болезней в классификации Р. Бразертон. Вторым индикатором — «о влиятельных лицах, стремящихся заработать деньги» — отражает представления о глобальных злонамеренных элитах (Р. Бразертон) и аспекты медицинской конспирологии, где болезни и вирусы рассматриваются как средство экономической или политической выгоды. Применение двух показателей позволяет определить эти два содержательно разных, но взаимосвязанных проявления конспирологического мышления. Это важно для тестирования гипотез, поскольку позволяет оценивать влияние независимых переменных на существующие типы конспирологических нарративов, а также выявлять возможные различия в их детерминантах. Такой подход обеспечивает более точную интерпретацию результатов и согласуется с концептуальными определениями медицинских теорий заговора в академической литературе.

В работе также использовались ряд объясняющих переменных, отражающих ключевые аспекты факторов, которые, согласно теоретическим и эмпирическим данным, оказывают значительное влияние на формирование конспирологических убеждений.

⁴ По данным Росстата на 1 января 2025 г., в структуре населения России граждане в возрасте до 18 лет составляют 20,4%, от 18 до 49 лет — почти 43%, от 50 лет до верхней границы трудоспособного возраста (на 2025 г. для женщин 57 лет, для мужчин — 62 года) — 12,8%, старше трудоспособного возраста — 24%. См.: Граждане от 18 до 49 лет в России составляют почти 43% населения. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1025986> (дата обращения: 10.06.2025).

Переменная «доверие к социальным сетям» измерялась на основе вопроса о сравнительной достоверности социальных сетей (ВКонтакте, Твиттер⁵, Фейсбук⁶) по отношению к традиционным СМИ (телевидение, газеты). Ответы оценивались по шкале от 1 («социальные медиа более достоверны») до 5 («традиционные медиа более достоверны»), и для удобства анализа значения были перекодированы так, чтобы максимальное число отражало более сильное доверие к социальным сетям.

Для оценки религиозного фактора использовались две переменные. Первая — «религия 1» — отражала субъективную значимость религии в жизни респондента, вторая — «религия 2» — частоту посещения религиозных служб до пандемии. Обе переменные предназначены для комплексной оценки религиозности с учетом как личного отношения к вере, так и практического участия в религиозной жизни. Корреляционный анализ показал умеренно положительную связь между этими переменными: коэффициент корреляции Пирсона составил 0,542. Это свидетельствует о том, что респонденты, для которых религия имеет более высокую субъективную значимость, как правило, чаще посещают религиозные службы. Вместе с тем эта связь не является настолько высокой, чтобы считать переменные полностью избыточными. Умеренная корреляция позволяет рассматривать эти переменные как взаимодополняемые показатели религиозности. Использование обеих переменных по отдельности позволяет выявлять различия во влиянии личной веры и религиозной практики на зависимый показатель. Обе переменные были перекодированы так, чтобы максимальные значения соответствовали высокой религиозности и частым посещениям служб соответственно. Следует отметить, что в научной литературе существуют несколько способов измерения религиозности, в данном исследовании рассматриваются два ключевых аспекта: значимость религии и религиозное поведение [4; 7; 18]. В анкете был вопрос, касающийся религиозной самоидентификации (религиозный человек / нерелигиозный человек / атеист), но он не был включен в итоговый анализ, поскольку при статистической проверке показал высокую корреляцию с другими индикаторами религиозности и не добавлял существенной объяснительной силы в модели. Следует отметить, что другие аспекты религиозности (например, принадлежность к конкретной конфессии) в анкете отсутствовали, это несколько ограничивает возможности анализа данного фактора. Таким образом, в исследовании используются именно значимость религии в жизни и религиозное поведение как наиболее надежные и репрезентативные показатели.

Переменная «институциональное доверие» отражала уровень доверия респондентов политическим институтам в целом. Ответы оценивались по четырехбалльной шкале, где оценка 1 означала полную уверенность, а 4 — полное отсутствие уверенности. Для анализа данные были перекодированы так, чтобы максимальное значение соответствовало высокой степени доверия. В настоящем исследовании институциональное доверие рассматривается как универсальная характеристика отношения граждан к политическим и общественным институтам. Индикаторы, измеряющие доверие исключительно правительству, системе

⁵ Доступ к микроблогу в России ограничен.

⁶ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией на территории России.

здравоохранения или оценку конкретных действий властей, отражают специфическое, ситуативное или секторальное доверие, а не общий его уровень, который соответствует концепции *general institutional trust*.

Выбор именно этих трех переменных обусловлен их широкой исследовательской базой и способностью охватывать различные сферы когнитивных и социальных факторов, которые согласно теоретической рамке формируют predisposition к конспирологизму.

Для обеспечения достоверности результатов и правильного понимания взаимосвязей между основными изучаемыми явлениями в нашем исследовании были учтены следующие контрольные переменные: возраст, уровень образования, уровень дохода, пол, а также индекс постматериализма, отражающий ориентацию граждан на постматериалистические (например, большее влияние на решения правительства, защита свободы слова) или материалистические (например, поддержание порядка, борьба с ростом цен) ценности [46]. Уровень образования в опросе измерялся по шкале от 1 («никогда не учился») до 9 («высшее»), а уровень дохода — по шкале семейного дохода от 1 («менее 12 тыс. руб.») до 10 («более 80 тыс. руб.»). Пол респондентов учитывался с кодировкой: 1 — для мужчин и 0 — для женщин. Выбор этих переменных обусловлен их установленным влиянием на формирование конспирологического мировоззрения, что подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями [22; 40; 45].

Описательная статистика по переменным представлена в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Конспирология 1	3,33	3	1,35	1	5
Конспирология 2	3,31	3	1,35	1	5
Доверие к социальным сетям	2,96	3	1,21	1	5
Религия 1	2,65	3	0,92	1	4
Религия 2	5,75	6	1,49	1	7
Институциональное доверие	2,72	3	0,809	1	4
Возраст	3,71	4	1,45	1	6
Образование	7,35	7	1,48	1	9
Доходы	6,87	7	2,50	1	10
Пол: 47,2% мужчин и 52,8% женщин	0,475	0	0,501	0	1
Индекс постматериализма	0,372	0	0,484	0	1

Для анализа количественных данных была применена порядковая логистическая регрессия, подходящая для прогнозирования порядковых зависимых переменных с учетом нескольких независимых факторов. Статистическая обработка проводилась с помощью программы Gretl.

Результаты исследования и обсуждение

Рассмотрим влияние трех объясняющих переменных, отражающих теорию когнитивной нагрузки, религиозность и концепцию институционального доверия. Для проверки выдвинутых рабочих гипотез и определения наиболее значимых факторов, которые влияют на веру в теории заговора, была построена порядковая логистическая регрессионная модель (см. табл. 2). Кроме того, был проведен тест на мультиколлинеарность с использованием коэффициента инфляции дисперсии (*variance inflation factor, VIF*), который не выявил проблем с коррелированностью переменных.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Модель 1			Модель 2		
	Коэффициент	Отношение шансов	Значение	Коэффициент	Отношение шансов	Значение
Доверие к социальным сетям	0,091	1,095	0,048**	0,211	1,235	0,000***
Религия 1	0,25	1,284	0,000***	0,215	1,239	0,003***
Религия 2	0,023	1,023	0,591	0,001	1,001	0,965
Институциональное доверие	-0,305	0,737	0,000***	-0,370	0,691	0,000***
Пол	-0,071	0,931	0,508	0,078	1,081	0,479
Возраст	0,003	1,003	0,139**	0,010	1,010	0,009***
Образование	-0,043	0,958	0,281***	-0,134	0,875	0,000***
Доход	-0,056	0,946	0,024**	-0,035	0,966	0,158
Индекс постматериализма	0,008	1,008	0,943	-0,058	0,944	0,608
Константа	-9,321	0,000	***	-9,32	0,000	***

R^2 — 0,42; Скорректированный R^2 — 0,4.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Количество наблюдений — 1169.

Для проверки сформулированных гипотез была проведена порядковая логистическая регрессия, результаты которой представлены для двух моделей, отражающих различные аспекты конспирологического восприятия пандемии COVID-19. Интерпретация коэффициентов осуществлялась на основе оценок шансов (*odds ratios*, *OR*).

Анализ показывает, что доверие к социальным сетям как источнику информации имеет статистически значимую взаимосвязь с зависимой переменной. В опросе 1 показатель оценки шансов, равный 1,095 ($p < 0,05$), свидетельствует о том, что с ростом восприятия социальных сетей как более достоверных вероятность согласия с конспирологическим утверждением увеличивается примерно на 9,5%. В опросе 2 эффект выражен еще сильнее ($OR = 1,235$; $p < 0,001$), что соответствует увеличению такой вероятности на 23,5%. Эти результаты подтверждают гипотезу о положительной связи между доверием к социальным медиа и склонностью к поддержке конспирологических интерпретаций пандемии COVID-19.

Значимым предиктором также выступает субъективная религиозность («религия 1»). В обеих моделях она положительно связана с поддержкой конспирологических утверждений: $OR = 1,284$ ($p < 0,001$) в опросе 1 и $OR = 1,239$ ($p < 0,01$) в опросе 2. Это означает, что увеличение субъективной значимости религии сопровождается ростом вероятности согласия с конспирологическими утверждениями на 24–28%. Исследователи объясняют эту связь с когнитивными особенностями: высокая религиозность часто ассоциируется с иррациональными объяснениями событий и низким уровнем аналитического мышления [67; 69]. Другие исследователи указывают на «квазирелигиозные» качества теорий заговора, которые удовлетворяют психологические потребности в моральных ориентировках, принадлежности и контроле, разделяют когнитивные стили и предлагают объяснение, выходящее за пределы видимого [43].

В то же время частота посещения религиозных служб (внешняя религиозность) оказалась статистически незначимым фактором, что требует осмысления. Этот результат позволяет предположить, что не сама по себе регулярность участия в богослужениях определяет отношение верующих к пандемии, а содержание религиозных посланий и позиция конкретного духовенства. Иными словами, решающим оказывается не уровень «внешней религиозности», а та интерпретация происходящего, которую транслируют община и ее священнослужители. Духовенство может играть существенную роль в формировании политических и социальных взглядов прихожан через проповеди и обсуждения. Религиозные учреждения активно транслируют ценности и интерпретации происходящих событий, в том числе отношение верующих к пандемии COVID-19 [34; 35].

Однако влияние церкви не является единообразным: в источниках выделяются разные субкультуры внутри Русской православной церкви — от фундаменталистов до либералов. Они по-разному выстраивают отношения с государством, наукой и медиа⁷. Это разнообразие взглядов проявилось и в реакции на коронавирус: от поддержки ограничительных мер Московским патриархатом до позиции «ковид-диссидентов» среди фундаменталистских групп [13; 21].

⁷ Коскелло А.С. Остров, где все у нас есть (Об идейных течениях в современной РПЦ) // Социодиггер. 2021. № 8. С. 22–29. — URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/religiozniy-aktivizm> (дата обращения: 10.06.2025).

Кроме того, анализ исследований позволяет выделить две основные линии внутри РПЦ в отношении пандемии. Первая — официальная, представленная Московским патриархатом, который признал необходимость введения ограничительных мер при проведении богослужений и религиозных обрядов. Вторая — фундаменталистско-консервативная, связанная с «ковид-диссидентскими» установками [2; 5; 12]. Если представители первой позиции исходили из признания угрозы инфекции и согласия с предписаниями государственных органов, то представители второй характеризовались отрицанием самой пандемии, критикой санитарных ограничений и распространением интерпретаций, трактующих вакцинацию как форму внешнего контроля над населением⁸. Таким образом, отсутствие значимой связи между частотой посещения религиозных служб и установками в отношении пандемии объясняется внутренней неоднородностью РПЦ: прихожане могли одинаково часто посещать храмы, но усваивать диаметрально противоположные интерпретации происходящего в зависимости от позиции конкретной общины и ее духовенства.

Полученные данные не дают оснований утверждать о ведущей роли внешней религиозности, измеряемой частотой посещения богослужений. В то же время выявленная субъективная религиозность (важность религии в жизни человека) лишь ведет к предположению, что определенные идеологические и субкультурные особенности внутри РПЦ могли косвенно влиять на интерпретации пандемии среди верующих. Следует подчеркнуть, что такая трактовка имеет предварительный характер и требует дальнейшего целенаправленного исследования.

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что институциональное доверие оказывает обратное влияние на конспирологическое мышление: при прочих равных снижение вероятности поддержки конспирологических утверждений на 26–31% наблюдается при увеличении уровня доверия к государственным институтам в целом. Это подтверждает гипотезу, что склонность к конспирологии выше среди тех, кто недоверчив к институтам и воспринимает мир как место скрытых злонамеренных действий. Институты выполняют две важные функции. Во-первых, они обеспечивают чувство безопасности; подозрительность к ним снижает доверие между людьми и усиливает поляризацию. Во-вторых, институты формируют групповые нормы и ценности; снижение доверия к ним ослабляет чувство принадлежности и сотрудничества [63].

Контрольные переменные показали, что возраст положительно связан с верой в теории заговоров: чем старше респондент, тем сильнее выражено конспирологическое мышление. Уровень образования оказывает обратное влияние: люди с более высоким его уровнем реже верят в заговоры. По мнению исследователей, эта связь обусловлена сложным взаимодействием психологических факторов, включая восприятие социальных классов, чувство бессилия и склонность к упрощенным объяснениям [62]. Другие переменные оказались статистически незначимыми.

⁸ В РПЦ назвали возможное происхождение COVID-19 // Лента.ру. 30.05.2021. — URL: <https://lenta.ru/news/2021/05/30/ilarion/> (дата обращения 10.06.2025); Кто такой схиигумен Сергей // Коммерсантъ. 17.06.2020. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4380295> (дата обращения: 10.06.2025).

Заключение

Проведение настоящего исследования было обусловлено стремлением понять истоки веры граждан России в теории заговора о пандемии COVID-19. В отличие от предыдущих исследований, которые в основном анализировали индивидуальные факторы, наш вклад заключается в комплексном изучении социальных сетей, религиозности и институционального доверия в российском контексте. Это позволило выявить новые взаимосвязи, то есть не рассматриваемые ранее, и подчеркнуть роль социальных медиа и религиозных интерпретаций в формировании конспирологических убеждений во время пандемии.

Регрессионный анализ показал положительную взаимосвязь между доверием к социальным сетям и верой в теории заговора о пандемии COVID-19. Влияние религиозных факторов оказалось неоднозначным: религиозность в жизни человека положительно коррелирует с верой в теории заговора, однако показатель частоты посещения религиозных служб не продемонстрировал статистической значимости. Исходя из такого результата необходимо дальнейшее углубленное изучение причин подобной дифференциации в проявлении религиозного фактора и механизмов, определяющих его воздействие. Анализ данных социологического опроса «Ценности в кризисе» продемонстрировал отрицательную взаимосвязь институционального доверия и уровня конспирологического мышления. Кроме того, более возрастные граждане проявляют повышенную склонность к вере в теории заговора, а более образованные — меньшую.

На основе полученных данных можно составить коллективный портрет граждан, склонных к конспирологическому мышлению: это, как правило, люди с низким уровнем институционального доверия, активно использующие социальные сети как источник информации, для них религия играет значимую роль в жизни, чаще это представители старшего поколения и обладающие более низким уровнем образования. Ключевыми детерминантами веры в теории заговора в контексте пандемии COVID-19 являются: низкое институциональное доверие; высокое доверие к социальным сетям; значимость религии в жизни; принадлежность к старшей возрастной группе; низкий уровень образования.

Вклад работы состоит в уточнении влияния медийных практик, религиозной мотивации и институционального доверия на восприимчивость граждан России к конспирологическим интерпретациям пандемии COVID-19. Полученные выводы расширяют существующие модели за счет эмпирических данных, отражающих институциональные и культурные особенности российского общества.

Результаты исследования обладают прикладной значимостью, позволяя уточнить направления противодействия распространению конспирологического мышления. Выявленная роль институционального доверия указывает на необходимость усиления транспарентности и согласованности официальных коммуникаций. Повышение предсказуемости и доступности информации со стороны государственных институтов может снизить восприимчивость к альтернативным, дезинформационным интерпретациям. Кроме того, установленные эффекты медиасреды позволяют рекомендовать расширение практик фактчекинга, маркировки недостоверного контента и внедрение стандартов ответственной коммуникации в электронных и традиционных медиа. В образовательные программы по медиа-

грамотности целесообразно включать модули, направленные на понимание когнитивных механизмов, повышающих восприимчивость к конспирологическим нарративам, а также на формирование навыков критической оценки источников информации.

Важно учитывать, что настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно опирается на данные одного онлайн-опроса, который отражает общественные настроения в определенный период и потенциально обладает отдельными ограничениями репрезентативности. В частности, одномерные распределения некоторых переменных могут не полностью совпадать со структурой генеральной совокупности. Несмотря на то что корреляционные связи обычно более устойчивы к подобным отклонениям, данное обстоятельство следует иметь в виду при интерпретации результатов. Выводы могут быть дополнены и уточнены в будущем на основе анализа более широкого массива данных. Во-вторых, следует отметить, что выбор ковидных конспирологических теорий в качестве эмпирического кейса обусловлен масштабом распространения вируса SARS-CoV-2. Однако рассматриваемые факторы — социальные сети, религиозность и институциональное доверие — не ограничены исключительно ковидным контекстом. Международные исследования демонстрируют, что недоверие к СМИ и обращение к альтернативным каналам информации, влияние религиозных убеждений, а также уровень доверия к государственным институтам системно связаны с распространением различных конспирологических нарративов — от политических и исторических до научно-технических [72]. Таким образом, данные факторы обладают универсальным характером и могут быть применимы для анализа других конспирологических установок. В то же время основные положения, представленные в настоящей статье, ограничены российским контекстом и тематикой COVID-19, что необходимо учитывать при интерпретации результатов. В дальнейшем представляются перспективными расширение анализа на другие типы конспирологических убеждений и сопоставление полученных выводов в международной сравнительной перспективе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухаметов Руслан Салихович — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** + 7 (343) 389-97-36. **Электронная почта:** muhametov.ru@mail.ru

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1. P. 43–65. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.3

Research Article

RUSLAN S. MUKHAMETOV¹

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. 19, Mira str., Sverdlovsk region, 620062, Yekaterinburg, Russian Federation.

DETERMINANTS OF BELIEF IN CONSPIRACY THEORIES ABOUT THE COVID-19 PANDEMIC: THE ROLE OF SOCIAL MEDIA, RELIGIOSITY, AND INSTITUTIONAL TRUST

Abstract. Why do some folks believe in conspiracy theories while others don't? The purpose of this study was to examine a number of individual predictors of believing in conspiracy theory. The article presents estimates of the impact of trust in social networks, religiosity and institutional trust on faith in conspiracy theories about the COVID-19 pandemic. Data from the 2nd wave (April–May 2021) of the online survey (N = 1199) of the Values in Crisis international longitudinal project were used as an empirical foundation. The results of regression analysis showed a positive effect of trust in social media on belief in conspiracy theories about the spread of COVID-19. Much attention has been paid to the study of the religious factor. It is shown that the importance of religion in a person's life has a positive effect on their belief in conspiracy theories. The article argues that the influence of the frequency of religious service attendance is a statistically insignificant determinant. The author notes the negative impact of political trust on the level of conspiracy mindedness. It was revealed that older respondents believe more strongly in the deliberate spread of the cononavirus. It is likely that people with higher education are less prone to believing conspiracy theories about the COVID-19 pandemic. The significance of the research results is in the fact that they can help in the development of educational programs aimed at developing critical thinking and information source analysis skills among the population. Understanding the mechanisms that contribute to the spread of conspiracy theories helps to develop strategies to counteract disinformation and manipulation.

Keywords: conspiracy belief; conspiracy theories; COVID-19; social networks; religiosity; institutional trust.

For citation: Mukhametov, R.S. Determinants of Belief in Conspiracy Theories About the Covid-19 Pandemic: the Role of Social Media, Religiosity, and Institutional Trust. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 43–65. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.3)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan S. Mukhametov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** + 7 (343) 389-97-36. **Email:** muhametov.ru@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ардашев Р.Г.* Конспирологическое мышление современных россиян // Социология. 2023. № 3. С. 225–233.
Ardashev R.G. Conspiracy Thinking of Contemporary Russians. *Sotsiologiya*. 2023. No. 3. P. 225–233. (In Russ.)
2. *Архимандрит Кирилл (Говорун)⁹.* «Богословие ковида», или «Знаменательная буря» коронавирусной пандемии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 58–75. DOI: [10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75) EDN: PPKJCP
Archimandrite Kirill (Govorun). “Theology of Covid” or “The Momentous Storm” of the Coronavirus Pandemic. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2021. No. 1. P. 58–75. DOI: [10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-58-75) (In Russ.)
3. *Афанасьева Ю., Соколов Б., Широконова А.* Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 115–137. DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2375](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375) EDN: YGUMTH
Afanasyeva Yu., Sokolov B., Shirokanova A. Factors of Covid-skepticism in Russia: Results of the Analysis of Two Waves of the Longitudinal Survey “Values in Crisis”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2023. No. 5. P. 115–137. DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2375](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375) (In Russ.)

⁹ Внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

4. *Бабич Н.С., Хоменко В.И.* Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 94–104. DOI: [10.7868/S0132162518010105](https://doi.org/10.7868/S0132162518010105) EDN: [YMAEVK](https://www.edn.ru/ymaevk)
Babich N.S., Khomenko V.I. The “Religiosity Predisposition” Scale: Empirical Testing and Increasing the Level of Model Formalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 1. P. 94–104. DOI: [10.7868/S0132162518010105](https://doi.org/10.7868/S0132162518010105) (In Russ.)
5. *Баранов Н.А.* Взаимоотношения РПЦ и государства в условиях пандемии COVID-19 в контексте смены политических парадигм и цифровизации // Управленческое консультирование. 2022. № 7. С. 8–22. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-7-8-22](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-8-22) EDN: [NRUQSQ](https://www.edn.ru/nruqsq)
Baranov N.A. The Relationship between the Russian Orthodox Church and the State during the COVID-19 Pandemic in the Context of Changing Political Paradigms and Digitalization. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2022. No. 7. P. 8–22. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-7-8-22](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-8-22) (In Russ.)
6. *Галкин С.А., Найдено Д.Г., Корнетов А.Н., Гойко В.Л., Мягков М.Г.* Особенности отношения к вакцинации против COVID-19 в России // Бюллетень сибирской медицины. 2022. № 3. С. 34–40. DOI: [10.20538/1682-0363-2022-3-34-40](https://doi.org/10.20538/1682-0363-2022-3-34-40) EDN: [JCCRAD](https://www.edn.ru/jccrad)
Galkin S.A., Naydenko D.G., Kornetov A.N., Goyko V.L., Myagkov M.G. Features of Attitudes Towards COVID-19 Vaccination in Russia. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*. 2022. No. 3. P. 34–40. DOI: [10.20538/1682-0363-2022-3-34-40](https://doi.org/10.20538/1682-0363-2022-3-34-40) (In Russ.)
7. *Грудина Т.Н.* Религиозность и ее интерпретация: многообразие методов социологического измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 3. С. 266–299. DOI: [10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299) EDN: [YRYRBT](https://www.edn.ru/yryrbt)
Grudina T.N. Religiosity and Its Interpretation: Diversity of Methods of Sociological Measurement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2022. No. 3. P. 266–299. DOI: [10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299) (In Russ.)
8. *Казун А.Д.* Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы // Экономическая социология. 2022. № 2. С. 91–117. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-2-91-117](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117) EDN: [YINBGD](https://www.edn.ru/yinbgd)
Kazun A.D. Conspiracy Thinking: Concept, Measurement, and Factors. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2022. No. 2. P. 91–117. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-2-91-117](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117) (In Russ.)
9. *Казун А., Поршнева А.* Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 549–565. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889) EDN: [TKVVZS](https://www.edn.ru/TKVVZS)
Kazun A., Porshnev A. Who Believes in Conspiracy Theories? Factors of Inclination to Conspiratorial Thinking in Russia, Kazakhstan, and Ukraine. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021. No. 6. P. 549–565. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889) (In Russ.)
10. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 653 с.
Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST publ., 2014. 653 p. (In Russ.)
11. *Кирзюк А.А.* «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484–509. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776) EDN: [ITOALG](https://www.edn.ru/itoalg)

- Kirzyuk A.A. “I Have No Fear”: Covid-dissidents in Search of Agency and Truth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2021. No. 2. P. 484–509. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776) (In Russ.)
12. Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. № 4. С. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558) EDN: UNJVXF
- Lunkin R.N. Socio-political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church: Revealing the Internal Potential of Civic Activity and Social Service. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2020. No. 4. P. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558) (In Russ.)
13. Макаркин А.В. Русская православная церковь и пандемия COVID-19 // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 4. С. 157–168. EDN: EDVDRX
- Makarkin A.V. The Russian Orthodox Church and the COVID-19 Pandemic. *Neprikosnovenniy zasap. Debaty o politike i kul'ture*. 2021. No. 4. P. 157–168. (In Russ.)
14. Мухаметов Р.С. Летальность от SARS-CoV-2: тип политического режима имеет значение // Политическая наука. 2022. № 2. С. 16–33. DOI: [10.31249/poln/2022.02.01](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.01) EDN: BYUQYF
- Mukhametov R.S. Lethality from SARS-CoV-2: The Type of Political Regime Matters. *Politicheskaya nauka*. 2022. No. 2. P. 16–33. DOI: [10.31249/poln/2022.02.01](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.01) (In Russ.)
15. Мягков М.Г., Кубрак Т.А., Латынов В.В., Мундриевская Ю.О. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 156–163. DOI: [10.17223/15617793/467/19](https://doi.org/10.17223/15617793/467/19) EDN: DTPPIJ
- Myagkov M.G., Kubrak T.A., Latynov V.V., Mundrievskaya Yu.O. The COVID-19 Pandemic and Conspiratorial Beliefs: Psychological Prerequisites, Consequences, and Possibilities of Correction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. No. 467. P. 156–163. DOI: [10.17223/15617793/467/19](https://doi.org/10.17223/15617793/467/19) (In Russ.)
16. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. № 4. С. 87–104. DOI: [10.17759/sps.20201100407](https://doi.org/10.17759/sps.20201100407) EDN: BRGQGI
- Nestik T.A., Deyneka O.S., Maksimenko A.A. Socio-psychological Preconditions for Belief in Conspiracy Theories about the Origin of COVID-19 and Involvement in Online Communications. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2020. No. 4. P. 87–104. DOI: [10.17759/sps.20201100407](https://doi.org/10.17759/sps.20201100407) (In Russ.)
17. Прилуцкий А.М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114. DOI: [10.26516/2073-3380.2020.33.108](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.108) EDN: BIKDFH
- Prilutskii A.M. Coronavirus Infection and Religious Discourses of Medical Conspiracy Theory. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 2020. Vol. 33. P. 108–114. DOI: [10.26516/2073-3380.2020.33.108](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.108) (In Russ.)

18. Пруцкова Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–293. EDN: P1HQHV
Prutskova E.V. Operationalization of the Concept of “Religiosity” in Empirical Research. *Gosudarstvo, religii, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*. 2012. No. 2. P. 268–293. (In Russ.)
19. Соколов Б.О., Завадская М.А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410–435. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1938](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938) EDN: PLQPRG
Sokolov B.O., Zavadskaya M.A. Socio-demographic Characteristics, Personality Traits, Values, and Attitudes of Covid-skeptics in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2021. No. 6. P. 410–435. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1938](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938) (In Russ.)
20. Хлебников М.В. Теория заговора: опыт социокультурного исследования. М.: Кучково поле, 2021. — 464 с.
Khlebnikov M.V. *Conspiracy Theory: A Socio-cultural Study*. Moscow: Kuchkovo pole publ., 2021. 464 p. (In Russ.)
21. Щербак А.Н., Ухватова М.В. Влияние пандемии коронавируса COVID-19 на отношения РПЦ и власти в России // Политическая наука. 2022. № 2. С. 184–205. DOI: [10.31249/poln/2022.02.09](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.09) EDN: FAKRHQ
Shcherbak A.N., Ukhvatova M.V. The Impact of the COVID-19 Coronavirus Pandemic on the Relations Between the ROC and the Authorities in Russia. *Politicheskaya nauka*. 2022. No. 2. P. 184–205. DOI: [10.31249/poln/2022.02.09](https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.09) (In Russ.)
22. Adam-Troian J., et al. Investigating the links between cultural values and belief in conspiracy theories: the key roles of collectivism and masculinity. *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. No. 4. P. 597–618. DOI: [10.1111/pops.12716](https://doi.org/10.1111/pops.12716)
23. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 211–236. DOI: [10.1257/jep.31.2.211](https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211)
24. Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. Health-protective behavior, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine*. 2020. Vol. 51. No. 10. P. 1–15. DOI: [10.1017/S003329172000224X](https://doi.org/10.1017/S003329172000224X)
25. Andrade G. Medical conspiracy theories: cognitive science and implications for ethics. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 505–518. DOI: [10.1007/s11019-020-09951-6](https://doi.org/10.1007/s11019-020-09951-6)
26. Atanesyan A., Hakobyan A., Reynolds B. Communicating COVID-19 on Social Media: The Effects of the Spiral of Silence. *The Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 66–85. DOI: [10.17323/1728-192x-2021-4-66-85](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-4-66-85)
27. Barkun M. *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2003. 243 p.
28. Bertsou E. Rethinking political distrust. *European Political Science Review*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 213–230. DOI: [10.1017/S1755773919000080](https://doi.org/10.1017/S1755773919000080)
29. Bigley G., Pearce J. Straining for shared meaning in organisational science: Problems of trust and distrust. *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. No. 3. P. 405–421. DOI: [10.2307/259286](https://doi.org/10.2307/259286)
30. Bridgman A., Merkley E., Loewen P., Owen T., Ruths D., Teichmann L., Zhilin O. The causes and consequences of COVID-19 misperceptions: Understanding the role of news and

- social media. *The Harvard Kennedy School Misinformation Review*. 2020. Vol. 1. Special Issue on COVID-19 and Misinformation. DOI: [10.37016/mr-2020-028](https://doi.org/10.37016/mr-2020-028)
31. Brotherton R., French C., Pickering A. Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. P. 1–15. DOI: [10.3389/fpsyg.2013.00279](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00279)
 32. Darwin H., Neave N., Holmes J. Belief in conspiracy theories: The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. No. 8. P. 1289–1293. DOI: [10.1016/j.paid.2011.02.027](https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.02.027)
 33. De Walle S. van, Six F. Trust and Distrust as Distinct Concepts: Why Studying Distrust in Institutions Is Important. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2014. Vol. 16. No. 2. P. 158–174. DOI: [10.1080/13876988.2013.785146](https://doi.org/10.1080/13876988.2013.785146)
 34. Djupe P., Calfano B. *God Talk: Experimenting with the Religious*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2013. 263 p. DOI: [10.2307/j.ctvrf8960](https://doi.org/10.2307/j.ctvrf8960)
 35. Djupe P., Gilbert C. *The Prophetic Pulpit: Clergy, Churches, and Communities in American Politics*. Maryland: Rowman & Littlefield, 2003. 272 p.
 36. Domaradzki J., Jabkowski P., Walkowiak D. Association between beliefs in medical conspiracy theories and health behaviors among medical and healthcare students. Implications for professional practice. *BMC Medical Education*. 2024. Vol. 24. P. 1062. DOI: [10.1186/s12909-024-06057-y](https://doi.org/10.1186/s12909-024-06057-y)
 37. Douglas K., Sutton R. What Are Conspiracy Theories? A Definitional Approach to Their Correlates, Consequences, and Communication. *Annual Review of Psychology*. 2023. Vol. 74. No. 1. P. 271–298. DOI: [10.1146/annurev-psych-032420-031329](https://doi.org/10.1146/annurev-psych-032420-031329)
 38. Douglas K., Sutton R., Cichocka A. The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. No. 6. P. 538–542. DOI: [10.1177/0963721417718261](https://doi.org/10.1177/0963721417718261)
 39. Douglas K., Uscinski J., Sutton R., Cichocka A., Nefes T., Ang C., Deravi F. Understanding conspiracy theories. *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. No. 1. P. 3–35. DOI: [10.1111/pops.12568](https://doi.org/10.1111/pops.12568)
 40. Enders A., Klofstad C., et al. The sociodemographic correlates of conspiracism. *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 14184. DOI: [10.1038/s41598-024-64098-1](https://doi.org/10.1038/s41598-024-64098-1)
 41. Enders A., Smallpage S., Lupton R. Are all ‘birthers’ conspiracy theorists? On the relationship between conspiratorial thinking and political orientations. *British Journal of Political Science*. 2020. Vol. 50. P. 849–866. DOI: [10.1017/S0007123417000837](https://doi.org/10.1017/S0007123417000837)
 42. Franks B., Bangerter A., Bauer M.W. Conspiracy theories as quasi-religious mentality: An integrated account from cognitive science, social representations theory, and frame theory. *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4. P. 1–12. DOI: [10.3389/fpsyg.2013.00424](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00424)
 43. Frenken M., Bilewicz M., Imhoff R. On the Relation Between Religiosity and the Endorsement of Conspiracy Theories: The Role of Political Orientation. *Political Psychology*. 2022. Vol. 44. No. 6. P. 139–156. DOI: [10.1111/pops.12822](https://doi.org/10.1111/pops.12822)
 44. Greenhill K., Oppenheim B. Rumor has it: The adoption of unverified information in conflict zones. *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 660–676. DOI: [10.1093/isq/sqx015](https://doi.org/10.1093/isq/sqx015)
 45. Hettich N., Beutel M.E., et al. Conspiracy endorsement and its associations with personality functioning, anxiety, loneliness, and sociodemographic characteristics during the COVID-19 pandemic in a representative sample of the German population. *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17. No. 1. P. e0263301. DOI: [10.1371/journal.pone.0263301](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263301)

46. Inglehart R. The Silent Revolution in Europe. Intergenerational Change in Post-industrial Societies. *American Political Science Review*. 1971. No. 4. P. 991–1017. DOI: [10.2307/1953494](https://doi.org/10.2307/1953494)
47. Jedinger A., Masch L. Need for cognitive closure, political trust, and belief in conspiracy theories during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Social Psychology*. 2025. No. 2. P. 1447313. DOI: [10.3389/frsps.2024.1447313](https://doi.org/10.3389/frsps.2024.1447313)
48. Jolley D., Meleady R., Douglas K. Exposure to intergroup conspiracy theories promotes prejudice which spreads across groups. *British Journal of Psychology*. 2020. Vol. 111. No. 1. P. 17–35. DOI: [10.1111/bjop.12385](https://doi.org/10.1111/bjop.12385)
49. Keeley B. Is belief in providence the same as belief in conspiracy? *Handbook of Conspiracy Theory and Contemporary Religion*. Ed. by E. Asprem, A. Dyrendal, D. Robertson. Leiden: Brill, 2018. P. 70–86. DOI: [10.1163/9789004382022_005](https://doi.org/10.1163/9789004382022_005)
50. Keeley B. Of conspiracy theories. *The Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96. No. 3. P. 109–126. DOI: [10.2307/2564659](https://doi.org/10.2307/2564659)
51. Kisa A., Kisa S. Health conspiracy theories: a scoping review of drivers, impacts, and countermeasures. *International Journal Equity Health*. 2025. Vol. 24. No. 1. P. 93. DOI: [10.1186/s12939-025-02451-0](https://doi.org/10.1186/s12939-025-02451-0)
52. Korsunava V., Sokolov B. Online Surveys in Nondemocratic Contexts: Evidence from Russia. *International Journal of Public Opinion Research*. 2025. Vol. 37. No. 3. P. edaf030. DOI: [10.1093/ijpor/edaf030](https://doi.org/10.1093/ijpor/edaf030)
53. Laurin K., Kay A., Moscovitch D. On the belief in God: Towards an understanding of the emotional substrates of compensatory control. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. P. 1559–1562. DOI: [10.1016/j.jesp.2008.07.007](https://doi.org/10.1016/j.jesp.2008.07.007)
54. Lewicki R.J., McAllister D.J., Bies R.J. Trust and distrust: New relationships and realities. *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. No. 3. P. 438–458. DOI: [10.2307/259288](https://doi.org/10.2307/259288)
55. Marie A., Petersen M. Political conspiracy theories as tools for mobilization and signaling. *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 48. P. 101–440. DOI: [10.1016/j.copsy.2022.101440](https://doi.org/10.1016/j.copsy.2022.101440)
56. Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. P. 709–734. DOI: [10.2307/258792](https://doi.org/10.2307/258792)
57. Miller J. Psychological, Political, and Situational Factors Combine to Boost COVID-19 Conspiracy Theory Beliefs. *Canadian Journal of Political Science*. 2020. Vol. 53. No. 2. P. 1–9. DOI: [10.1017/S000842392000058X](https://doi.org/10.1017/S000842392000058X)
58. Newheiser A.-K., Farias M., Tausch N. The functional nature of conspiracy beliefs: Examining the underpinnings of belief in the Da Vinci Code conspiracy. *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 51. No. 8. P. 1007–1011. DOI: [10.1016/j.paid.2011.08.011](https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.08.011)
59. Oliver J., Wood T. Conspiracy theories and the paranoid style(s) of mass opinion. *American Journal of Political Science*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 952–966. DOI: [10.1111/ajps.12084](https://doi.org/10.1111/ajps.12084)
60. Pantazi M., Papaioannou K., Prooijen J.W. van. Power to the people: The hidden link between support for direct democracy and belief in conspiracy theories. *Political Psychology*. 2022. Vol. 43. No. 3. P. 529–548. DOI: [10.1111/pops.12779](https://doi.org/10.1111/pops.12779)
61. Pisl V., Nefes T., Simsa B., Kestlerova D., Kubíček P., Linka V., Martynova T., Sajdlova R., Sejrek D., Vevera J. The effect of acute stress response on conspiracy theory beliefs. *Politics and the Life Sciences*. 2025. Vol. 44. No. 1. P. 77–87. DOI: [10.1017/pls.2024.16](https://doi.org/10.1017/pls.2024.16)
62. Prooijen J.-W. van. Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 50–58. DOI: [10.1002/acp.3301](https://doi.org/10.1002/acp.3301)

63. Prooijen J.-W. van, Spadaro G., Wang H. Suspicion of institutions: How distrust and conspiracy theories deteriorate social relationships. *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 65–69. DOI: [10.1016/j.copsyc.2021.06.013](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.06.013)
64. Robertson D.G. *Religion and Conspiracy Theories: An Introduction*. Abingdon: Routledge, 2024. 156 p. DOI: [10.4324/9781003329992](https://doi.org/10.4324/9781003329992)
65. Silva B., Vegetti F., Littvay L. The elite is up to something: exploring the relation between populism and belief in conspiracy theories. *Swiss Political Science Review*. 2017. Vol. 23. P. 423–443. DOI: [10.1111/spsr.12270](https://doi.org/10.1111/spsr.12270)
66. Smallpage S.M., Askew R.L., Kurlander E.A., Rust J.B. Conspiracy thinking and the long historical shadow of Romanticism on authoritarian politics. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. P. 1185699. DOI: [10.3389/fpsyg.2023.1185699](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1185699)
67. Sobol M., Zajenkowski M., Jankowski K.S. Religious Fundamentalism, Delusions, and Conspiracy Beliefs Related to the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 15. P. 95–97. DOI: [10.3390/ijerph19159597](https://doi.org/10.3390/ijerph19159597)
68. Sternisko A., Cichocka A., Van Bavel J. The dark side of social movements: social identity, non-conformity, and the lure of conspiracy theories. *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 35. P. 1–6. DOI: [10.1016/j.copsyc.2020.02.007](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.02.007)
69. Swami V., Voracek M., Stieger S. Analytic thinking reduces belief in conspiracy theories. *Cognition*. 2014. Vol. 133. No. 3. P. 572–585. DOI: [10.1016/j.cognition.2014.08.006](https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.006)
70. Sweller J. Cognitive Load During Problem Solving: Effects on Learning. *Cognitive Science*. 1988. Vol. 12. No. 2. P. 257–285. DOI: [10.1207/s15516709cog1202_4](https://doi.org/10.1207/s15516709cog1202_4)
71. Theocharis Y., et al. Does the platform matter? Social media and COVID-19 conspiracy theory beliefs in 17 countries. *New Media & Society*. 2021. Vol. 25. P. 3412–3437. DOI: [10.1177/14614448211045666](https://doi.org/10.1177/14614448211045666)
72. Uscinski J., Enders A., Diekman A., et al. The psychological and political correlates of conspiracy theory beliefs. *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. P. 21672. DOI: [10.1038/s41598-022-25617-0](https://doi.org/10.1038/s41598-022-25617-0)

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025; поступила после рецензирования и доработки: 27.11.2025; принята к публикации: 09.12.2025.

Received: 16.09.2025; revised after review: 27.11.2025; accepted for publication: 09.12.2025.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.4
EDN: IFKQXK

ПАМЯТИ Г.С. БАТЫГИНА (1951–2003)

19 февраля 2026 года исполнилось бы 75 лет Геннадию Семеновичу Батыгину — доктору философских наук, профессору, создателю и главному редактору «Социологического журнала». Посвящаем этой дате публикацию аспиранта Тель-Авивского университета И.В. Преснякова, который работает над изучением устной истории Московской высшей школы социальных и экономических наук — Шанинки. В фокусе его исследовательского интереса находится и Г.С. Батыгин, ведь он был одним из создателей факультета социологии этой Школы, его деканом, много лет здесь преподавал. Илья Пресняков учился в Шанинке в 2019–2020 гг. и не был лично знаком с Батыгиным. Для своего исследования автор изучил биографию Геннадия Семеновича, проанализировал некоторые его работы и отклики коллег. В публикуемой статье Илья Пресняков представил свое видение исследовательской программы Г.С. Батыгина, проанализировав ее в координатах и социально-научного времени, и творческой личности ученого. Переключка поколений в социологии важна тем, что помогает сохранять идейную преемственность и историческую память о предыдущих этапах нашей науки, ее коллизиях и достижениях, ее ключевых фигурах.

И.В. ПРЕСНЯКОВ¹

¹ Школа истории и региональных исследований, факультет гуманитарных наук, Тель-Авивский университет.

Корпус Гилмана, Рамат Авив, Тель-Авив, 6997801, Израиль.

СОВЕТСКИЙ / НЕСОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ ГЕННАДИЙ БАТЫГИН: КОНТУРЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация. Статья представляет собой попытку реконструкции исследовательской программы Геннадия Семеновича Батыгина (1951–2003) — философа, социолога, историка социальных наук и первого декана факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН / Шанинки). Анализ выстроен как последовательное описание четырех тематических блоков: 1) история российской / советской социологии, 2) язык и письмо социологиче-

ской науки, 3) методология социологических исследований, 4) дискуссия о «качественной» социологии и «жесткой» методологии.

Основной тезис статьи следующий: если формально относить Батыгина к когорте «советских социологов», то одновременно следует уточнить, что во многом он работал вне логики и норм советской социологии. Иными словами, исследовательская программа Батыгина, возникая внутри институционального контекста советской науки, трансформировала методологические, текстологические и мировоззренческие основания последней по трем направлениям. Во-первых, инструментальный пафос социологии уступал место нормативной модели академического «призвания» в веберовском духе. Во-вторых, Батыгин разрабатывал критерии академического письма, независимые от политической конъюнктуры. В-третьих, в его концепции интерпретативных схем существенно пересматривались основания советского социологического эмпиризма: Батыгин доказывал, что социальная реальность в исследовании есть конструируемый артефакт, а не прямое отражение объективного мира.

На примере исследовательской и педагогической деятельности Батыгина в МВШСЭН показано, что Московская школа с середины 1990-х гг. становилась пространством профессионализации и академизации социологического ремесла в России, в котором советская социальная наука не отрицалась, а критически переосмыслилась.

Ключевые слова: Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003); история российской социологии; советская социология; методология социологических исследований; академическое письмо; концептуальная модель; интерпретативные схемы; качественная методология; профессионализация социологии; Московская высшая школа социальных и экономических наук; Шанинка; устная история.

Для цитирования: Пресняков И.В. Советский / несоветский ученый Геннадий Батыгин: контуры научно-исследовательской программы // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 66–86. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.4) EDN: [IFKQXK](https://www.edn.ru/IFKQXK)

Введение

Мое текущее исследование посвящено устной истории Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка, МВШСЭН). Помимо чисто институциональных аспектов, мне важно рассказать о «людях Московской школы» — студентах, выпускниках, преподавателях, администраторах и т. д. Как и полагается исследовательскому университету, каким задумывался «британский колледж» в Москве, многие из тех, кто стоял у его истоков, были не только педагогами и организаторами образования, но и учеными с собственными исследовательскими проектами, результатами которых они делились со слушателями российско-британского университета. Таким ученым был и первый декан факультета социологии Московской школы Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003).

Как и другие ученые своего поколения, Батыгин не был социологом по образованию. В социальную науку он попал случайно, когда осенью 1974 г., после окончания философского факультета МГУ и безуспешного поиска преподавательской позиции поступил в аспирантуру Института конкретных социальных

исследований Академии наук СССР (далее — ИКСИ). Слово «социология» было для него новым. Смену фокуса с философствования на конкретные и прикладные исследования он сначала рассматривал чуть ли не как «поражение», но постепенно втянулся. Тема кандидатской диссертации, вспоминал Батыгин, «сформировалась независимо от меня, но я нашел в ней интерес» [2, с. 147]. Интерес удалось реализовать достаточно скоро, в 1977 г. В 1986-м Батыгин получил докторскую степень, а в 1982 г. стал заместителем главного редактора крупнейшего в СССР тематического журнала «Социологические исследования».

Однако здесь я намеренно прерву хронологическую логику биографического повествования. Цель данного текста иная: посредством историко-социологической реконструкции описать исследовательскую программу Батыгина, выделить ее отличительные черты и увидеть взаимосвязанность ее компонентов¹. Изложение я выстрою как последовательность четырех тематических блоков: 1) история российской социологии; 2) язык социологической науки; 3) методология социологических исследований; 4) вопрос о «качественной» социологии и «жесткой» методологии.

Основной тезис, который я при этом постараюсь доказать, состоит в следующем: если формально относить Батыгина к когорте «советских социологов»², то одновременно следует уточнить, что во многом он работал совсем не по правилам и нормам советской социологии. Иными словами, его исследовательская программа, с одной стороны, возникала и развивалась внутри институционального контекста и тематического репертуара советской социологии, с другой — трансформировала ее методологические, текстологические и мировоззренческие основания.

Осмысление Батыгиным исторического опыта российской / советской социологии, ее языка, текстопроизводства и методологии влияло на то, какой образ науки и модель социологических исследований он транслировал студентам, в том числе в Московской высшей школе социальных и экономических наук. Она, созданная в 1995 г., становилась таким образом пространством, в котором советская социальная наука не отрицалась или «преодолевалась», а, напротив, осмыслялась и эвристически перерабатывалась для дальнейшей профессионализации социологического ремесла.

Допускаю, что искушенным читателям, которые знали Геннадия Семеновича лично, учились у него или работали с ним, мой текст может показаться или слишком схематизирующим³, или излишне начетническим. На это замечу, что

¹ Говоря об «исследовательской программе», я вполне следую принятому в философии науки понятию, которое подразумевает совокупность взаимосвязанных предпосылок, теоретических и методологических принципов, соотношение эмпирики и теории, а также эвристический потенциал науки. Об этом см., например: [29].

² Что вполне можно сделать, если опираться, например, на поколенческую концепцию российской постхрущевской социологии, предложенную Борисом Докторовым, в которой Батыгин относится к четвертому, «первому послевоенному», поколению советских социальных ученых [14, с. 130].

³ Так, одной из главных для Батыгина в последние годы стала проблема коммуникативной природы познавательных актов и коммуникативной адекватности в отношениях между респондентом и ученым. Дмитрий Рогозин, ученик, коллега и соратник Батыгина, отмечал, что она (проблема) «является ключом к прочтению текстов и выступлений Батыгина об особенностях исследовательской практики, понимании способов бытования научного знания» [24, с. 129]. Батыгин выходил на данную проблематику через так называемую «триаду Стефана Новака», позже — через когнитивный анализ опросного инструментария, теорию речевых актов, конверс-анализ [1, с. 49].

я пытаюсь посмотреть на дело ученого со стороны — глазами человека, лично с ним незнакомого, никогда у него не учившегося, но желающего понять, что, почему и как исследовал Батыгин, чему, почему и как учил слушателей Шанинки. А значит, схематизм и начетничество в некотором смысле неизбежны. Наконец, я должен обозначить ресурсное ограничение моего текста, который опирается только на опубликованные (и далеко не все) работы Батыгина, а также на выборочные воспоминания о нем. Безусловно, это не позволит описать его исследовательскую программу во всех деталях. Для этого нужно провести полноценное архивное исследование, изучить его неопубликованное рукописное наследие, собрать воедино многочисленные воспоминания аспирантов, коллег и друзей⁴. Но это и не является моей задачей. В этом смысле мой текст, обозначающий контуры исследовательской программы Батыгина, открыт для критики, уточнений, дополнений и рекомендаций, то есть продолжения ее развертывания и экспликации.

История российской/советской социологии

В автобиографическом интервью 2002 г. в качестве своей «основной» темы Батыгин назвал историю социальной науки в России. Это уточнение послужит мне отправной точкой, с которой я начну проследивать его исследовательскую программу. Тема истории социологии, а также ее преемственности в России на трех исторических этапах — дореволюционном, во время утверждения советского марксизма и современной ученому фазе краха коммунистического дискурса — сформировалась у Батыгина, когда в конце 1980-х он начал работать в секторе «Критики западной социологии» Института социологии АН СССР, возглавляемом историком и теоретиком Юрием Давыдовым. Параллельно с работой в архивах Батыгин интервьюировал советских социологов и научную номенклатуру, начиная с «шестидесятников», то есть тех, кто проводил социологические исследования в СССР в период оттепели. Фактически же Батыгин был первым, кто инициировал проект по исследованию российской социологии на основе биографического метода и позже, в конце 1990-х, опубликовал сборник воспоминаний и документов [25].

Статья «Преемственность российской социологической традиции» в сборнике 1998 г. «Социология в России» [4] раскрывала концептуальную рамку батыгинских исторических исследований. Свой взгляд на историю российского

В данной статье я могу только обозначить этот важный для понимания социологической методологии Батыгина момент, но не могу предоставить его подробный анализ. Кроме того, нельзя забывать о программе переводов профессиональной социологической литературы, где Батыгин выступал научным редактором. Об этом см., в частности: [17, с. 56–57]. Описание и объяснение связи между просветительской и собственной исследовательской ипостасями ученого — тема, изучение которой также требует самостоятельного расследования.

⁴ На это, в частности, указывает Дмитрий Rogozin, когда говорит, что для полноценной экспликации методологического наследия Батыгина следует использовать также его переписку с учениками, написанные им отзывы на квалификационные выпускные работы и диссертации: «в тех материалах откроются не замеченные многими вопросы и затруднения, над которыми размышлял Геннадий Семенович» [24, с. 142]. Предположу, что на основе материалов и воспоминаний учеников Батыгина, из которых только к защите диссертации он успел подготовить около тридцати человек, о чем свидетельствует Лариса Козлова [17, с. 58], вполне можно описать машинерию научной «мастерской» в духе Пьера Бурдьё или увидеть на практике, как работает «личностное знание» по Майклу Полани.

обществознания он противопоставлял распространенному еще с позднесоветских времен подходу, согласно которому развитие социологии в России было волюнтаристски прервано в период сталинского правления, а затем возобновилось после XX съезда КПСС. И даже социологический «ренессанс» конца 1950-х в этой оптике не гарантировал автономии: считалось, что социология оставалась зависимой и испытывала давление со стороны партийно-государственной власти. История социологии описывалась через оппозиции «естественного» и «неестественного», «свободного» и «несвободного», «самостоятельного» и «регламентированного сверху» развития [26]. Сама же социология того периода трактовалась как «неестественная», «ущемленная», «ненастоящая», «изуродованная» [15, с. 223]. Призвание и заслуга советских социологов виделись прежде всего в «борьбе» за самостоятельность и легитимность, «сопротивление» вмешательству административного аппарата [20].

По мнению Батыгина, такой подход строился на некритическом противопоставлении науки и идеологии. Не отрицая фактов преследования и репрессий в отношении некоторых ученых, он предлагал отложить оптику политического противостояния и посмотреть на советский марксизм как на немонолитную культурную систему и пространство борьбы групп интересов, не укладывающееся в чисто академические рамки. Анализируя архивные источники, Батыгин хотел показать, что социология была не только не запрещена в СССР, но и интегрирована в структуру марксистской науки так, что соединяла «изошренность в построении риторических и мыслительных фигур» и «своеобычный стиль теоретизирования, внутри которого, как и внутри любого канона, хватало места и для свободомыслия, и для школьного прилежания, и для плюрализма мнений» [4, с. 24]. Иными словами, социология не исчезала как факт интеллектуальной жизни, но приобретала непривычные для западного контекста «нормальной науки» формы.

Чертой российской социологии, обеспечивавшей ее преемственность, Батыгин считал влияние науки на общественную и политическую жизнь. Появлению социологии в России во второй половине XIX в., а затем и марксизма способствовал прогрессистский настрой русских обществоведов и вера в рациональное переустройство общества [23]. В этом целеполагании, отмечал Батыгин, социология продолжала западную традицию просветительского миллениаризма с ее реформаторским и просвещенческим зарядом: создатели новой науки в первой половине XIX в. верили, что с ее помощью можно сделать жизнь лучше и справедливее. То обстоятельство, что с начала 1920-х гг. в России не могло быть никакой иной социологии, кроме марксистской, не меняло сути дела. Исторический материализм в ленинской, бухаринской или сталинской версиях рассматривал мир как объект социальной инженерии, как материал для социологического преобразования. Поэтому, по мнению Батыгина, казалось бы, трудно представить время, более подходящее для социологии, чем советский период: «впервые в истории социологические идеи обрели практическую силу» [6, с. 92].

На примере истории сектора социологии в Институте философии АН СССР, созданного в 1946 г., Батыгин показывал, что к этому времени социология планомерно вытеснялась историческим материализмом, но не отрицалась. Например, в «Большой советской энциклопедии» 1947 г. утверждалось, что «именно исторический материализм впервые возводит социологию на степень науки» [6, с. 95]. С этого

периода и до конца СССР социологическая работа проходила преимущественно в двух форматах: теоретической «критики буржуазной социологии» (что одновременно способствовало рецепции социологических идей Запада) и прикладных эмпирических исследований (сначала только по политическим каналам и для закрытого, «служебного» пользования, а затем, с конца 1950-х, в более академических формах). С 1957 г. дискуссия о положении социологии в марксистском обществоведении, в результате которой возникла трехуровневая структура социологической науки в СССР⁵, шла все более открыто. Однако независимо от жанра и способа институционализации социологических исследований их целеполагание оставалось неизменным. В оптике Батыгина атмосфера хрущевской оттепели не столько «освобождала», сколько интенсифицировала «социологическое реформаторство», которое хорошо укладывалось в рамки технократической идеи научного управления обществом. Факты же преследования отдельных ученых (например, Юрия Левады в 1969 г. за прочитанные им лекции на факультете журналистики МГУ) он трактовал не как «наезд» властных и консервативных политических элит на свободолюбивых ученых, а как «позиционный конфликт внутри профессионального социологического сообщества» — столкновение философов, с партийно-номенклатурных позиций отстаивающих исторический материализм как господствующий дискурс советского обществоведения, с социологами, которые занимались конкретными исследованиями на местах и ссылались на альтернативные истмату теоретические модели (например, структурный функционализм). Импульса «инженерной интерпретации» социологии хватило на период перестройки и первые постсоветские годы. В 1990-е «сохранился традиционный для российской интеллектуальной культуры импульс к развертыванию теоретических схем и рациональных реконструкций реформационного процесса в стране» [4, с. 40].

Язык и письмо социологической науки

С начала 1990-х российская социология становится интересна Батыгину как объект не только исторического, но и дискурсивного исследования. Проследившая структурные изменения производства научных текстов во время перестройки и далее, Батыгин снова указывал на «спаянность» социальных наук с публичной аджендой, что, с его точки зрения, не могло не влиять на язык, риторику, тематику и стиль письма ученых. Как пример такого рода текстов можно назвать книгу 1989 г. «Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа» [21]. Составители сборника прямо указывали, что книга представляла собой попытку «соединить социально-экономическую теорию и научную публицистику» [21, с. 5]. Авторы, в числе которых были Т.И. Заславская, Ю.А. Левада и другие советские социологи, в научно-популярной форме высказывались о текущем политическом моменте. Проведенный Батыгиным анализ названий множества других публикаций, вышедших с 1997 по 2000 г., показывал, что предмет социологии в то время в обобщенной форме формулировался как «социальные проблемы», а не «социологические» [7], и это также доказывало смешение социологической терминологии с лексикой общеупотребительного характера.

⁵ Подробнее о ней см.: [22, с. 28–43].

Здесь для прояснения интереса Батыгина к дискурсивной проблематике целесообразно сделать отступление и обратиться к его биографии. Повышенное внимание к языку и текстам начало формироваться у него еще в детстве. Этому способствовало «еврейское почитание книжности» отцом и то, что ребенком Батыгин часто болел, поэтому много времени проводил дома за чтением. Первые навыки научной текстологической работы он приобрел, обучаясь на философском факультете МГУ. В биографическом интервью 2002 г. ученый вспоминал курс по истории марксизма, на котором студенты вместе с преподавателем прослеживали семантическую эволюцию понятия «диктатура пролетариата»: «...мы начинали понимать, как живет учение, как живут идеи. В то время словосочетание “история идей” не было в ходу. Сейчас я понимаю, что мы занимались самой настоящей текстологической работой» [2, с. 142]. Тогда же начал формироваться один из базовых методологических принципов, который Геннадий Семенович как преподаватель впоследствии транслировал студентам: «взяться за тему значит взяться за невообразимый пласт текстов» [2, с. 145].

Дальнейшая работа в ИКСИ, связанная на первый взгляд с чисто методологическими штудиями, также не обходила стороной языковую проблематику. Так, в статье 1978 г. поиск оптимальной формулировки показателя Батыгин с соавтором обосновывали как методологическую задачу: «Поскольку изменение формулировки может существенно изменить место показателя в морфологической модели, целесообразно более глубоко изучить влияние чисто вербальных изменений на значимость показателя» [9, с. 58]. Там же Батыгин осознал значимость стилистики в научном письме. После отклонения одного из текстов, вспоминает Батыгин, руководитель Игорь Бестужев-Лада «полностью переписал мой материал, подал его совершенно в другом ключе — стилистически ярко и семантически сильно. И мы опубликовали эту статью в соавторстве. С тех пор я понял, что уметь хорошо писать очень важно» [2, с. 150].

Не было чуждо Батыгину и журналистское ремесло. В середине 1980-х, испытывая, по воспоминаниям, «эйфорию» от перестройки, он, как обозреватель по социальным проблемам, сотрудничал с «Литературной газетой», «Неделей», журналами «Новое время», «Крокодил» и др. Специально для этого осваивал стилистику и риторику публицистического письма. Но довольно скоро разочаровался в политической вовлеченности.

Журналистский опыт позволил Батыгину на собственной практике ощутить разницу между чисто академическим и политическим жанрами. Но как исследователь деформацию научного стиля в социологическом письме на рубеже веков он не объяснял лишь тем, что отдельные обществоведы якобы некритично приняли либерально-демократическую риторику и фразеологию. Напротив, публицистическо-популярный характер текстов Батыгин считал объективным следствием интеллектуальной аномии, вызванной разрушением дискурса советского марксистского и частичной потерей автономии академическим сообществом. Посткоммунистический дискурс, утверждал он, «утратил топику “советского марксизма”, но сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы» [7, с. 64]. Обществоведы адаптировались не только к резким социально-политическим изменениям, но и к новому политическому лексикону. Это, согласно Батыгину, выражалось, во-первых, в распространении демократической фразеоло-

логии и постепенном «нарастании критической экзальтации в печати» [4, с. 39]. Во-вторых, в появлении рыночной ориентации и «предпринимательского стиля социологической работы, где имеет значение “внешняя экспертиза” — результат и соответствующее вознаграждение» [4, с. 41]. Кроме того, замена в Академии наук прежней системы административного планирования исследований на свободный выбор тем и проектов также оборачивалась размыванием форм и правил научного письма. Российская социология, подытоживал ученый, срасталась с публицистикой: «тематика исследования в значительной степени связана с вопросами социально-экономического реформирования России, и в этом отношении социологическая наука воспроизводит себя в форме идеологии» [4, с. 41].

Отмечу, что в более поздних исследованиях текстов советских социологов фактически подтверждались выводы, впервые сделанные Батыгиным. Например, Дарья Димке показала, что в поздней советской социологии сложились собственные критерии качества научного текста: «хороший социологический текст должен быть доступен всем, поскольку задача социолога — “улучшить жизнь вообще”, изменить общество посредством изменения сознания. Это означает в том числе, что социологические тексты должны быть написаны на понятном непрофессионалу языке» [13, с. 102]. Димке обращает внимание на тот факт, что к 2012 г. из всех цитирований работ крупнейших советских социологов (В.А. Ядов, Г.В. Осипов, Т.И. Заславская) более двух третей приходилось на тексты, опубликованные после 1995 г. В них, как правило, содержались не теоретическая концепция или результаты авторского исследования, а комментарии к текущему состоянию российского общества, российской социологии или личные воспоминания. Иными словами, тексты чисто академического жанра оказывались «невидимыми», то есть нецитируемыми в профессиональном сообществе. Причиной подобного невнимания Димке называет то, на что в конце 1990-х указывал Батыгин, — социально-реформаторское целеполагание: «Советский социолог “работал” вне академического поля. Его аудитория — общество в целом: власть, которой он должен был давать рекомендации и советы (и с которой, если она к ним не прислушивалась, должен бороться), и народ, который он должен был просвещать» [13, с. 103].

По мнению Батыгина, десемантизация языка и размывание норм текстообразования легитимировали поиск новых «авторитетных» критериев научного письма в социальных науках. В этот момент в нем говорил не историк, а действующий социолог с собственным научным этосом и нормами профессиональной работы⁶. С крахом советского марксизма и коммунистического дискурса, считал он, искомые критерии уже не могли быть обнаружены в языковом стиле и целеполагании советской социологии. Таковые, основанные на собственном исследовательском и редакторском опыте и рецепции зарубежной научной литературы, Батыгин предлагал в том числе студентам МВШСЭН в рамках курсов «Методология социологического исследования» и «Практическая стилистика и редактирование социологических текстов».

⁶ При этом, если Батыгин как историк советской социологии выступал против анализа через бинарные оппозиции, то современную ему текстовую ситуацию в социальных науках 1990-х гг. он, как «проводник» определенной нормативной академической модели, описывал через дихотомии «умной / профессиональной речи», «публичного / академического знания», «нормативно и ценностно значимого / профанного отношения». См.: [7].

В «Лекциях по методологии социологических исследований» 1995 г. в духе веберовской идеи о «призвании» Батыгин транслировал понимание науки как самоценного, неинструментального служения, а не общественно полезной работы. В такой картине мира подготовка научной публикации становилась «служебным актом, подчиненным своеобразному “воинскому артикулу”» [1, с. 230] и детальной регламентации. Ее и вводил Батыгин. Образцом при этом служили статьи из *American Journal of Sociology* за 1994 г. Он учил, как формулируются заглавие и аннотация, раскрывал и объяснял композицию текстов: от исторического очерка по изучаемому вопросу до выводов. Знакомил с жанром рецензии и правилами реферирования⁷. Учил оформлять примечания, библиографические списки, указатели. На примере «Социологического журнала», в котором был главным редактором, сравнивал оформление текстов в российских и в зарубежных изданиях. Раскрывал особенности каталогизации социологической литературы, объяснял, что такое «Индекс Гарфилда»⁸, делился приемами поиска текстов и показывал, как с помощью библиографических указателей следует писать имейлы зарубежным ученым с просьбой поделиться статьями. В целом еще до появления соответствующей дисциплины в российских образовательных программах Батыгин учил тому, что сегодня называется «академическое письмо».

Валерий Виноградский, слушатель Шанинки в 1997/1998 учебном году, вспоминал, что на занятиях Батыгина по практической стилистике могли обсуждаться вопросы на первый взгляд чисто филологического свойства. Например, про использование паронимов — слов, похожих по звучанию и написанию, но имеющих разные значения. Или чем в научном письме точка отличается от точки с запятой. Или правила цитирования: Батыгин «внушал нам, что даже если ты по разным причинам не ссылаешься в тексте на цитируемый первоисточник, то ты, как добросовестный автор, обязан его вычитать» [10, с. 133]. В качестве практики Батыгин давал студентам для анализа рукописи статей, которые присылались в «Социологический журнал», или собственные тексты.

«Контрольное задание», делился Виноградский материалами Батыгина, содержало соответствующую преамбулу: «Уважаемые коллеги! Позвольте предложить Вашему вниманию текстовые примеры, которые могут содержать различного рода стилистические, лексико-семантические, синтаксические ошибки. Прошу Вас по возможности самостоятельно осуществить редакторскую экспертизу и исправить их, продемонстрировав при этом умение пользоваться корректорскими знаками, которые в этом случае рекомендуется выносить на левое поле. Следует указать тип ошибки: например, аллитерация, ассонансы, немотивированное использование омонимов, паронимов и неологизмов, контаминации, неправильное согласование и управление, etc. Пожалуйста, учтите, что в одном предложении могут содержаться несколько ошибок» [11, с. 66]. Одно из первых предложений звучало так: «Еще никому не удавалось закончить подготовку эссе к концу семестра». На поверхности была видна ошибка в форме разнесенной тавтологии «закончить... к концу». Поэтому глагол лучше было заменить на «завершить». Чуть более «за-

⁷ К слову, некоторых студентов Батыгин привлекал к написанию рецензий и рефератов для своего «Социологического журнала». Так, Александр Никулин вспоминал, что в период с 1997 по 2003 г. написал в журнал Батыгина не менее семи рецензий [19].

⁸ Индекс цитируемости, легший в основу поисковой платформы Web of Science.

ковыристым» было артикуляционное неудобство «к концу семестра», в котором эксплозивный звук «к» создавал для читателя дискомфорт. Батыгин, вспоминал Виноградский, учил, что между двумя эксплозивными звуками лучше поставить гласный: не «к концу семестра», а «к окончанию семестра». Или, например, надо было проанализировать фразу, звучавшую более социологически: «В переходных обществах, как правило, доминирует нисходящая мобильность». В ней, несмотря на правильность содержания, в стилистическое противоречие входили словоформы «доминировать» (то есть подниматься, восходить, возрастать) и «нисходящая» (то есть опускаться вниз) [11, с. 67].

Лингвистический слух, вспоминал Виноградский, после подобных занятий особенно обострялся. В статье о Пауле Лазарсфельде Батыгин цитировал Пушкина: «В социологии же вопрос “Зачем кружится ветер в овраге?..” может, в принципе, быть включен в ее тематическое пространство, правда, это будет социология особого рода» [5, с. 119]. Виноградский, филолог по первому образованию, заметил неточность. В оригинале использовался глагол не «кружится», а «крутится». Первый означает движение в большом пространстве, например, в поле. Второй — в ограниченном и замкнутом. Об ошибке Виноградский не сообщил прямо, а лишь деликатно спросил о значении похожих слов. Спустя несколько минут обсуждения «Батыгин понял все. Надо было видеть его в ту минуту. Он швырнул сигарету мимо урны и закусил рукав <...>. Не буду описывать наш дальнейший, сбивчивый и полный присоленных восклицаний, разговор. Не буду рассказывать, как в буфете мы выпили по квадратной рюмке виски и что было дальше» [10, с. 135].

Методология социологических исследований

Еще одной составляющей исследовательской программы Батыгина стала методология социологии. Как и в случае с языковой и текстологической проблематикой, его представления об основах и принципах социально-научного познания стали результатом, во-первых, личного биографического опыта как позднесоветского и постсоветского социолога, во-вторых, теоретического переосмысления этого опыта, в-третьих, рецепции западных философских и социологических теорий.

Здесь снова целесообразно сделать небольшой шаг в сторону и посмотреть на биографию Батыгина. Поступив в аспирантуру ИКСИ, он начал изучать «образ жизни» советских граждан. Тема, как вспоминал Геннадий Семенович, имела двусмысленный характер. С одной стороны, она включала каноничные категории марксистского словаря — производительных сил, производственных отношений, форм общественного сознания и др. С другой стороны, «когда “образ жизни” вошел в марксизм для обозначения форм повседневности, это означало явную ревизию марксистского учения» [2, с. 147]. Поэтому Батыгин готовил много рефератов и переводов зарубежных источников. Задача была систематизировать показатели образа жизни и составить их классификатор. Затем выбранным экспертам предлагалось оценить значимость каждого показателя. Текстологическая работа совмещалась с математикой и статистикой. В 1977 г. по итогам классификаторско-измерительной работы Батыгин защитил кандидатскую диссертацию «Типология социальных показателей образа жизни. Методологические и методические проблемы».

После защиты он сфокусировался на изучении показателей как таковых, что означало погружение в полевую работу, методику и технику социологии: провел несколько производственных опросов, вместе с коллегами осваивал статистику. В докторской диссертации 1986 г. «Методологические проблемы обоснования научного вывода в прикладных социологических исследованиях» Батыгин развивал выводы кандидатской и утверждал: прежде чем определять «значимость» того или иного показателя, нужно сформулировать, как понимается «значимость». Отсюда следовал вывод, что даже самые продуманные и сложно сконструированные показатели как измерительные инструменты никогда не дают прямого доступа к «объективной» реальности и что за каждой системой измерения стоит некоторая интерпретативная модель [3, с. 177]. Батыгин фактически «подрывал» основы советской эмпирической социологии: «ориентация на эмпирический материал вовсе не является характерной чертой социологического мышления» [3, с. 183]. Если данные опросов и наблюдений формируются интерпретативными схемами, значит, «социальная реальность» в исследованиях есть созданный артефакт, а не простое отражение «объективного» мира.

В интервью 2002 г. Геннадий Семенович признавался, что аргументацию, предложенную в докторской, он позже находил в научной литературе, опубликованной до него, но тогда, в 1970–1980-е гг. в СССР, «ее не было, а во всех учебниках по методике говорилось, что нужно фиксировать точное и объективное значение признаков, как они есть в реальности» [2, с. 154]. Примечательно, что Батыгин при этом ссылался на литературоведческую теорию. В частности, на концепцию Михаила Бахтина о диалогичном взаимодействии текста и контекста: «...понятие контекста, заимствованное из литературоведения, на наш взгляд, наиболее точно выражает методологическое требование смыслового единства эвристических средств, адекватности языка науки конкретному содержанию социального факта» [3, с. 186]. Как и в литературе, утверждал он, в социологии исследование есть «авторское освоение мира». Подобно литератору, социолог «выдумывает свои “сюжеты”» [3, с. 267].

Идеи, сформулированные в докторской диссертации, легли в основу курса по методологии социологических исследований, который мэтр читал в том числе студентам МВШСЭН: «...я стараюсь навязать слушателям свою концепцию интерпретационных схем» [2, с. 163]. Далее я представлю методологические идеи Батыгина в самом общем виде. Это позволит показать, какой «образ» социологии транслировался студентам Шанинки на заре университета как своего рода иная, альтернативная советской, модель социальной науки. «Лекции по методологии...» описывали устройство дополевого этапа исследований и учили создавать проект, а точнее, концептуальную модель, которую должен сконструировать социолог, прежде чем отправляться в поле за данными. Содержательно «Лекции» были не только обобщением прошлых методологических разработок автора, но и результатом рецепции западных философов и социологов науки.

Концептуальная модель, как ее понимал Батыгин, имела корни в неокантианской методологии общественных наук, предложенной философом Генрихом Риккертом и социологом Максом Вебером. Ее базовым постулатом было утверждение о принципиальной неспособности субъекта познать мир непосредственно, в «живой фактичности» и полноте многообразия. Доступны лишь конкретные фрагменты действительности, но и для этого ученый прежде всего должен сделать

себе «очки» — теоретическую рамку, через которую увидит интересующий его фрагмент. Добавляя к неокантианской философии идеи американского социолога Пауля Лазарсфельда о языке социальных исследований, Батыгин утверждал, что независимо от ориентации конкретного социолога — количественной или качественной — основой любого исследования является развернутая система понятий, то есть концептуальная модель. Понятия в ней связаны не только логическими, но и языковыми отношениями — коннотациями, стилистической окраской, выразительностью. Концептуализация и есть та «оптика», с помощью которой социолог смотрит, описывает, задает вопросы и объясняет некоторый фрагмент реальности. Отсюда следует, что описания или объяснения объекта исследования не формулируются на языке этого объекта. Научные формулировки вырастают не из социальных проблем, а из теоретических вопросов, которые признаются такими неким научным сообществом и его дискурсивным пространством. Научный факт не есть факт действительности. Он всегда есть «идеальный» объект теории: «...источником нового знания являются не данные, а их организация. Данные не даются, а берутся» [1, с. 68].

Отталкиваясь от первоначальной идеи, продолжал Батыгин, социолог выстраивает систему переменных — теоретических объектов, которые принимают два и более значения и позволяют провести различие между эмпирически наблюдаемыми единицами (например, «образование» может быть «начальным», «средним» или «высшим»). Каждой переменной необходимо дать концептуальное, то есть сформулированное в теоретических терминах, определение (например, «политическое насилие как агрессия в отношении политических институтов»). Подобных определений можно дать много, поэтому одни и те же фрагменты реальности могут быть интерпретированы по-разному (например, драка как проявление марксистской «классовой борьбы» или функционалистского «социального неравенства»). В этом месте Батыгин ссылался на концепцию «онтологической относительности» Уилларда Куайна, который также указывал на предпосылочность теории и вариативность языков, создающих разные онтологии [18]. Построив систему переменных, социолог может формулировать гипотезы об отношениях между ними (например, о том, как связаны политическая активность и классовое положение).

Перед эмпирическим измерением исследователь должен перевести концептуальные определения в операциональные, то есть такие, которые позволяют связать теорию с эмпирическими наблюдениями (например, политическую ориентацию информанта с его предпочтением конкретной партии).

После сбора эмпирических данных социолог интерпретирует их в терминах и определениях сконструированной концептуальной модели. В процессе интерпретации теория может подтверждаться, опровергаться или видоизменяться. Здесь Геннадий Семенович, не отдавая предпочтения конкретной теории, рассказывал студентам о фальсификационном принципе Карла Поппера, структуре «научно-исследовательских программ» Имре Лакатоса, об идеях Роберта Мертона о соотношении теории и эмпирики и т. д. В целом социологическая концептуализация, какой предлагал ее Батыгин, представляла умеренно эклектичной и плюралистичной. Если любая теория, как лишь одна из «точек зрения», не может быть признана окончательной, значит, и каждая отдельная интерпретация уникальна,

своеобычна, ситуативна и принципиально опровергаема. Задача методолога — всякий раз конструировать оптимальную концептуальную модель и соответствующие ей средства измерения.

Однако Батыгин оставался сторонником своего рода «классического» типа научности, предполагающего универсальность научной рациональности, объективность знания и ценностей науки, процедурную воспроизводимость ее результатов, в идеале — экспериментальную проверку данных на точность и надежность⁹. Поэтому концептуальный плюрализм социологии признавал, скорее, вынужденным и временным: «Подобный либерально-демократический подход в научной политике не означает отказа от веры в одну истинную теорию, которая являет собой конечную цель всей работы; просто на пути к единственной цели приемлемы многообразные промежуточные инстанции» [1, с. 121].

«Качественная» социология и «жесткая» методология

Представления не только о научности социологии, но и о фундаментальных основаниях социально-научного познания как такового стали предметом заочной полемики, которая в формате статей развернулась между Батыгиным и Шаниным. Я кратко обращаюсь к аргументам сторон, так как это позволит дополнительно прояснить некоторые аспекты исследовательской программы Батыгина.

6 ноября 1997 г. в рамках «длинного стола», который Шанин проводил с полевыми исследователями российского крестьянства, он заметил: «Я к Гене отношусь с большим уважением, но у нас разные взгляды на социологию. Из этого ничего не следует. Уж слишком легко он разобрался с “качественниками” — “они все вообще не знают, о чем говорят”. В этом смысле он создал себе кучу — это куча, балаган. И ты обвиняешь других в этом балагане...» [28, с. 279].

Под «эпистемологической кучей» Батыгин понимал разные направления так называемой «качественной методологии», которые в конце 1990-х активно входили в российское исследовательское поле и формировали новую интеллектуальную моду. «Куче» была посвящена статья 1994 г. с говорящим названием «Миф о качественной социологии», которую Геннадий Семенович написал вместе с Инной Девятко, в то время аспиранткой. Текст представлял собой измененное заключение ее диссертации, было серьезно переработано содержание, изменена тональность аргументации [12], что в данном случае имело значение. Авторы опи-

⁹ Здесь надо быть особенно аккуратным, чтобы избежать часто обесмысливающих реальную работу ученого ярлыков типа «позитивист», «количественник» или «сциентист». С одной стороны, производство научного социологического знания для Батыгина было следованием процедуре: «Социология — это процедура анализа данных о людях или их организациях <...>. Процедура выполняет в науке примерно ту же роль, что обряд в религии или уголовно-процессуальный кодекс в доказывании вины. Если не соблюдена процедура, вывод не может считаться легитимным, то есть научным. Для психолога и социолога человек — испытуемый, и “кодекс” проведения эксперимента — критерий профессиональной легитимности “нормального” ученого» [5, с. 119]. В то же время для Батыгина была важна не процедура сама по себе (как обряд или ритуал, своего рода процедура «первого порядка»), а проверка проведенной процедуры на возможные ошибки, искажения и неточности, вызванные исследовательскими действиями. Если такую проверку тоже понимать как процедуру, то следует считать ее процедурой «второго порядка» и отличать от первой, ритуальной. За это уточнение, высказанное в личной беседе, я благодарю Дмитрия Rogozina.

сывали качественные подходы как такие, которые претендовали на производство более «чистых», «естественных» и «жизненных» описаний благодаря «невмешательству» искусственно созданных научных измерительных инструментов, подразумевали «вживание» в изучаемую среду и основывались на допущении, что вся необходимая информация и язык описания уже содержатся внутри объекта, а не в теоретической рамке исследования. Как следствие, качественные подходы как бы отрицали «безжизненные» количественные методы, манифестировали недоверие к стандартным опросам, статистическим выводам и корреляциям. По мнению Батыгина и Девятко, такую установку никак нельзя было назвать методологией из-за подмены научного доказательства риторикой, отсутствия контроля и проверки наблюдений, сомнительной достоверности и необоснованности выводов.

Более того, саму дискуссию о различении «количественных» и «качественных» подходов авторы называли «бессмысленной», «призрачной» и «псевдопарадигматической», так как считали, что она строилась на разнице метафизических представлений о природе человека и познания, которые невозможно было проанализировать научно: «“Q/Q”-дискуссия не может быть понята и исторически верно реконструирована без упоминавшихся отсылок к контекстам, интересам и идеологиям. Именно поэтому она не может быть разрешена в каком-либо строгом смысле» [8, с. 32]. Поэтому в ход шли скорее нормативные аргументы: «нормальная социологическая наука не отвергает “качественную” методологию при условии, что эталон нормальности задан “жесткой” методологией» [8, с. 40]. Авторы выступали с характерной для Батыгина позиции методологического универсализма, в котором «научность» подразумевает формальную рациональность науки, дисциплинарно организованное знание, строгость теоретического дискурса, каузальность и проверку данных (в идеале — экспериментальную) на валидность и устойчивость. В этой перспективе Батыгин и Девятко фактически отказывали сторонникам качественной «софт-методологии» в профессиональной автономии: «нельзя отрицать зависимость “качественного” жанра от публики, не имеющей специальной профессиональной подготовки, хотя риторические фигуры, типичные для жанра, исполняются виртуозно» [8, с. 42]. И, как следствие, уличали их в постмодернистском «сворачивании», которое сопровождалось «претензиями на чудесное постижение повседневности без использования “мертвых” технических средств измерения и анализа данных» [8, с. 43].

Подобная критика качественной социологии, судя по всему, не была безосновательной. Лариса Козлова, заместитель главного редактора «Социологического журнала», вспоминала, что тексты, выстроенные на качественной методологии, в 1990-е гг., да и позже, часто подавались для публикации без внятной постановки задач, описания исследовательских процедур и обоснования результатов и что это не могло не вызывать протеста у профессиональных методологов [16, с. 16].

Однако, по мнению Шанина, причиной резких оценок была не столько недобросовестность отдельных ученых, сколько специфическая интерпретация Батыгиным и Девятко качественной методологии. В статье 1998 г. Шанин, с одной стороны, соглашался с метафорой «эпистемологической кучи», когда к качественному подходу причислялось все то, что противопоставлялось количественным методам. Солидарен он был и с оценками качественной методологии как «моды», которая «в немалой мере находится под давлением академических рынков, нацеленных (ради

карьерных соображений) на массовое производство повторяющихся текстов поверхностного содержания» [27, с. 103–104]. С другой стороны, замечал Шанин, авторы не дали определения критикуемого «качественного» подхода: «Я с ним [Батыгиным] не согласен, потому что он сам себе создал этого монстра тем, что не определил, что такое “качество”, <...> создав положение, в котором качественное становится каким-то недоноском и массой непонятных вещей» [28, с. 279].

Опираясь на собственные крестьяноведческие проекты¹⁰, Шанин предлагал такое определение качественной методологии: «тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческими стратегиями действующего субъекта, в том числе смыслом, придаваемым им своими действиями <...>. Это не исключает количественных методов как таковых, однако исключает исследования, в которых полученные модели человеческого поведения и взаимосвязи между ними соотносятся только с аналитическими операциями самих исследователей, в то время как человек, объект изучения, рассматривается только с “объективных” позиций, то есть как движимый силами, внешними по отношению к его мыслительному процессу, и к которым сводится причинный механизм действий и взаимодействий» [27, с. 105–106]. Специфика качественной методологии, по Шанину, как видно, была результатом определения объекта исследования. Если исходить из того, что действующие в обществе люди обладают субъектностью, свободой выбора, рефлексивностью и изменчивостью позиций, то надо сказать, что события общественной жизни имеют двойственную природу и содержат не только факты, но и смыслы, которые также могут и должны быть исследованы. Цель состоит в том, чтобы зафиксировать не только наблюдаемые действия/взаимодействия, но и то, как они объясняются и понимаются участниками. Отсюда следовало переопределение Шаниным всего интерфейса качественного исследования, который включал объективный контекст наблюдения, субъективность объекта, а также интерпретативные действия исследователя и их влияние на изучаемый объект.

Эти допущения были причиной расхождения с исследовательских позиций Шанина и Батыгина. Качественная методология, утверждал Шанин, не отменяла аналитическую составляющую. Но исходила из иной последовательности: гипотезы формулируются не *до* полевого этапа исследования в рамках дедуктивного построения концептуальной модели, а *после* или даже параллельно с ним: «...сбор данных, категоризация, кодирование, анализ связей между категориями, проверка с помощью свидетельств представляют собой не просто последовательные стадии работы, а скорее спираль или зигзаг — работа продвигается посредством постоянного возвращения к предыдущему этапу» [27, с. 106]. Такая подвижность исследовательской работы явно не была созвучна методологическому универсализму Батыгина и не укладывалась в рамки того, что он называл «жесткой» методологией. Интересно в связи с этим заметить, что оба ученых фундаментальным теоретическим основанием своих позиций считали неокантианскую философию. Но в конечном счете предлагали ее различающиеся рецепции: условно «позитивистскую» и «интерпретативную».

¹⁰ Они во многом строились как альтернатива советским исследованиям деревни в формате массового стандартизированного анкетного опроса с последующей кодировкой данных и их статистической обработкой.

Таким образом, разные оценки качественной методологии Батыгина / Девятко и Шанина находились в контексте отличающихся исследовательских предпочтений: позитивистская / постпозитивистская философия науки (Поппер, Кун) и эмпирическая социология (Лазарсфельд, Мертон) сталкивались с социальной и культурной антропологией (К. Гирц) и концепцией «приземленной теории» (“grounded theory”, А. Стросс). Что, однако, не снимало самого противоречия. То, что Шанин полагал релевантным различием и продвигал как методологическую инновацию для социальных наук в России, Батыгин и Девятко считали «симптомом аномалии в институциональной структуре науки» [8, с. 37].

Заключение

Отношение Геннадия Батыгина к советской социальной науке следует рассматривать в двух модусах. С одной стороны, как к объекту исследований он подходил к ней с должной серьезностью и умеренным критицизмом. Вадим Радаев, коллега Батыгина по Шанинке первых лет, подчеркивает, что тот «трезво понимал, что собой представляла советская социология, и относился к этому уважительно»¹¹. Более того, судя по свидетельствам того же Радаева, такая установка разделялась коллегами Батыгина по социологическому факультету Школы: «...потоптать отцов и предшественников большого ума не надо. <...> Наше отношение было без надрыва, без разрывания тельника на груди, что советская наука никуда не годится, а мы — британская социология и т. д. <...> Без такого дурацкого критицизма в отношении того, что все это “совок” и никуда не годится. При этом мы все успели поработать в Академии наук»¹². С другой стороны, объективация Геннадием Батыгиным российской и советской социологической традиции не означала, что сам он как социолог, большая часть профессиональной жизни которого пришлась на советский период, разделял ее целеполагание, методологию и критерии текстопроизводства. До середины 1980-х исследовательская работа Батыгина укладывалась скорее в тематический репертуар советской эмпирической социологии. Фактически же результаты этой работы трансформировали основания советской социальной науки по трем направлениям. Во-первых, в исследовательской программе Батыгина инструментальный пафос и «инженерная интерпретация» социологии уступали место нормативной модели в духе веберовского «призвания». Академизация социологии означала, что профессиональный ученый решает прежде всего социологические, а не социальные проблемы. Во-вторых, Батыгин предлагал такие критерии и правила написания, представления и оформления академического текста, которые должны были работать независимо от политической конъюнктуры. Внимание к собственной риторике и стилистике академических высказываний расходилось с характерным для позднесоветской социологии совпадением научной терминологии и публичного дискурса. В-третьих, предложенная Батыгиным концепция интерпретативных схем существенно видоизменяла методологические основания советского социологического эмпиризма. Владение языком теории и умение конструировать концептуальную модель исследования

¹¹ Взято из устного интервью с В.В. Радаевым, проведенного автором 17.02.2025.

¹² Там же.

становились не менее важными, чем математическое или измерительное мастерство. Сами же процедуры измерения и обоснования надежности, точности и воспроизводимости полученных данных должны были соответствовать стандартам «жесткой» методологии.

На примере исследовательской и педагогической деятельности Батыгина видно, что МВШСЭН была одним из мест, где с середины 1990-х гг. осуществлялась попытка профессионализации и академизации социологического ремесла в России. Вместо дискурса, в котором целеполагание и исследовательский стиль были «склеены» с публичной аджендой и реформаторской риторикой, слушателям предлагался дискурс, который опирался на язык, практики и методологические нормы социальной науки как таковой. «Расклейка», в свою очередь, могла способствовать дальнейшей герметизации и теоретизации научной риторики. Как это воспринималось слушателями Шанинки и коллегами по социологическому цеху из других институций? Что менялось в исследовательской программе Батыгина по мере того, как она осваивалась и критически перерабатывалась новыми поколениями студентов МВШСЭН? Удалось ли ему и другим шанинским социологам создать что-то вроде научной школы, подхода или традиции? Подобные вопросы неизбежно возникают, когда речь заходит о Геннадии Батыгине, исследователе и педагоге. Однако поиск ответов — задача на будущее.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пресняков Илья Валерьевич — аспирант, Школа истории и региональных исследований, факультет гуманитарных наук, Тель-Авивский университет. **Телефон:** +972 503828659. **Электронная почта:** presnyakoviliaval@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 66–86. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.4

Research Article

ILYA V. PRESNYAKOV

¹ School of History and Regional Studies, Faculty of Humanities, Tel Aviv University, Gilman Bldg., Ramat Aviv, Tel Aviv, 6997801, Israel.

SOVIET / NON-SOVIET SCHOLAR GENNADY BATYGIN: OUTLINES OF A RESEARCH PROGRAM

Abstract. The article attempts to reconstruct the research program of Gennady Semyonovich Batygin (1951–2003) — philosopher, sociologist, historian of the social sciences, and the first Dean of the Faculty of Sociology at the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES/Shaninka). The analysis is structured as a sequential description of four thematic blocks: 1) the history of Russian/Soviet sociology, 2) the language and writing of sociological science, 3) the methodology of sociological research, and 4) the debate over “qualitative” sociology and “rigorous” methodology.

The article’s central argument is as follows: while Batygin may formally be placed within the cohort of “Soviet sociologists”, it must equally be admitted that he worked largely outside the logic and norms of Soviet sociology. In other words, his research program, though emerging within the institutional context of Soviet science, transformed its methodological, textological and epistemological foundations in three ways. First, the instrumental ethos of sociology gave way to a normative model of academic “vocation” in the Weberian sense. Second, Batygin developed criteria for academic writing that were independent of political circumstances. Third, his concept of interpretive schemes substantially revised the foundations of

Soviet sociological empiricism: Batygin argued that social reality in research is a constructed artifact rather than a direct reflection of the objective world.

Drawing on Batygin's scholarly and pedagogical activities at MSSES, the article demonstrates that the Moscow School from the mid-1990's onward became a site of professionalization and academization of the sociological craft in Russia — a space in which Soviet social science was not simply rejected, but critically reexamined.

Keywords: Gennady S. Batygin (1951–2003); history of Russian sociology; Soviet sociology; methodology of sociological research; academic writing; conceptual model; interpretive schemes; qualitative methodology; professionalization of sociology; Moscow School of Social and Economic Sciences; Shaninka; oral history.

For citation: Presnyakov, I.V. Soviet / Non-Soviet Scholar Gennady Batygin: Outlines of a Research Program. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 66–86. [10.19181/socjour.2026.32.1.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.4)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илья В. Пресняков — PhD Candidate, School of History and Regional Studies, Faculty of Humanities, Tel Aviv University. **Phone:** +972 503828659. **E-mail:** presnyakoviliaval@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-пресс, 1995. — 286 с. EDN: **YNBOTR**
Batygin G.S. *Lectures on the Methodology of Sociological Research*. Moscow: Aspekt-press publ., 1995. 286 p. (In Russ.)
2. *Батыгин Г.С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167. EDN: **PZQNWN**
Batygin G.S. “I could not even conceive of any other path”. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2003. No. 2. P. 132–167. (In Russ.)
3. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 272 с. EDN: **YTNMKT**
Batygin G.S. *Justification of Scientific Conclusions in Applied Sociology*. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1986. 272 p. (In Russ.)
4. *Батыгин Г.С.* Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 23–44.
Batygin G.S. Continuity of the Russian Sociological Tradition. *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow: IS RAS publ., 1998. P. 23–44. (In Russ.)
5. *Батыгин Г.С.* Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 115–131. EDN: **PZQNWD**
Batygin G.S. The craft of Paul Lazarsfeld: an introduction to his scientific biography. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2003. No. 2. P. 115–131. (In Russ.)
6. *Батыгин Г.С.* Советская социология на закате сталинской эры // Вестник АН СССР. 1991. Т. 60. № 10. С. 90–107.
Batygin G.S. Soviet sociology at sunset of the Stalin epoch (several episodes). *Vestnik AN SSSR*. 2011. Vol. 60. No. 10. P. 90–107. (In Russ.)
7. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / Институт социологии Российской акаде-

- мии наук, Университет Фрибурга, Швейцария; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
- Batygin G.S. “Social Scientists” in Times of Crisis: Structural Changes in the Disciplinary Organization and Thematic Repertoire of the Social Sciences. *Sotsial’nye nauki v postsovetskoy Rossii* [Social Sciences in Post-Soviet Russia]. Ed. by G.S. Batygin, L.A. Kozlova, E.M. Sviderski. Moscow: Akademicheskiiy proekt publ., 2005. (In Russ.)
8. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–45. EDN: [TZKHOJ](#)
- Batygin G.S., Devyatko I.F. The myth of “qualitative sociology”. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 2. P. 28–45. (In Russ.)
9. Батыгин Г.С., Малинкин А.Н. Опыт построения и сопоставления морфологических моделей образа жизни // Проблемы измерения и моделирования образа жизни / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: ИСИ АН СССР, 1978. С. 40–58.
- Batygin G.S., Malinkin A.N. Experience in constructing and comparing morphological models of lifestyle. *Problemy izmereniya i modelirovaniya obraza zhizni* [Problems of Measuring and Modelling Lifestyle]. Ed. by I.V. Bestuzhev-Lada. Moscow: ISR AS USSR publ., 1978. P. 40–58. (In Russ.)
10. Виноградский В.Г. Батыгин: стилистическое танго // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 131–135. EDN: [PBDUAP](#)
- Vinogradskiy V.G. Batygin: a stylistic tango. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 1. P. 131–135. (In Russ.)
11. Виноградский В.Г. «Варвары — это те, у кого нет языка» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2023. Т. 1. № 2. С. 63–70.
- Vinogradskiy V.G. “Barbarians are those who have no language”. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 63–70. (In Russ.)
12. Девятко И.Ф. «Человек должен самому себе и Творцу» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2023. Т. 1. № 2. С. 50–57.
- Devyatko I.F. “A man owes to himself and to the Creator”. *Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 50–57. (In Russ.)
13. Димке Д.В. Классики без классики // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 97–106. EDN: [PBTURH](#)
- Dimke D.V. Classics without classics. *Sotsiologicheskiiy issledovaniya*. 2012. No. 6. P. 97–106. (In Russ.)
14. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Т. 1: Биографии и история. М.: ЦСПиМ, 2016. — 418 с.
- Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 vols. Vol. 1: Biographies and History*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 418 p. (In Russ.)
15. Заславская Т.И. «Нам очень хотелось создать настоящую науку» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 201–223. EDN: [UGAQBB](#)
- Zaslavskaya T.I. “We very much wanted to create a genuine science”. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 1997. No. 1–2. P. 201–223. (In Russ.)
16. Козлова Л.А. Ремесло Геннадия Батыгина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 14–17.

- Kozlova L.A. The craft of Gennady Batygin. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2011. No. 1. P. 14–17. (In Russ.)
17. Козлова Л.А. «Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным» / Интервью провела О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2024. Т. 2. № 2. С. 51–65. EDN: STJGNN
Kozlova L. “Batygin invited us to see the non-obvious meanings behind what seems obvious”. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2024. Vol. 2. No. 2. P. 51–68. (In Russ.)
18. Куайн В. Онтологическая относительность / Пер. с англ. // Современная философия науки: Хрестоматия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. А.А. Печенкина. М.: Наука, 1994. С. 23–36.
Quine W.V. Ontological Relativity. Comp., transl. from English, introd. and comment. by A.A. Pechenkin. *Sovremennaya filosofiya nauki: Khrestomatiya*. Moscow: Nauka publ., 1994. P. 23–36. (In Russ.)
19. Никулин А.М. «Обсуждать любой вопрос с академическим смирением» / Интервьюер О.Б. Солодовникова // Пути России. Журнал социальных и этнографических исследований. 2023. Т. 1. № 2. С. 71–77.
Nikulin A.M. “Discussing any question with academic humility”. *Puti Rossii. Zhurnal sotsial’nykh i etnograficheskikh issledovaniy*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 71–77. (In Russ.)
20. Осипов Г.В., Москвичев Л.Г. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008. — 646 с.
Osipov G.V., Moskvichev L.G. *Sociology and Power (as it really was)*. Moscow: Ekonomika publ., 2008. 646 p. (In Russ.)
21. Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Отв. ред. Ф.М. Бородин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. — 593 с.
Comprehension: Sociology. Social Policy. Economic Reform. Ed. by F.M. Borodkin, L.Ya. Kosals, R.V. Ryvkina. Moscow: Progress publ., 1989. 593 p. (In Russ.)
22. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 480 с.
The Sociologist’s Working Book. Ed. and introd. by G.V. Osipov. 5th ed. Moscow: LIBROKOM publ., 2009. 480 p. (In Russ.)
23. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М.: Высшая школа, 2004. — 456 с.
The Development of Sociology in Russia (from its Origins to the End of the 20th Century). Ed. by E.I. Kukushkina. Moscow: Vysshaya shkola publ., 2004. 456 p. (In Russ.)
24. Рогозин Д.М. Автобиография в переписке с Борисом Докторовым. М.: Фонд «Общественное мнение», 2016. — 280 с.
Rogozin D.M. *Autobiography in Correspondence with Boris Doktorov*. Moscow: Public Opinion Foundation publ., 2016. 280 p. (In Russ.)
25. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1999. — 683 с.
Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents. Ed. and introd. by G.S. Batygin; Ed.-comp. S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., 1999. 683 p. (In Russ.)

26. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. — 294 с.
Firsov B.M. *History of Soviet Sociology of the 1950s–1980s: A Lecture Course.* St Petersburg: Publishing House of the European University in St Petersburg, 2001. 294 p. (In Russ.)
27. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101–116. EDN: PZQJUI
Shanin T. The methodology of double reflexivity in studies of the contemporary Russian village. *Sotsiologicheskii zhurnal.* 1998. No. 3/4. P. 101–116. (In Russ.)
28. *Штейнберг И.Е.* Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021. — 300 с.
Shteynberg I.E. *The “long table” method in qualitative field sociological research.* Moscow: All-Russian Public Opinion Research Center publ., 2021. 300 p. (In Russ.)
29. *Criticism and the Growth of Knowledge.* Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 145 p.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025; поступила после рецензирования и доработки: 18.12.2025; принята к публикации: 21.12.2025.

Received: 21.11.2025; revised after review: 18.12.2025; accepted for publication: 21.12.2025.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.5
EDN: IOEKYK

А.А. СУЛИМОВА¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

ЭКОСОЦИАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (2020–2025 гг.)¹

Аннотация. В глобальном и отечественном информационных пространствах с каждым годом возрастает интерес к вопросам социальной ответственности и экологической устойчивости, что обуславливает актуальность настоящей публикации. В статье представлены результаты исследования интеграции социальных и экологических тематик в дискурсе российских средств массовой информации. На основе подборки, содержащей 300 публикаций ведущих онлайн-СМИ за период 2020–2025 гг., проведен сетевой анализ семантических связей между тематическими блоками. Исследование выявило формирование устойчивой двухполюсной структуры медиадискурса с социальным и экологическим кластерами, связанными концептами-«мостами»: ESG (экология, социальная ответственность и корпоративное управление), волонтерством и устойчивым развитием. Анализ сетевых метрик показал преобладание темы инклюзии и высокую посредническую роль ESG-повестки. Контент-анализ выявил четыре основных дискурсивных фрейма: «ответственное развитие», «участие и партнерство», «нравственный долг» и «экономическая целесообразность», каждый из которых содержит свою аргументационную структуру. Результаты исследования свидетельствуют о формировании в отечественном медиапространстве целостного семантического поля, в котором социальная справедливость и экологическая устойчивость становятся взаимодополняющими компонентами национальной стратегии развития. Выводы, представленные в статье, могут быть использованы для совершенствования коммуникационных стратегий в сфере корпоративной социальной ответственности и отечественной информационной политики, что может способствовать формированию более глубокого, устойчивого и ориентированного на долгосрочную перспективу общественного дискурса.

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта № 24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты», реализуемого в СПбГУ.

Ключевые слова: медиадискурс; сетевой анализ; ESG; инклюзия; устойчивое развитие; дискурсивные фреймы; экологическая повестка; социальная политика.

Для цитирования: Сулимова А.А. Экосоциальная повестка в российском медиадискурсе: сетевой анализ семантических связей (2020–2025 гг.) // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 87–105. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.5) EDN: IOEKYK

Введение

Изменения глобальной повестки устойчивого развития повысили актуальность вопроса о взаимосвязи социальных и экологических тематик в национальных информационных медиaprостранствах [4]. В отечественном медиаполе мы можем наблюдать возрастающий интерес к обсуждению конкретных проблем, возникающих на пересечении экологических и социальных процессов. Эта тенденция связана не столько с разработанными Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. «Целями устойчивого развития» (Sustainable Development Goals), сколько с содержательной проработкой практических вопросов: как обеспечить доступность городской среды для людей с ограниченными возможностями здоровья при реализации программ благоустройства (в т. ч. экологического), каким образом совместить задачи социальной поддержки населения и перехода к низкоуглеродной экономике, какую роль играет волонтерское движение в решении локальных экологических проблем. В российском контексте интеграция социальной и экологической повесток приобретает специфические черты, детерминированные институциональными особенностями медиаполя, приоритетами государственной политики, а также ожиданиями общества от бизнеса, власти и НКО.

В теоретическом и практическом дискурсе общественного развития социальные, экологические и экономические приоритеты часто рассматриваются в качестве конкурентов за ограниченные ресурсы. Распространенным является представление о противоречии между экологическими обязательствами и экономическим ростом, между социальной ответственностью государства и фискальной эффективностью, между краткосрочными экономическими интересами и долгосрочными социально-экологическими целями. Концепция устойчивого развития и ESG-повестка предлагают альтернативную парадигму, в которой эти сферы рассматриваются как взаимодополняющие.

Именно поэтому развитие ESG-повестки в корпоративном секторе стало значимой причиной интеграции социальных и экологических дискурсов [15]. Изначально сформировавшись в финансовой сфере как инструмент оценки нефинансовых рисков, концепция ESG трансформировалась в комплексную идею корпоративной ответственности. Исследования демонстрируют, что институционализация ESG-стандартов влияет на публичную коммуникацию компаний, способствуя дискурсивной интеграции социальных и экологических нарративов [17]. В российском контексте ESG-повестка обладает специфическими чертами, связанными с особенностями корпоративного управления и ролью государства в экономике [3]. Тем не менее систематический анализ того, как именно ESG-дискурс проникает в массовые медиа и отражается на структуре публичной повестки, продолжает быть недостаточным.

Традиционно социальная и экологическая тематики изучались медиаисследователями как независимые предметные области. Исследования социального дискурса делали акцент на репрезентации уязвимых групп, инклюзивной политике, социальной защите [21; 10]. Работы, посвященные изучению экологического дискурса, фокусировались на освещении климатических изменений, природоохранной деятельности, рисков экологических катастроф [9; 7]. Однако в последнее десятилетие мы можем наблюдать растущий интерес к междисциплинарным исследованиям, объединяющим оба проблемных поля. Концепция «экологической справедливости», активно разрабатываемая в зарубежной социологии [8; 20], утверждает наличие неразрывной связи между социальным неравенством и экологическими проблемами. Исследования демонстрируют, что экологические риски неравномерно распределены в обществе, затрагивая в первую очередь уязвимые группы. Подобная теоретическая рамка может быть подходящей для анализа российского контекста, хотя ее прямое использование требует учета специфики отечественной институциональной среды.

Средства массовой информации становятся в настоящий момент ключевым агентом конструирования социальной реальности, моделируя представления о приоритетах развития и одобряемых образцах поведения различных акторов [1]. Особый интерес представляет анализ того, каким образом в медиадискурсе объясняются связи между традиционно несвязанными предметными полями — социальной политикой, инклюзией, благотворительностью, с одной стороны, и экологической политикой, климатической повесткой, природоохранной деятельностью — с другой. Анализ структуры и динамики этих связей позволяет нам выявить паттерны легитимации определенных моделей развития и определить ключевые нарративы в публичной коммуникации.

Анализ медиадискурса дает возможность определить, в какой мере и каким образом отечественные СМИ транслируют интегративную логику, преодолевающую традиционное противопоставление социальных, экологических и экономических приоритетов.

Ключевые исследовательские задачи — установление основных паттернов взаимосвязи экологической и социальной категорий, фиксация ключевых концептов-посредников («мостов») и описание преобладающих дискурсивных фреймов, посредством которых осуществляется интеграция двух тематических областей. Методологическая новизна исследования состоит в применении сетевого анализа для конструирования семантических отношений в подборке публикаций.

Методологические основания исследования

Для анализа взаимосвязи социальных и экологических полей в медиадискурсе представляется значимым обращение к нескольким исследовательским направлениям, которые образуют теоретическую рамку настоящего исследования. Тематическая выборка литературы включает в себя четыре ключевые проблемные области: теоретические основы критического дискурс-анализа и медиаисследований, традиции изучения социальной и экологической тематик как отдельных исследовательских полей, концепцию ESG как институционального

механизма интеграции различных компонентов устойчивого развития, а также подходы к применению сетевого анализа в исследованиях дискурсивных структур. Междисциплинарный подход к отбору теоретических оснований исследования связан с комплексным характером объекта исследования, находящегося на пересечении социологии медиа, экологической социологии и корпоративной социальной ответственности. Подобная структура обзора позволяет поэтапно раскрыть теоретическую базу исследования, проследить эволюцию научного дискурса от фрагментарного рассмотрения социальных и экологических тематик к их интеграции и обосновать выбор методологического инструментария для эмпирического анализа.

Медиадискурс как объект социологического анализа

Теоретической основой настоящего исследования выступает понимание медиадискурса как формы социальной практики, разработанное в традиции критических исследований медиа [22; 14]. Н. Фэрклаф подчеркивает, что медийные публикации не являются объективным отражением реальности, а активно конструируют представления о социальных явлениях, легитимируя одни модели поведения и маргинализируя другие. Применительно к экосоциальной тематике это означает, что медиа участвуют в формировании представлений о взаимосвязи социальных и экологических процессов, определяя повестку общественных приоритетов. Настоящее исследование не претендует на полноценный критический дискурс-анализ в понимании Фэрклаф (который включает анализ условий производства текстов, властных отношений и социальных практик), а фокусируется на текстовом измерении дискурса — семантической структуре и фреймах медиа-публикаций.

Концепция фреймов, разработанная И. Гофманом и в дальнейшем разрабатываемая в медиаисследованиях Р. Энтмана [13], позволяет операционализировать процесс смыслового структурирования информации. Фрейм определяется как устойчивая интерпретативная схема, выделяющая одни аспекты реальности и оттеняющая другие, тем самым направляя внимание аудитории и формируя определенные причинно-следственные связи. В контексте данного исследования фреймовый анализ используется для определения типичных способов демонстрации связи между социальными и экологическими тематиками.

Современные отечественные исследования экологического дискурса и медийной репрезентации волонтерства дополняют указанную теоретическую рамку и позволяют корректнее позиционировать настоящий анализ в российском контексте. Так, в работах, посвященных экологическому медиадискурсу, демонстрируется, что экологическая тематика в федеральных изданиях нередко строится вокруг событийных инфоповодов и управленческой повестки, а также воспроизводит устойчивые наборы проблемных сюжетов и акторных конфигураций [5; 6]. Исследователи отмечают, что экоповестка в цифровой среде и социальных медиа упоминается как через конфликтные темы (например, городская среда, обращение с отходами, локальные экологические инциденты), так и через повседневные практики участия в развитии городской среды и благоустройстве.

Анализ дискурса волонтерства в российских СМИ показывает, что медийные описания добровольческой деятельности создают устойчивые интерпретативные схемы, формируют возможный репертуар ролей и легитимируют разные модели взаимодействия волонтеров с государством и профессиональными службами (в том числе через рамки «помощи», «мобилизации», «героизации» и «институционального партнерства»). Данные выводы важны для настоящей статьи, поскольку волонтерство в исследуемой подборке публикаций выступает не просто тематическим сюжетом, а «мостовым» концептом, который связывает социальные и экологические нарративы на уровне риторики участия и коллективной ответственности [2].

Сетевой анализ в исследованиях дискурса

Использование метода сетевого анализа для изучения дискурсивных структур является относительно новым, но динамично развивающимся исследовательским направлением [11; 19]. Построение семантических сетей дает возможность визуализации и количественного анализа связи между концептами, позволяя выявить центральные узлы дискурса и «мостовые» темы, которые объединяют различные кластеры. Метрики центральности необходимы для определения формальных показателей значимости тех или иных концептов в общей семантической структуре. В исследованиях медиадискурса сетевой анализ применяется в основном для изучения динамики развития или стагнации тематических повесток [23] и определения доминирующих фреймов [16]. Тем не менее потенциал метода для анализа интеграции социальных и экологических полей в российском медиапространстве остается недостаточно реализованным.

Исследовательский пробел и задачи работы

Обзор литературы позволяет сформулировать значимые выводы относительно текущего состояния исследовательского поля. Во-первых, несмотря на развитую традицию критического дискурс-анализа медиа, использование сетевых методов для изучения семантических структур на пересечении социальных и экологических тематик остается недостаточно разработанным направлением. Во-вторых, применимость концепции экологической справедливости для анализа связи между социальным неравенством и экологическими рисками к российскому контексту требует эмпирической верификации с учетом институциональной специфики. В-третьих, несмотря на растущую значимость ESG-повестки в корпоративном секторе, механизмы ее проникновения в публичный медиадискурс и влияние на структуру тематических связей остаются недостаточно изученными.

Обзор литературы демонстрирует наличие исследовательского пробела в понимании механизмов и структуры интеграции социальных и экологических проблематик в российском медиадискурсе. Проанализированные нами работы либо посвящены одной из тематик, либо фокусируются на качественном анализе отдельных кейсов без систематической оценки структурных паттернов.

Настоящее исследование призвано восполнить исследовательский пробел и решает три взаимосвязанные задачи: (1) описывает структуру семантических связей между социальными и экологическими категориями в корпусе публикаций

и выявляет центральные и «мостовые» концепты; (2) определяет доминирующие дискурсивные фреймы, через которые в публикациях конструируется связь двух тематических областей; (3) сопоставляет стратегии интеграции тематик у ведущих онлайн-СМИ на основе доли межтематических материалов и различий во фреймах.

Методика исследования

Методический дизайн исследования основывается на сочетании количественных и качественных методов анализа текстов (сетевой анализ семантических связей, контент-анализ тематической структуры и фреймовый анализ публикаций). Фокус исследования направлен на текстовое измерение дискурса (что и как написано в публикациях), а не на полный цикл дискурсивной практики (условия производства, интерпретация аудиторией, социальные эффекты). Данный подход позволяет систематически реконструировать семантическую структуру медиадискурса и доминирующие интерпретативные схемы, но не претендует на анализ всех элементов дискурсивного процесса.

Эмпирическую базу исследования составили публикации десяти ведущих российских онлайн-СМИ, отобранных на основании рейтинга платформы «ПрессИндекс» по охвату аудитории: «Газета.ru», РБК, «Lenta.ru», «Известия», «Московский комсомолец», «Российская газета», ТАСС, «Смотрим», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ»². Данные источники характеризуются широким охватом аудитории и регулярностью публикаций, что позволяет рассматривать их контент как репрезентативный для анализа современных информационных практик.

Формирование подборки осуществлялось с помощью целенаправленного поиска публикаций по ключевым словам, отражающим исследуемую проблематику: «инклюзия», «доступная среда», «люди с инвалидностью» (социальный блок), «экология», «климат», «устойчивое развитие», «ESG» (экологический блок), «местные сообщества», «волонтеры» (потенциально интегративные категории). Для исследования были отобраны актуальные статьи за период 2020–2025 гг. Итоговый корпус включает в себя 300 публикаций, которые были подвергнуты углубленному анализу.

Каждая публикация была проанализирована при помощи направленного контент-анализа с кодировкой по тематическим категориям. Разработана кодировочная схема, включающая порядка 350 тематических категорий, объединенных в три укрупненных блока: социальный (инклюзия, образование, культура, молодежь, благотворительность, социальная политика и др.), экологический (экология, климат, устойчивое развитие, природные ресурсы, возобновляемая энергетика и др.) и «мостовой» (ESG, волонтерство, корпоративная социальная ответственность). Кодирование было осуществлено вручную. В среднем одна публикация содержала три тематические категории, что подчеркивает многоаспектность анализируемых материалов. Помимо тематического кодирования, для каждой публикации фиксировались: преобладающий дискурсивный фрейм, тональность (позитивная/нейтральная/негативная) и ключевые аргументы.

² ПрессИндекс. (2025). *Рейтинг СМИ по охвату аудитории*. — URL: <https://pressindex.ru> (дата обращения 29.09.2025).

На основе матрицы «публикация × тематическая категория» была построена семантическая сеть, узлами в которой выступают тематические категории, а ребра проводятся при совместном упоминании двух и более категорий в одной публикации. Вес ребра определяется частотой совместных упоминаний категорий в подборке. Описанная методология позволила нам упорядочить гипотетическое представление о семантической близости концептов через показатель частоты их совместного упоминания в публикациях.

Для анализа структуры семантической сети были рассчитаны стандартные метрики центральности узлов:

1. Степень центральности — суммарное число связей узла с другими узлами с учетом весов ребер; отражает общую «встроенность» концепта в дискурс.

2. Посредническая центральность — доля кратчайших путей между всеми парами узлов, проходящих через данный узел; определяет концепты-«мосты», которые соединяют различные тематические области.

3. Центральность собственного вектора — отражает связность узла с другими высокоцентральными узлами; выявляет значимые концепты в исследуемом семантическом пространстве.

Расчеты выполнены с использованием библиотеки NetworkX (Python 3.9).

Качественная часть исследования содержала фреймовый анализ публикаций, в которых мы видим пересечение социальных и экологических тематик ($N = 87$, 29% подборки). В рамках анализа были идентифицированы типовые интерпретативные схемы, через которые объясняется и укрепляется связь между двумя тематическими областями. Анализ включал в себя изучение заголовков, ключевых цитат и структуру аргументации публикаций. Выявленные фреймы классифицированы и проиллюстрированы характерными примерами.

Необходимо также отметить ограничения исследования. Подборка из 300 публикаций ведущих федеральных онлайн-СМИ не охватывает все отечественное медиaprостранство (региональные СМИ, специализированные издания и т. д.). Кроме того, анализ фокусируется на текстовом содержании и не учитывает визуальные и мультимедийные компоненты публикаций. Тем не менее данный объем подборки является репрезентативным для выявления основных семантических паттернов в дискурсе ведущих федеральных СМИ, формирующих национальную медиаповестку.

Результаты исследования

Общая структура семантической сети

Построенная семантическая сеть содержит 352 тематических узла и 847 взвешенных ребер, что говорит о высокой степени тематической дифференциации изучаемого дискурса. При этом выделяются два крупных тематических блока — социальный и экологический.

Социальный кластер состоит из 187 тематических категорий (53% всех узлов), посвященных вопросам социального развития, инклюзии, образования, культуры, молодежной политики, благотворительности и пр. Экологический кластер вклю-

чает 143 категории (41% узлов), связанные с проблематикой охраны окружающей среды, климатических изменений, устойчивого развития, «зеленых» технологий, природопользования. Значимым является наличие 22 узлов с высокими значениями посреднической центральности, объединяющих два кластера. Эти «мостовые» темы создают структурную основу интеграции социальных и экологических дискурсов.

Доминирующие тематические узлы

Количественный анализ центральности узлов выявил четкую иерархию тематик по степени их значимости в структуре дискурса (табл. 1).

Таблица 1

Топ-10 тематических категорий по степени центральности

	Тематическая категория	Степень центральности	Присутствие в публикациях, %	Посредническая центральность
1	Инклюзия	246	35	0,47
2	ESG	179	26	0,40
3	Экология	143	23	0,28
4	Волонтерство	128	21	0,35
5	Устойчивое развитие	122	20	0,31
6	Образование	98	19	0,18
7	Социальная политика	87	17	0,15
8	Климат	79	16	0,22
9	Культура	76	15	0,12
10	Корпоративная социальная ответственность	71	14	0,26

Превалирование категории «инклюзия» представляется наиболее значимым результатом анализа. Данная тема присутствует в 35% всех отобранных нами публикаций и имеет максимальные показатели степени центральности (246). Инклюзия становится центральным узлом социального кластера, через который проходит множество связей с другими социальными категориями: образованием (14 совместных упоминаний), культурой (10), спортом (8), молодежной политикой (7), трудоустройством (6). Важно отметить, что высокая посредническая центральность инклюзии (0,47) обусловлена ее ключевой ролью внутри социального кластера, а не функцией прямого «моста» между социальным и экологическим полюсами. Связь инклюзии с экологической тематикой реализуется опосредованно, например через ценностную рамку гуманизма, объединяющую заботу о людях и заботу о природе как проявления единой этической позиции.

На второй позиции располагается ESG-повестка (степень 179, присутствие 26%), что говорит о ее значимой роли в современном российском медиадискурсе (см. рис. 1). Важно отметить, что ESG демонстрирует высокую посредническую центральность (0,40), уступая лишь инклюзии, что подтверждает гипотезу о ее функции концептуального «моста» между социальным и экологическим блоками.

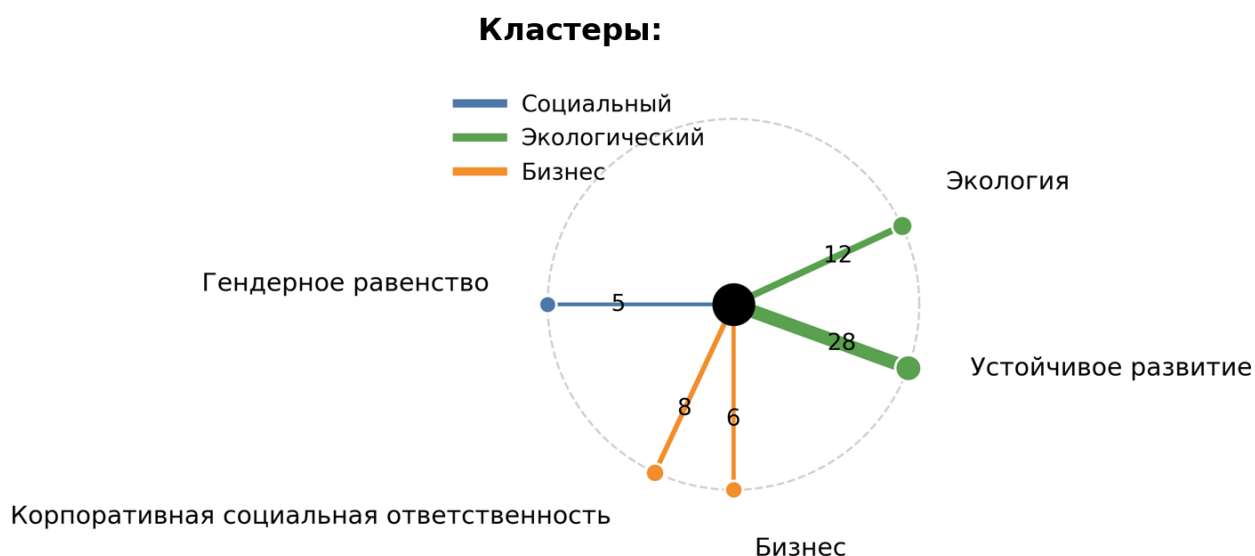

Рис. 1. Радиальная эго-сеть узла “ESG”

Ключевые семантические связи

Анализ взвешенных ребер сети позволил определить самые устойчивые семантические ассоциации в дискурсе (табл. 2).

Таблица 2

Топ-15 пар тематических категорий по частоте совместных упоминаний

	Пара категорий	Частота совместных упоминаний	Тип связи
1	ESG — Устойчивое развитие	28	Межкластерная
2	Инклюзия — Образование	14	Внутрикластерная (социальная)
3	ESG — Экология	12	Межкластерная
4	Инклюзия — Культура	10	Внутрикластерная (социальная)
5	Экология — Устойчивое развитие	9	Внутрикластерная (экологическая)
6	ESG — Корпоративная социальная ответственность	8	Межкластерная
7	Волонтерство — Экология	7	Межкластерная
8	Инклюзия — Спорт	7	Внутрикластерная (социальная)
9	ESG — Бизнес	6	Межкластерная
10	Климат — Возобновляемая энергетика	6	Внутрикластерная (экологическая)
11	Инклюзия — Социальная политика	6	Внутрикластерная (социальная)
12	Волонтерство — Молодежь	5	Внутрикластерная (социальная)
13	ESG — Равенство	5	Межкластерная
14	Устойчивое развитие — Корпоративная социальная ответственность	5	Межкластерная
15	Экология — Природные ресурсы	5	Внутрикластерная (экологическая)

Наиболее частотная связь «ESG — Устойчивое развитие» (28 совместных упоминаний) отражает практическое сопоставление указанных концептов в медиадискурсе. Публикации стабильно представляют ESG-повестку как практическое применение целей устойчивого развития в корпоративном секторе. Следующая по значимости связь «Инклюзия — Образование» (14 упоминаний) свидетельствует о формировании устойчивого дискурса инклюзивного образования как приоритетного направления социальной политики.

Необходимо отметить, что 7 из 15 наиболее частотных связей являются межкластерными, то есть объединяют социальные и экологические проблематики (см. рис. 2). Можно сделать вывод, что интеграция интересующих нас предметных областей не редкость, а устойчивая характеристика исследуемого дискурса.

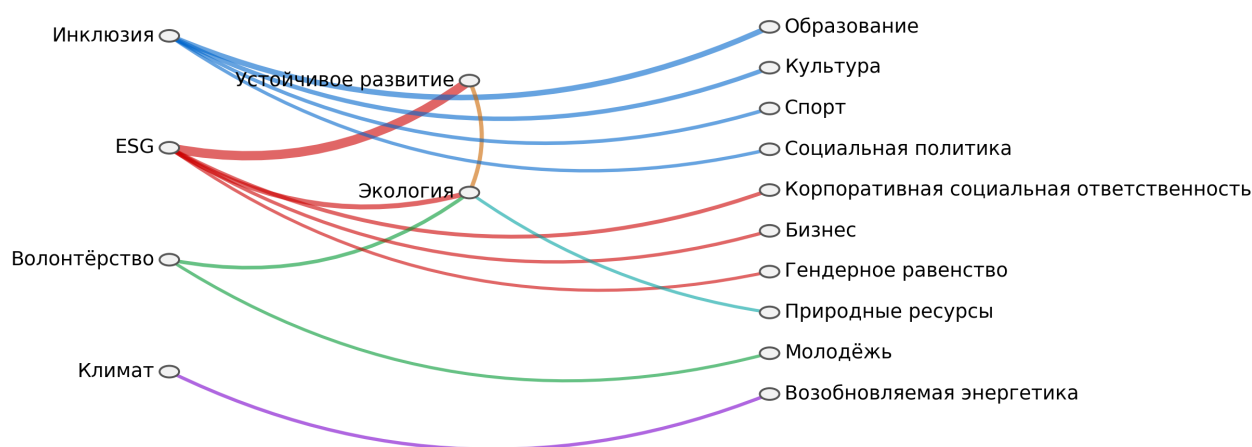

Рис. 2. Аллювиальная диаграмма тематических потоков

Концепты-«мосты»: роль ESG и волонтерства

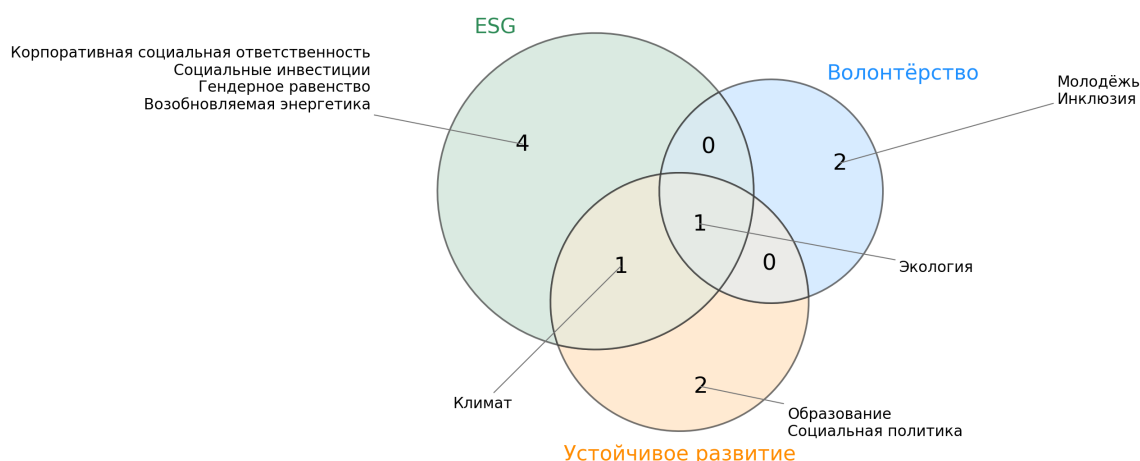
Подробный анализ узлов с высокой посреднической центральностью выявил три значимых концепта, выполняющих функцию семантических «мостов» между социальной и экологической сферами: *ESG*, *волонтерство* и *устойчивое развитие*. Данные концепты демонстрируют устойчивые связи с категориями обоих кластеров и обеспечивают структурную интеграцию дискурса (см. рис. 3).

ESG-повестка занимает уникальное структурное положение в семантической сети. Детальный анализ связей этого узла демонстрирует его двойственную природу: с одной стороны, ESG безусловно связан с экологическими категориями (экология — 12 связей, климат — 4, возобновляемая энергетика — 3), с другой — с социальными (социальные инвестиции — 5, равенство — 5, корпоративная социальная ответственность — 8). В медиадискурсе представление ESG-повестки стабильно опирается на идею, что эта практика интегрирует экологические, социальные и управленческие аспекты корпоративной деятельности.

Волонтерство также выступает не менее значимым «мостовым» концептом. Его роль в качестве посредника может быть объяснена двойственной природой волонтерской деятельности: будучи по своей сути социальной практикой (гражданское участие, взаимопомощь), существенная доля волонтерских инициатив посвящена достижению экологически ориентированных целей (уборка территорий,

высадка деревьев, помощь заповедникам). В изучаемой подборке зафиксировано 7 совместных упоминаний категорий «волонтерство — экология», 5 — «волонтерство — молодежь», 3 — «волонтерство — инклюзия».

Устойчивое развитие выступает концептуальным «мостом» на уровне постановки и утверждения стратегических целей. Данный термин систематически используется в качестве рамочного понятия, объединяющего экономические, социальные и экологические измерения прогресса. Связи узла «устойчивое развитие» распределены практически поровну между социальным (образование — 4, социальная политика — 3) и экологическим (экология — 9, климат — 2) кластерами, что подтверждает его интегративную функцию.

Betweenness: ESG — 0.40 | Волонтерство — 0.35 | Устойчивое развитие — 0.31; заливка зон отражает сумму частот связей (порог ≥ 1).

Рис 3. Тройная диаграмма Венна «ESG x Волонтерство x Устойчивое развитие»

Примечание: Цифры 0, 1, 2, 4 обозначают количество тематических категорий, попавших в соответствующую зону пересечения трех множеств.

Дискурсивные фреймы на пересечении тематик

Фреймовый анализ 87 межтематических публикаций позволил определить четыре ключевые схемы, через которые объясняется связь социальных и экологических вопросов.

Фрейм «ответственного развития». Данный фрейм связывает модернизацию с ответственностью, фокусируясь на том, что путь к устойчивому прогрессу лежит через экоциальные инициативы. Выявлен в 34 публикациях (39% межтематического корпуса). Ключевые слова по данному блоку: «развитие», «модернизация», «эффективность», «устойчивость», «ответственный подход», «инновации». Основной аргумент: технологический прогресс и социальное развитие являются взаимозависимыми процессами, требующими экологической ответственности. В рамках этого фрейма конструируется образ будущего, где экономика, экология и общество гармонично развиваются благодаря ответственному управлению и технологическим инновациям. Необходимо отметить, что «ответственность» в данном случае не противопоставляется «развитию», а представляется его необходимым условием. Анализ временного распределения материалов демонстрирует устойчивость фрейма на протяжении 2020–2025 гг. с усилением в последние два

года (70% материалов приходится на 2024–2025 гг.), что свидетельствует о его не-ситуативном характере. Ключевыми акторами выступают представители бизнеса (47%) и НКО (42%). Типичный контекст — корпоративные ESG-отчеты, внедрение инклюзивных практик для решения кадрового дефицита, региональные программы устойчивого развития.

Фрейм «участия и партнерства». Следующий по распространенности фрейм (28 публикаций, 32%) фокусируется на роли различных акторов (государства, бизнеса, НКО, общества) в совместном решении социальных и экологических проблем. Ключевые слова: «участие», «партнерство», «инициатива», «сотрудничество». Тематика публикаций: освещение конкурсов социальных и экологических проектов, тематических форумов, грантовых программ, волонтерских акций. Основной аргумент: экологические и социальные проблемы не могут быть решены кем-то одним, требуется объединение усилий. В основе волонтерства лежит модель массового участия, объединяющего людей со схожими ценностями; и в данном фрейме конструируется пространство участия всех акторов для достижения экологического и социального развития общества. Фрейм демонстрирует равномерное развитие с 2020 по 2025 г. без выраженных пиков, что подтверждает его институционализацию. Доминируют НКО (48%) как инициаторы проектов, значительную роль играет бизнес (35%) как партнер и спонсор, а государство (13%) выступает организатором пространства через систему грантов и конкурсов. Типичным контекстом для данного фрейма становится освещение конкурсов социальных проектов, молодежных хакатонов, волонтерских акций.

Фрейм «нравственного долга и гуманизма». Данный фрейм (19 публикаций, 22%) опирается на моральные ценности: милосердие, толерантность, забота, гуманизм. Указанный фрейм характерен для материалов, посвященных тематикам инклюзии и благотворительности с экологическим уклоном. Ключевые слова: «моральный долг», «этика», «забота». Инклюзия в публикациях, относящихся к данному блоку, представляется как значимая гуманистическая идея, а экологическая ответственность — как правильный образ жизни. Необходимо отметить, что в таком контексте социальные и экологические действия подкрепляются единым ценностным языком: помогать людям и беречь природу — равнозначно правильные действия. Подобная риторика усиливает эмоциональное восприятие экоциальной тематики, придает ей ценностное обоснование. В отличие от более прагматических фреймов, здесь отсутствует практичное обоснование: действия интерпретируются как безусловное благо, не требующее дополнительных обоснований. Данный фрейм демонстрирует наибольшую устойчивость в рамках исследовательского периода без резких пиков, что свидетельствует о его укорененности в гуманистической традиции российского дискурса. Основные акторы — НКО (50%) и государственные структуры (43%), бизнес практически отсутствует (14%). Типичный контекст — государственная поддержка людей с ограниченными возможностями здоровья, деятельность благотворительных фондов, волонтерские инициативы. Корпоративный сектор предпочитает обосновывать действия через эффективность, а не моральный долг, что отражает сохраняющееся разделение между «социальным» (заботой) и «экономическим» (рациональностью).

Фрейм «экономической целесообразности». Наименее распространенный фрейм (6 публикаций, 7%) обосновывает значимость социально-экологических инициатив через призму выгоды, эффективности, конкурентоспособности. Ключевыми словами в данном случае выступают: «экономическая необходимость», «инвестиционная привлекательность», «конкурентное преимущество», «снижение рисков», «повышение эффективности». Основным аргументом выступает тезис, что социальная ответственность и экологические проекты не только этичны, но и экономически выгодны. Создание рабочих мест для лиц с ОВЗ — способ решения кадрового дефицита, реализация экопроектов — инструмент снижения долгосрочных издержек и улучшения корпоративного имиджа. Целевая аудитория данного фрейма — прагматично настроенная аудитория и бизнес-элита, для которой важна демонстрация рациональной обоснованности социально-экологической интеграции через идеи эффективности и выгоды. Фрейм демонстрирует динамичный рост: 80% материалов сконцентрированы в периоде 2024–2025 гг. при единичных публикациях в предыдущие годы. Доминируют корпоративный сектор (55%) и государство (35%). Наиболее распространенный контекст — обоснование ESG через финансовую отдачу, экотуризм как драйвер роста, инклюзия как решение кадрового дефицита.

Выявленные фреймы отражают разные стратегии объяснения социально-экологической интеграции: морально-ценностный (нравственный долг), социально-политический (участие и партнерство), прогрессивный (ответственное развитие) и экономический (целесообразность). Подобное разнообразие отражает стратегию «фреймового пакета», адресованного различным группам аудитории. Кроме того, каждый фрейм обладает собственной акторной структурой: бизнес доминирует во фреймах «ответственное развитие» и «экономическая целесообразность», НКО — во фреймах «участие и партнерство» и «нравственный долг».

Преобладание позитивных фреймов (89% публикаций) и практически полное отсутствие негативных свидетельствуют о едином характере дискурса. Социальная справедливость и экологическая устойчивость определяются не как конкурирующие задачи, требующие компромиссов, а как усиливающие друг друга идеи. Это соотносится с глобальной риторикой «Целей устойчивого развития» ООН, которая акцентирует внимание на взаимодополняемости различных измерений устойчивости.

Медиа как агенты конструирования социальной реальности

Различия в медиапрофилях показывают, как медиа активно конструируют реальность через отбор и позиционирование материала, а не просто отражают ее. Стратегии СМИ определяют, будут ли социальные и экологические темы представлены как связанные или автономные, какие фреймы будут преобладать, кто из акторов получит возможность высказать свою точку зрения.

Общественно-политические порталы, максимизирующие интеграцию, становятся ключевыми агентами формирования идеи о неразрывности социального и экологического. Их направленность на широкую аудиторию и события стимулирует поиск интересных и важных для общественности историй на пересечении тем, например всероссийские волонтерские акции, награды за лучшие

ESG-проекты, тематические форумы. Издания деловой направленности легитимируют интеграцию в глазах элит, объясняя ее необходимость языком экономической рациональности.

Государственные СМИ, в которых доля интегрированных материалов была существенно ниже, играют значимую роль в институциональной легитимации: именно они отражают официальную позицию о приоритетности социально-экологической повестки. Сдержанная интеграция в государственных СМИ может быть связана с консервативностью институциональных структур, где социальная и экологическая политика остаются в ведении разных министерств и подконтрольных им учреждений.

Структурная интеграция социальных и экологических дискурсов

Полученные результаты демонстрируют, что в современном отечественном медиaprостранстве формируется структурно однородное семантическое поле, в котором социальные и экологические смыслы все чаще соотносятся друг с другом в общей логике устойчивости и ответственности. Можно говорить о формировании экоциальной повестки, где две традиционно автономные предметные области начинают рассматриваться как взаимосвязанные компоненты общественного развития, несмотря на сохранение тематической дифференциации и различий в линиях аргументации.

Важно отметить, что наблюдаемая интеграция не является прямым результатом включения международной концепции устойчивого развития в российский контекст. Скорее мы имеем дело с развитием собственной дискурсивной конфигурации, в которой категория «устойчивое развитие» выступает одним из «мостовых» концептов наряду с ESG-повесткой и волонтерством, но не единственной и не доминирующей интерпретативной рамкой. Семантическая сеть демонстрирует, что «устойчивое развитие» занимает пятую позицию по степени центральности (122) и присутствует в 20% публикаций, что уступает, например, «инклюзии» (35%) и «ESG» (26%). При этом высокая представленность «инклюзии» отражает преимущественно ее роль семантического хаба внутри социального кластера (связующего узла между темами образования, культуры, спорта и социальной политики), тогда как межкластерная связность социальной и экологической сфер в большей степени обеспечивается такими узлами, как «ESG», «волонтерство» и «устойчивое развитие». Это свидетельствует о том, что интеграция социальных и экологических дискурсов в российский медиaprостранстве происходит на базе множественных концептуальных оснований, адаптированных к отечественным институциональному и культурному контекстам.

Двухполюсная структура семантической сети указывает на сохранение различий между социальным и экологическим предметными полями. Однако значимым является наличие «мостовых» узлов с высокой посреднической центральностью, с помощью которых обеспечивается структурная связность дискурса. Это соотносится с теоретическими представлениями о «структурных складках» в семантических пространствах [15], когда интеграция реализуется не через обобщение смыслов и полное слияние тематик, а через корректно расположенные точки соприкосновения, обеспечивающие устойчивые переходы между различными смысловыми областями.

Тот факт, что ESG-повестка становится одним из ключевых «мостовых» концептов, отражает международный тренд институционализации корпоративной устойчивости. Отечественная специфика проявляется в активной роли государства в продвижении ESG-повестки. Это может быть обусловлено централизованной моделью государственного управления, унаследованной от советского периода и адаптированной к современным вызовам модернизации. В отличие от западного контекста, где ESG развивалась в основном под давлением инвесторов и гражданского общества, в России наблюдается поступательный спуск стратегии сверху, поскольку децентрализованные инициативы воспринимаются как менее эффективные в условиях ограниченных рыночных механизмов и необходимости координировать национальные приоритеты. Это находит отражение в медиапространстве: ESG систематически связывается не только с корпоративной повесткой, но и с национальными проектами, развитием регионов и государственной социальной политикой, что закрепляет его роль институционального «моста» между экологической и социальной тематикой в публичной коммуникации.

Высокая посредническая роль волонтерства представляет особый аналитический интерес. В отличие от инклюзии и ESG, концептов институционального уровня, волонтерство выступает общественной практикой, непосредственно вовлекающей граждан. Медиадискурс конструирует волонтерство как пространство, в котором социальная солидарность и экологическая ответственность объединяются в целостную гражданскую идентичность.

Подобная идея соотносится с концепцией «экологического гражданства», посвященной формированию нового типа социальной идентичности, сочетающей заботу о социальной справедливости и экологическую сознательность [12]. Отечественный медиадискурс, согласно результатам исследования, активно участвует в конструировании этой идентичности, систематически представляя волонтерские экоциальные практики как социально одобряемый образец гражданского поведения.

Подкрепление этого дискурса со стороны государства (проведение Международного года добровольцев в Российской Федерации в 2026 г., активная поддержка волонтерских проектов) говорит о стратегии консолидации гражданского общества вокруг подобных значимых форм активности. Волонтерство легко интегрируется в официальную повестку, предоставляя пространство для социальной активности.

Заключение

Представленное исследование подтверждает формирование в современном отечественном медиадискурсе целостного семантического поля, включающего социальные и экологические смыслы в единую концептуальную рамку устойчивого развития. Сетевой анализ 300 публикаций ведущих СМИ демонстрирует устойчивую двухкластерную структуру с социальным и экологическим полюсами, соединенными с помощью определенных концептов-«мостов»: ESG-повестки, волонтерства и устойчивого развития.

Количественные данные подтверждают ключевую роль инклюзивной проблематики в группе социально ориентированных публикаций и ESG-повестки в качестве значимого интегративного концепта.

Фреймовый анализ определил четыре доминирующие интерпретативные схемы: «ответственное развитие», «участие и партнерство», «нравственный долг и гуманизм» и «экономическая целесообразность». Превалирование позитивных фреймов указывает на единый характер дискурса, в котором социальная справедливость и экологическая устойчивость выступают в качестве взаимодополняющих целей.

Теоретическая значимость исследования состоит в операционализации концепции семантической интеграции дискурсов через применение метода сетевого анализа к подборке публикаций по искомой тематике. Полученные результаты вносят вклад в понимание механизмов конструирования дискурса устойчивого развития в российском контексте, демонстрируя, как именно медиа становятся активными агентами формирования представлений о взаимосвязи социальных, экономических и экологических процессов.

Практическая значимость работы состоит в систематизации семантической структуры и дискурсивных фреймов, используемых российскими медиа при конструировании экосоциальной повестки. Выявленные концепты-«мосты» (ESG, волонтерство, устойчивое развитие) и основные интерпретативные схемы могут быть учтены специалистами по коммуникации при разработке информационных материалов, согласующихся со сложившимися дискурсивными паттернами. Отмеченные нами различия в стратегиях интеграции тематик позволяют более точно сегментировать медиапространство и выбирать каналы коммуникации в зависимости от целевой аудитории. Вместе с тем для оценки эффективности воздействия экосоциального дискурса на разных акторов и разработки действенных коммуникационных стратегий необходимы дополнительные исследования восприятия данных нарративов различными группами населения.

Результаты исследования демонстрируют, что отечественное медиапространство способствует формированию интегративной модели общественного развития, в которой социальная справедливость, экономическая эффективность и экологическая ответственность выступают в качестве взаимодополняющих элементов национальной стратегии, а не конкурирующих приоритетов. Преобладание позитивных фреймов и устойчивость «мостовых» концептов свидетельствуют о трансляции идеи синергии, а не о конфликте между этими измерениями развития, что отражает адаптацию глобальной повестки устойчивости к российскому контексту.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сулимова Алина Алексеевна — исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (921) 923-28-99. **Электронная почта:** alina.sulimova@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 87–105. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.5)

Research Article

ALINA A. SULIMOVA¹

¹ Saint Petersburg State University.

1/3, Smolny Str., 191060, Saint Petersburg, Russian Federation.

THE ECO-SOCIAL AGENDA IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE: NETWORK ANALYSIS OF SEMANTIC RELATIONS (2020–2025)

Abstract. Interest towards such issues as social responsibility and environmental sustainability has been growing annually in both global and domestic information spaces, which determines the relevance of the present study. This article presents research findings on the integration of social and environmental themes in Russian mass media discourse. Based on a corpus containing 300 publications from leading online media outlets covering the years 2020–2025, a network analysis of semantic relations between thematic clusters was conducted. The study identified the development of a stable bipolar structure of media discourse comprised of social and environmental clusters, interconnected through bridging concepts: ESG (environment, social responsibility, and corporate governance), volunteering, and sustainable development. Analysis of network metrics revealed the predominance of the inclusion theme and the high intermediary role of the ESG agenda. Content analysis identified four primary discursive frames: “responsible development”, “participation and partnership”, “moral obligation”, and “economic feasibility”, each containing its own argumentative structure. Comparative analysis of strategies employed by ten leading Russian online media outlets reflected variations in approaches to thematic integration — ranging from maximum (21–29% of cross-thematic materials) to minimum (6%). The research findings indicate the formation of an integrated semantic field in the domestic media space, wherein social justice and environmental sustainability emerge as complementary components of the national development strategy. The conclusions presented in this article can be utilized for enhancing communication strategies in the sphere of corporate social responsibility and domestic information policy, which may contribute to the formation of a more profound, sustainable and long-term oriented public discourse.

Keywords: media discourse; network analysis; ESG; inclusion; sustainable development; discursive frames; environmental agenda; social policy.

For citation: Sulimova, A.A. The Eco-Social Agenda in Russian Media Discourse: Network Analysis of Semantic Relations (2020–2025). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 87–105. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.5)

Acknowledgment. The article was prepared with the support of the Russian National Science Foundation within the framework of project No. 24-18-00542 “Eco-social model of the welfare state in Russia: conceptual framework, discourses, institutions”, which is being implemented at St. Petersburg State University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina A. Sulimova — Researcher, Saint Petersburg State University. **Phone:** +7 (921) 923-28-99. **E-mail:** alina.sulimova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Архипова Е.Б.* Риторические стратегии конструирования актуальных социальных проблем в ведомственном и публичном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2026. № 88. (в печати).
Arkhipova E.B. Rhetorical strategies for developing current social problems in departmental and public discourse. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2026. No. 88. (In Russ.)
2. *Башева О.А., Гоманова С.О., Ермолаева Ю.В.* Место волонтеров в системе реагирования на чрезвычайные ситуации: результаты анализа дискурса российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 203–225. DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2388](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2388) EDN: WXXAWR
Basheva O.A., Gomanova S.O., Ermolaeva Yu.V. The Role of Volunteers in the Emergency Response System: Results of the Analysis of Russian Media Discourse. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsialnyye peremeny*. 2024. No. 2. P. 203–225. DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2388](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2388) (In Russ.)

3. Благов Ю.Е., Иванова Е.А. Корпоративная социальная ответственность в России: уроки национального доклада о социальных инвестициях // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. № 1. С. 3–24. EDN: [KNOYUX](#)
Blagov Yu.E., Ivanova E.A. Corporate Social Responsibility in Russia: Lessons from the National Report on Social Investments. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta*. 2009. Vol. 7. No. 1. P. 3–24. (In Russ.)
4. Ровинская Т.Л. Механизмы участия средств массовой информации в экологической политике // Политическая наука. 2010. Т. 2. С. 177–202. EDN: [MTWOVB](#)
Rovinskaya T.L. Mechanisms of mass media participation in environmental policy. *Politicheskaya nauka*. 2010. Vol. 2. P. 177–202. (In Russ.)
5. Смирнова О.В., Яковлева Т.В., Ильченко Д.С. Экологический дискурс в современных российских общественно-политических изданиях: результаты исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 2. С. 267–284. DOI: [10.17150/2308-6203.2025.14\(2\).267-284](#) EDN: [YFVNQQ](#)
Smirnova O.V., Yakovleva T.V., Ilchenko D.S. Environmental Discourse in Modern Russian Public and Political Publications: Research Results. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2025. Vol. 14. No. 2. P. 267–284. DOI: [10.17150/2308-6203.2025.14\(2\).267-284](#) (In Russ.)
6. Щекотин Е.В., Дунаева Д.О., Басина П.А., Вахрамеев П.С. Экологический дискурс в социальных медиа: опыт тематического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 226–250. DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2483](#) EDN: [MPDKVK](#)
Shchekotin E.V., Dunaeva D.O., Basina P.A., Vakhrameev P.S. Environmental Discourse in Social Media: A Case Study Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsialnyye peremeny*. 2024. No. 6. P. 226–250. DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2483](#)
7. Anderson A. *Media, Environment and the Network Society*. L.: Palgrave Macmillan, 2014. 203 p. DOI: [10.1057/9781137314086](#)
8. Bullard R.D. *Dumping in Dixie: Race, Class, and Environmental Quality*. N.Y.: Westview Press, 200. 260 p. DOI: [10.4324/9780429495274](#)
9. Carvalho A. Ideological cultures and media discourses on scientific knowledge: Re-reading news on climate change. *Public Understanding of Science*. 2007. Vol. 16. No. 2. P. 223–243. DOI: [10.1177/0963662506066775](#)
10. Clogston J.S. *Disability Coverage in 16 Newspapers*. Louisville: Avocado Press, 1990. 39 p.
11. Diesner J., Carley K.M. Revealing social structure from texts: Meta-matrix text analysis as a novel method for network text analysis. *Causal Mapping for Information Systems and Technology Research*. Ed. by V.K. Narayanan, D.J. Armstrong. Hershey: Idea Group Publishing, 2005. P. 81–108. DOI: [10.4018/978-1-59140-396-8.ch004](#)
12. Dobson A. Environmental citizenship: Towards sustainable development. *Sustainable Development*. 2007. Vol. 15. No. 5. P. 276–285. DOI: [10.1002/sd.344](#)
13. Entman R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 51–58. DOI: [10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x](#)
14. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2nd ed. L.: Longman, 1995. 265 p. DOI: [10.4324/9781315834368](#)
15. Gillan S.L., Koch A., Starks L.T. Firms and social responsibility: A review of ESG and CSR research in corporate finance. *Journal of Corporate Finance*. 2021. Vol. 66. P. 1–45. DOI: [10.1016/j.jcorpfin.2021.101889](#)

16. Koltsova O., Koltcov S. Mapping the public agenda with topic modeling: The case of the Russian LiveJournal. *Policy & Internet*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 207–227. DOI: [10.1002/1944-2866.POI331](https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI331)
17. Liang H., Renneboog L. On the foundations of corporate social responsibility. *The Journal of Finance*. 2016. Vol. 72. No. 2. P. 853–910. DOI: [10.1111/jofi.12487](https://doi.org/10.1111/jofi.12487)
18. Pachucki M.A., Breiger R.L. Cultural holes: Beyond relationality in social networks and culture. *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 205–224. DOI: [10.1146/annurev.soc.012809.102615](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102615)
19. Paranyushkin D. Identifying the pathways for meaning circulation using text network analysis. *Nodus Labs*. 2011. Vol. 26. P. 1–26.
20. Schlosberg D. *Defining Environmental Justice: Theories, Movements, and Nature*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 256 p. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199286294.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199286294.001.0001)
21. Shakespeare T. *Disability Rights and Wrongs Revisited*. 2nd ed. L.: Routledge, 2013, 296 p. DOI: [10.4324/9781315887456](https://doi.org/10.4324/9781315887456)
22. van Dijk T.A. *Discourse and Power*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008, 308 p. DOI: [10.1007/978-1-137-07299-3](https://doi.org/10.1007/978-1-137-07299-3)
23. Vargo C.J., Guo L., McCombs M., Shaw D.L. Network issue agendas on Twitter during the 2012 U.S. presidential election. *Journal of Communication*. 2014. Vol. 64. No. 2. P. 296–316. DOI: [10.1111/jcom.12089](https://doi.org/10.1111/jcom.12089)

Статья поступила в редакцию: 29.11.2025; поступила после рецензирования и доработки: 26.01.2026; принята к публикации: 12.02.2026.

Received: 29.11.2025; revised after review: 26.01.2026; accepted for publication: 12.02.2026.

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.6
EDN: KPKFVJ

Е.А. ЧУПРОВ

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 11.

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ОБРАЩЕНИЯ К ВИДЕОИГРАМ И ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена результатам количественного онлайн-исследования того, как мотивы игры определяют стратегию поведения геймеров. Эмпирическая база — открытый онлайн-опрос 2561 подписчика крупного российского игрового канала (92% мужчин, медианный возраст 24 года). С помощью факторного анализа были выделены четыре мотивационных фактора: «Командная работа», «Эскапизм», «Творчество» и «Соревнование»; кластеризация позволила описать четыре типа игроков: эскаписты, соревнующиеся, творцы и казуалы. Для иллюстрации стратегий применена адаптированная модель Бартла — Радоффа с осями «ориентация на других — избегание» и «количественная — качественная награда». Большинство респондентов предпочитают одиночную игру с упором на результат; при этом соревнующиеся нередко выбирают эскапистскую стратегию. Множественная регрессия ($R^2 = 0,24$) показала, что рост фактора «Соревнование» повышает социальную ориентацию, тогда как «Эскапизм» и «Творчество» усиливают склонность к одиночной игре. В группе социально мотивированных геймеров эскапизм латентно связан с желанием количественного признания. Итог: социальная мотивация может реализовываться и в одиночных, и в мультиплеерных проектах; ключевое значение имеют внутриигровые механики и личные цели, а не жанр игры.

Ключевые слова: видеоигры; компьютерные игры; геймеры; типы игроков; мотивы игры; стратегии игры.

Для цитирования: Чупров Е.А. Социальные мотивы обращения к видеоиграм и выбор стратегии поведения в цифровой среде // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 106–122. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.6 EDN: KPKFVJ

Введение

Реальны ли по своим последствиям действия, которые мы совершаем в видеоиграх? Исследователи виртуальных игровых миров полагают, что да, реальны. Граница между играми и обычной жизнью стирается [6, р. 2]. Социальные миры видеоигр тесно связаны с другими — неигровыми — мирами. События внутри игр и за их пределами не разделены, а геймеры не представляют собой замкнутое автономное сообщество [17, р. 9].

Настоящее исследование вписывается в рамки цифровой социологии и социологии досуга, рассматривая видеоигры как полноценное пространство социального действия. Опираясь на акторно-сетевую теорию [15], мы признаем, что социальные действия могут быть направлены не только на других людей, но и на нечеловеческие акторы — игровые механики и виртуальный мир. Таким образом, социологическая релевантность работы заключается в анализе, как социальные мотивы реализуются внутри цифровой среды.

Современные социологические теории социального действия показали, что «человеческий» подход к социальным отношениям устарел [7]. Социальными могут быть и «неживые» (*nonhumans*) акторы. Дверной доводчик, оборудование в лаборатории, разговор с питомцем, молитва [7; 23] — тоже примеры социального взаимодействия с «нелюдьми». Тогда геймер, вступая во взаимодействие с компьютерным персонажем даже в одиночной, а не только в многопользовательской игре и выбирая варианты реплик и действий по отношению к нему и к игровому миру, вероятно, тоже может совершать своего рода социальное действие и воспринимать компьютерного персонажа как подобие социального актора.

Существует традиция изучения потребления видеоигр и его социальных эффектов. Выяснилось, что игры способны удовлетворять социальные потребности человека [19], давать чувство прогресса и ухода от рутины [2], становиться площадкой для приобретения социального капитала и новых статусов, вызывать ощущение причастности к сообществам, включаться в сложные социальные и эмоциональные отношения с игрой и другими геймерами [5]. Всемирная организация здравоохранения, не так давно признававшая игровую зависимость болезнью, в условиях пандемии коронавируса назвала видеоигры возможностью для «здорового социального времяпрепровождения»¹.

В литературе, посвященной типологизации геймеров на основе их мотивов и поведения в видеоиграх, существует некоторое противоречие. Социальные мотивы обращения к играм и социальный гейминг зачастую ассоциируются с явным взаимодействием и общением с другими пользователями внутри онлайн-игр. Большинство исследований фокусируется исключительно на аудитории онлайн-проектов, оставляя без внимания одиночные проекты. Целью настоящего исследования является анализ взаимосвязи между мотивами потребления видеоигр и стратегиями поведения геймеров внутри игрового пространства. Важное внимание уделяется выявлению особенностей реализации социальных мотивов в различных игровых контекстах, включая как одиночные, так и многопользовательские игры.

Мотивы обращения к видеоиграм принято выделять через типы игроков. В исследовании Ю. Хамари и Дж. Туунанен [11] представлены результаты метаанализа 11 таких типологий. Типы обычно делятся на две категории: основанные на мотивации обращения к игре и основанные на стратегии поведения в ней. Ключевые мотивы, которые присутствуют в большинстве типологий: достижение, исследование, соревнование, социальное взаимодействие и иммерсия (погружение). Согласно более обобщающему метаанализу исследований игровой

¹ Video games can be a healthy social pastime during coronavirus pandemic // USA Today. — URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/gaming/2020/03/28/video-games-whos-prescription-solace-during-coronavirus-pandemic/2932976001/> (дата обращения 08.06.2025).

мотивации социальные мотивы — один из трех ключевых факторов потребления видеоигр наряду с гедонистическим и утилитарным [10, р. 136]. При этом чаще всего под социальной исследователи понимают мотивацию, явно направленную на взаимодействие с другими геймерами, а именно:

1. Возможность социального взаимодействия, когда геймеры мотивированы желанием поделиться своим игровым опытом с другими, установить социальные связи с помощью игр [14].

2. Конкуренция и соперничество. Соревнование с другими, желание доказать свое превосходство создает ощущение вызова, мотивирует улучшать свои навыки [26].

3. Принадлежность к группе. Чувство принадлежности к игровому сообществу или клану мотивирует социальных геймеров к большему вовлечению в игру [29].

Почти всегда социальную мотивацию рассматривают в контексте многопользовательских онлайн-игр [9]. На наш взгляд, этот подход неполный. Социальными — в социологическом смысле — могут быть мотивы и стратегии игры, явно не направленные на других игроков. Например, в ряде исследований выделяется эскапистская мотивация, проявляющаяся в попытке уйти от реальности, намеренно избегать других игроков (см., например: [22; 29]). Как показал П. Химайнен на хакерах (программистах-энтузиастах), подобное поведение вполне может быть выражением своеобразной этики данного сообщества и желанием позже доказать свои навыки остальным его членам [13]. То есть при кажущемся уходе от других имеет место латентное соревнование при избегающем типе поведения, на самом деле преобладает социальная или с точки зрения психологии внешняя (*extrinsic*) мотивация.

Существующие типологии игроков не учитывают эту специфику. Эмпирически несоответствие между декларируемой мотивацией и стратегией поведения внутри игры может проявляться в выборе поведения, внешне отличающегося или даже противоречащего изначально декларируемой мотивации пользователя. Отсюда основной исследовательский вопрос работы: связаны ли и как соотносятся мотивы обращения к видеоиграм со стратегиями поведения в них?

В качестве гипотез были сформулированы следующие утверждения:

H1. Игроков можно дифференцировать в зависимости от мотивов потребления видеоигр: 1) уход от реальности, возможность реализовать то, что не получается в офлайне; 2) мотивы, ориентированные на социальное взаимодействие, общение и соревнование, достижение; 3) эстетические и гедонистические мотивы; 4) игра как способ занять время [10; 11; 29].

H2. Стратегии и мотивы игроков взаимосвязаны между собой [29]. Однако вероятно, что для некоторых социальных мотивов возможен выбор стратегии, основанный на взаимодействии не только с другими игроками, но и в случае одиночных проектов — с игровым миром. Это будет выражаться в принадлежности респондента к социальному типу мотивации, но с выбором «несоциальной» стратегии поведения в игре.

Методика исследования

Мотивы игры — это совокупность суждений о причинах обращения геймеров к играм [29]. В анкете мотивы представлены в виде 21 суждения, каждое из которых респонденту предлагалось оценить по шкале от 1 до 7. Примеры некоторых суждений: «Играя, я хочу попробовать новые роли, представить себя кем-то другим» или «Для меня видеоигры — это просто способ занять время между другими делами» и др.

Видеоигры включают механику — правила, по которым работает игра [1, с. 11]. Геймер генерирует события и испытывает определенные эмоции, например, удовольствие от обучения и прогресса, страх, ощущение соперничества. В процессе генерации событий игрок получает опыт. Отсюда проистекает понимание игры как «системы искусственной генерации опыта» [1, с. 57]. Поэтому стратегии поведения — это способы поведения пользователей, связанные с получением ими определенного опыта. Тип получаемого опыта выражается в виде награды, которую получает геймер. Например, соревнующиеся стремятся ощутить себя лучше других, им важно, чтобы другие могли увидеть, что они играют успешнее. Поэтому основная награда — это количественное подтверждение успехов: очки рейтинга и место на доске лидеров.

В исследовании стратегии строятся на основе модернизированной Дж. Радоффом модели Р. Бартла [21]. Он изменил оси в оригинальной модели [3] на количество игроков (*few players — many players*) и форму поощрения играющего при успешном выполнении поставленной задачи (*qualitative — quantitative*). В зависимости от положения в этой системе координат можно сделать вывод, как именно будет строиться взаимодействие геймера с игрой и какой ожидать результат.

Как и мотивы, в анкете стратегии определяются через вопросы-суждения, которые следует оценить от 1 до 7 баллов. Например: «Я всегда пытаюсь пройти игру полностью: выполнить все достижения, получить максимальный уровень, добиться идеального прохождения трудных заданий», «Играя, чаще всего я ориентируюсь на эффективность. Стараюсь получать награды, которые можно дальше использовать для увеличения преимущества и развития: редкие предметы, очки для навыков и т. п.» и др.

Инструментарий исследования (анкета) разделен на блоки вопросов, каждый из которых описывает соответствующие характеристики респондента. Нулевой блок — скрытое тестирование, которое призвано отсеять респондентов, открывших анкету случайно. Первый блок посвящен игровым характеристикам и позволяет узнать о предпочитаемых респондентами играх и жанрах, о частоте игры, а также оценить общую активность и вовлечение. Второй блок содержит вопросы-суждения, на основе которых строятся типологизации по мотивам обращения к видеоиграм и стратегиям поведения. Третий блок содержит социально-демографические характеристики, включает вопросы для контрольных переменных, а также вопросы-суждения для выделения стилей жизни. Список переменных представлен в Приложении.

Эмпирическую базу составил открытый невероятностный онлайн-опрос подписчиков игрового YouTube-канала TimeVideoGame (TVG). Сбор данных проводился в декабре 2021 г. Данные были собраны до введения ограничений на

работу платформы YouTube в России. Аудитория канала на момент исследования составляла более 300 тыс. подписчиков. Канал специализируется на научно-популярном контенте про видеоигры.

Метод открытого невероятностного онлайн-опроса обеспечивает «быстрый и дешевый доступ к обширной аудитории» [4, р. 186], но сопряжен с недопокрытием и самоотбором [4, р. 162; 28]. Из совокупности примерно 300 тыс. подписчиков был отобран 2561 респондент, подписанный более недели, посмотревший хотя бы одно видео и играющий в видеоигры. Выборка преимущественно мужская (92%) и молодая (82% участников — 18–34-летние при медианном возрасте — 24 года). Данные постстратифицированы по метаданным YouTube, что смягчает, но не устраняет возможные смещения: Application Programming Interface (API) не гарантирует полной репрезентативности [12; 20]. Поэтому данные непригодны для точной оценки долей, но подходят для анализа взаимосвязей, что и является задачей настоящей работы.

Использованная выборка является невероятностной, что накладывает существенные ограничения на генерализацию результатов. Классическая статистическая ошибка выборки для данной совокупности не может быть корректно рассчитана [4]. Вместо этого необходимо говорить о таких систематических смещениях, связанных с методом формирования выборки, как [24]: 1) смещение самоотбора (в опросе участвовали наиболее активные подписчики канала); 2) смещение покрытия (выборка ограничена аудиторией одного YouTube-канала с преобладанием мужчин (92%) и молодых людей (медианный возраст — 24 года). Полученные результаты не экстраполируются на всю популяцию геймеров, но релевантны для анализа взаимосвязей внутри данной группы активных игроков [25].

Мотивы потребления видеоигр: результаты факторного и кластерного анализов

Для типологизации используется факторный анализ, с помощью которого из большего числа мотивов выделяется меньшее число общих по смыслу групп суждений, представляющих собой набор определенных поведенческих профилей, свойственных в некоторой степени каждому респонденту. Рассчитав факторные значения для каждого респондента, можно использовать их как основание для иерархического кластерного анализа, который позволит выделить конкретные типы и определить соотношение их представителей в выборке.

Оценки суждений, описывающих мотивы игры, были сгруппированы факторным анализом методом максимального правдоподобия факторов с вращением варимакс. При сравнении результатов с разным числом факторов наиболее оптимальным оказался вариант с четырьмя факторами. Для него характерны меньшая уникальность переменных и большее по сравнению с другими комбинациями значение теста на достаточность выбранного числа факторов. Сумма квадратов нагрузок для всех факторов больше 1. На основе факторных значений суждений о мотивах потребления видеоигр, рассчитанных для каждого респондента с помощью иерархического кластерного анализа, опрошенные были разделены на кластеры (табл. 1). Четыре кластера наиболее оптимальны с точки зрения наполненности

групп и интерпретируемости. Менее равномерно наполнены и хуже объясняются содержательно варианты с тремя, пятью группами или более. Средние значения оценок респондентами суждений о мотивах потребления видеоигр в группировке по кластерам позволяют описать каждый кластер содержательно.

Таблица 1

Средние значения факторов по кластерам

Кластер	Размер, чел.	Доля, %	Мотивационные факторы			
			Командная работа	Эскапизм	Творчество	Соревнование
Эскаписты	257	10	–1,12	0,73	0,18	–0,76
Соревнующиеся	1073	40	–0,08	–0,19	–0,26	0,58
Творцы	789	29	0,72	0,54	0,41	0,06
Казуалы	565	21	–0,34	–0,73	–0,15	–0,85

Первый кластер — эскаписты включает геймеров с выраженным фактором эскапизма. То есть они руководствуются такими мотивами игры, как уход от реальности, избегание жизненных проблем, возможность забыться и почувствовать свободу. Для эскапистов важны наполненность и содержательная составляющая видеоигр — они должны быть с интересным сюжетом. По сравнению с представителями других типов эскаписты, скорее, старше: каждый второй из них в возрасте от 25 до 34 лет. Как следствие, почти половина попавших в данный кластер респондентов имеют высшее образование не ниже законченного бакалавриата. По количеству проведенных в играх часов и по частоте сессий в неделю эскаписты занимают второе место среди остальных типов: играют в среднем 17 ч в неделю, то есть более двух часов ежедневно. Больше всего им нравятся одиночные ролевые проекты с открытыми мирами. Помимо лидирующих во всех типах хитов вроде “The Witcher 3: Wild Hunt”, серии “Mass Effect” и “The Elder Scrolls V: Skyrim”, они также отдают предпочтение “Fallout: New Vegas” и “Dragon Age”. Любопытно, что этот список одиночных проектов с открытыми мирами дополняют “DOTA 2” и “World of Warcraft” — многопользовательские онлайн-игры. Однако, в отличие от представителей остальных типов, эскаписты заметно реже играют в многопользовательские проекты. Сильнее же всего представителей первого кластера выделяет их досуг. Результаты *t*-теста показали, что эскаписты статистически чаще ощущают себя одиночками (вопрос 3.9.7, *p-value* = 2,786e-09), реже имеют активный досуг (походы в кино, театр, рестораны, бары), гораздо вероятнее предпочтут походу с друзьями куда-либо остаться дома и поиграть в любимую игру (вопрос 3.9.1, *p-value* < 2.2e-16).

Второй кластер — соревнующиеся. Объединяет геймеров, которые серьезно относятся к играм и хотят соревноваться с другими. Они стараются играть лучше других. Это позволяет им снять стресс, забыться, отвлечься от рутины. Соревнующиеся — более молодой тип: 56% всех его представителей в возрасте от 14 до 24 лет. По частоте игры соревнующиеся находятся на третьем месте после творцов и эскапистов, в среднем проводя за играми 16 ч в неделю. Помимо «Ведьмака» и «Скайрима», геймерам данного типа нравятся “Red Dead Redemption 2”, серия

“Dark Souls”, “S.T.A.L.K.E.R.”, “Dishonored” и “BioShock”. Тем не менее чаще всего соревнующиеся проводили время в совершенно других проектах, оправдывая свое название. Из 10 самых часто упоминаемых респондентами игр по количеству проведенного времени семь оказались не одиночными ролевыми, а многопользовательскими соревновательными онлайн-играми (“DOTA 2”, “League of Legends”, “CS:GO”, “Warframe”, “Destiny 2”, “World of Tanks”, “World of Warcraft”).

Третий кластер — творцы. Объединяет геймеров, ценящих художественную составляющую игр, относящихся к ним как к произведениям искусства. Творцы полагают, что игры позволяют снять стресс, отдохнуть, пообщаться и повзаимодействовать с другими. Это кластер с наибольшей долей молодых представителей (63% в возрасте от 14 до 24 лет). Также он и самый часто играющий: в среднем в неделю на игры творцы тратят около 20 ч, то есть примерно три часа ежедневно. По своим предпочтениям творцы совпадают с соревнующимися, им нравятся практически те же игры: одиночные, сюжетные приключения с открытыми мирами. Но на деле они также чаще всего играют не в эти проекты, а в условно-бесплатные многопользовательские вроде “CS:GO”, “DOTA 2” или “League of Legends”. Интересно, что представители данного кластера самые социально активные, чаще всех остальных типов проводят свой досуг вне дома, больше общаются с другими.

Четвертый кластер — казуалы. В эту группу попали респонденты, играющие ad hoc. Казуальным игрокам тоже нравятся красивые игры, они готовы признавать их произведениями искусства, но в целом спокойно относятся к своему увлечению, воспринимают его как одно из хобби. Эта особенность наиболее сильно отличает их от представителей прочих типов. Казуальные игроки не жаждут взаимодействия или соревнования, не собираются реализовывать за счет видеоигр свои амбиции и желания. Они — самая взрослая группа: 54% всех ее представителей старше 25 лет. Характерно, что досуг и игровые предпочтения казуалов тоже наиболее сбалансированы: они в равной степени часто играют как в одиночные, так и в онлайн-проекты, а по частоте игры находятся на последнем месте среди представителей других кластеров, тратя свободное время на другие занятия.

Стратегии поведения в видеоиграх

Для выделения стратегий на основе модели Дж. Радоффа и оценок суждений о стратегиях поведения в видеоиграх созданы две вспомогательные переменные, обозначающие координаты каждого респондента на осях X (ориентация на игроков) и Y (тип награды). Значения, превышающие ноль по оси X, свидетельствуют о большей ориентации респондента на других игроков, о желании взаимодействовать с ними, значения меньше нуля — наоборот, о предпочтении одиночной игры и избегании встреч с другими. Значения больше нуля по оси Y показывают, что желаемая для игрока награда количественная (например, очки, рейтинг или ресурсы), значения меньше нуля — наоборот, качественная (эмоциональный опыт от игры).

Проиллюстрированные с помощью диаграммы рассеивания координаты (рис. 1) представляют собой подобие карты предпочтений респондентов по стратегиям поведения в видеоиграх. Важно отметить, что стратегии поведения —

это отдельные сущности, отличные от мотивационных кластеров, выделенных в таблице 1. Если кластеры описывают мотивы обращения к играм, то стратегии отражают фактическое поведение в игровом пространстве. По числу квадрантов выделяются четыре стратегии. Наивысшая плотность точек приходится на второй («Достижение») и третий («Эскапизм») квадранты. Это означает, что большинство опрошенных предпочитают меньше взаимодействовать с другими и больше ориентироваться на достижение игровых целей. Рассчитанные по каждому респонденту координаты позволяют вывести переменную, обозначающую степень принадлежности к конкретной стратегии.

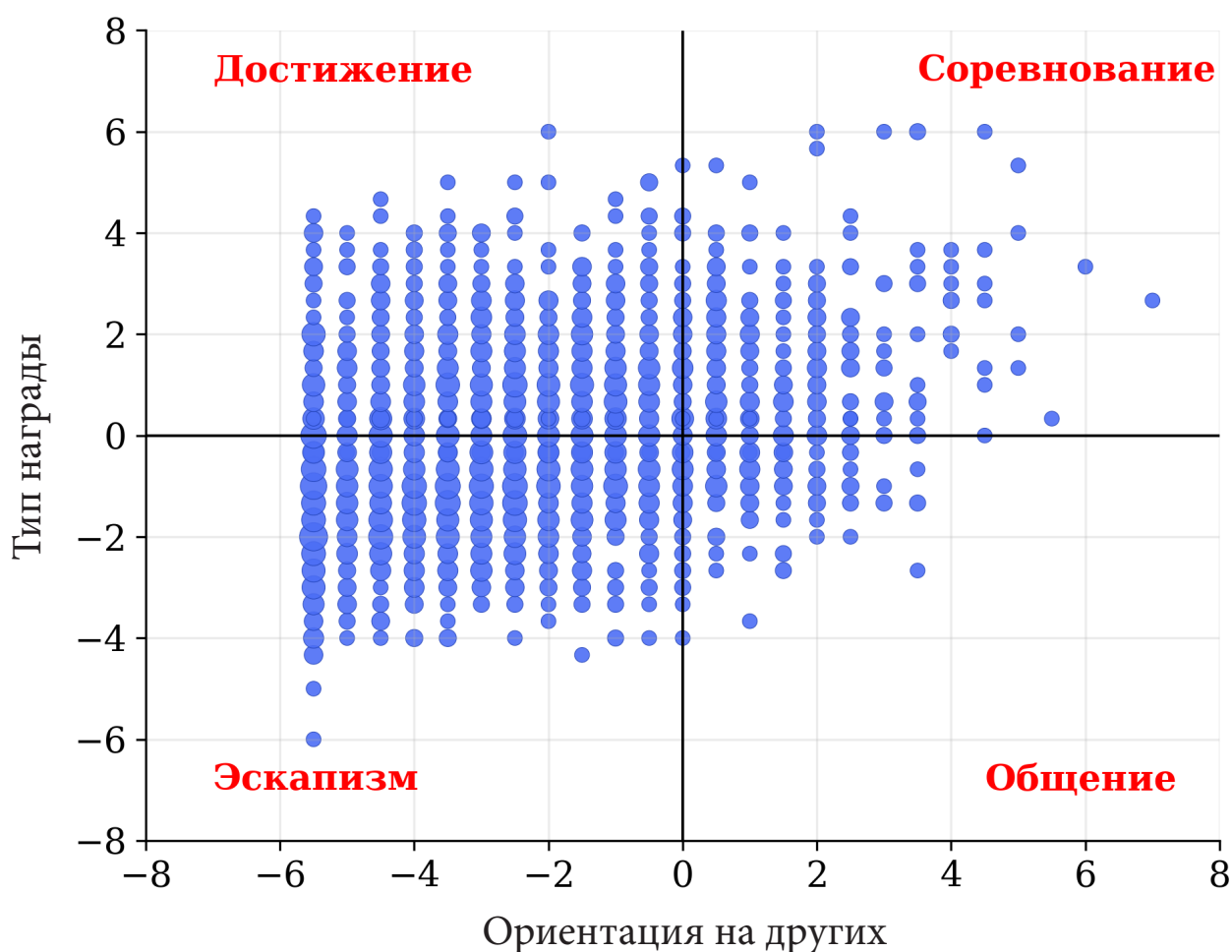

Рис. 1. Распределение игроков по стратегиям поведения в игре

Первая стратегия ($X > 0, Y > 0$) — «Соревнование». Сюда относится поведение в видеоиграх, ориентированное на взаимодействие с другими, то есть соревнование. Геймеры, следующие этой стратегии, стремятся побеждать и заинтересованы в получении количественной награды (рейтинг, повышение позиции в списке лидеров, получение ценных игровых ресурсов).

Вторая стратегия ($X > 0, Y < 0$) — «Общение». Характерно поведение, свойственное игрокам, которым нравится взаимодействовать с другими, общаться, объединяться, соперничать. Но цель и желаемая награда — это эмоции и переживание процесса игры. Конечный результат малоинтересен, важен процесс взаимодействия.

Третья стратегия ($X < 0, Y < 0$) — «Эскапизм». Поведение в играх направлено на избегание встреч с другими. Основная цель — получение эмоций. Процесс и ощущения от игры важнее всего.

Четвертая стратегия ($X < 0, Y > 0$) — «Достижение». Эта стратегия описывает поведение, ориентированное на самостоятельную игру, минимальное взаимодействие с другими. При этом цель, в отличие от стратегии «Эскапизм», количественная, то есть победа и результат. Стратегия характеризуется стремлением к достижению победы и получению преимущества над другими, а также ресурсов.

На рисунке 2 приведено распределение представителей мотивационных типов (кластеров) внутри каждой стратегии поведения в видеоиграх.

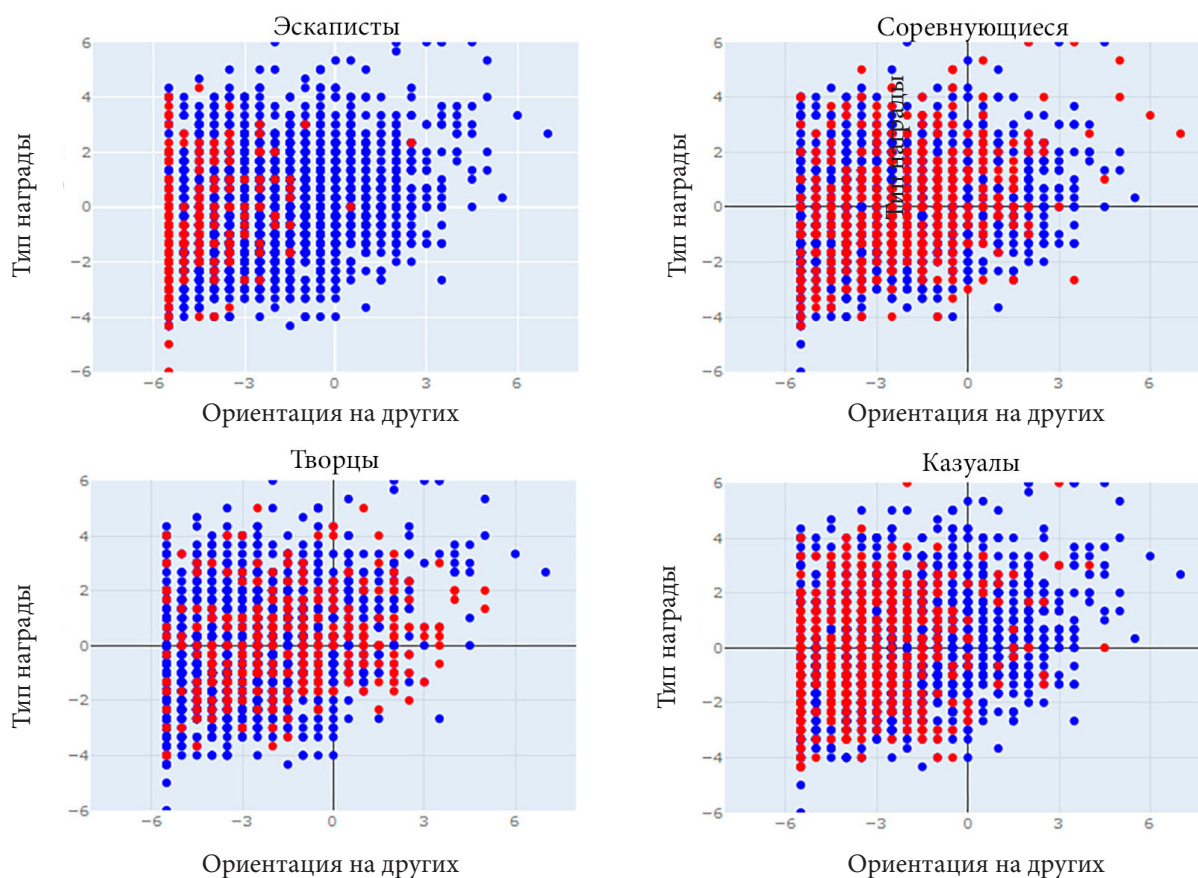

Рис. 2. Распределение мотивационных типов по стратегиям поведения в играх

Большинство типов распределились исходя из их основных мотивов. Эскаписты стремятся к одиночной игре (второй и третий квадранты), творцы предпочитают сбалансированное поведение, казуалы вслед за эскапистами фокусируются в первую очередь на игре (на наградах и эмоциях), предпочитают избегать взаимодействий с другими. Сильнее всего выделяется тип соревнующихся — вопреки логике типа, ведомого соревнованием, желанием соперничества и взаимодействия, они на практике гораздо чаще предпочитают избегать в играх других геймеров, а эмоциональный опыт от игры для них порой даже важнее количественного результата. Это отчетливо видно по графику, где основная плотность точек приходится не на первый, а на второй и третий квадранты.

Связаны ли и как соотносятся мотивы обращения к видеоиграм со стратегиями поведения в них?

Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между мотивами обращения к видеоиграм и стратегиями поведения в них использовались множественные линейные регрессионные модели (табл. 2). Переменные были проверены на: 1) отсутствие мультиколлинеарности (скоррелированности) между переменными; 2) нормальность распределения и 3) гомоскедастичность (однородность дисперсии), то есть на устойчивость размера ошибки в прогнозе в зависимости от значений независимой переменной.

Таблица 2

Регрессионные модели связи стратегий поведения в играх с мотивами потребления видеоигр

Предикторы	Модель 1. Ориентация на других игроков			Модель 2. Ориентация на тип получаемой награды		
	Оценка	ДИ	p	Оценка	ДИ	p
(Константа)	0,15	0,00 – 0,31	0,049	0,11	-0,10 – 0,32	0,293
Командная работа	0,62	0,59 – 0,66	<0,001	0,20	0,16 – 0,25	<0,001
Эскапизм	-0,05	-0,09 – -0,02	0,003	-0,02	-0,06 – 0,03	0,532
Креативность	-0,28	-0,32 – -0,25	<0,001	-0,21	-0,26 – -0,16	<0,001
Соревнование	0,28	0,25 – 0,32	<0,001	0,08	0,03 – 0,12	0,001
Экстраверсия	0,02	-0,02 – 0,05	0,370	-0,01	-0,05 – 0,03	0,633
Интроверсия	0,05	0,02 – 0,08	0,002	0,04	0,00 – 0,08	0,049
Возраст	-0,01	-0,01 – -0,00	0,024	-0,00	-0,01 – 0,01	0,561
Часов проведено в игре	-0,00	-0,00 – 0,00	0,499	-0,00	-0,00 – 0,00	0,992
Образование	0,02	-0,00 – 0,04	0,062	-0,01	-0,04 – 0,02	0,451
Доход	-0,01	-0,04 – 0,03	0,593	-0,01	-0,06 – 0,04	0,630
Наблюдения	2530			2530		
R^2 / R^2 скорректированный	0,488 / 0,486			0,081 / 0,077		

Модель 1. Зависимая переменная — ориентация на других игроков (*social*). Присутствует значимая взаимосвязь между поведением, связанным с ориентацией на других игроков, с мотивационными факторами «Творчество», «Соревнование» (в обоих случаях p -value < 0.001) и «Эскапизм» (p -value = 0,003). Ориентация на других игроков повышается на 0,28 ($\pm 0,02$) при увеличении на 1 фактора «Соревнование». При этом ориентация на других игроков отрицательно связана с факторами «Творчество» и «Эскапизм», она понижается на 0,28 ($\pm 0,02$) при каждом увеличении значения фактора «Творчество» на 1 и понижается на 0,05 ($\pm 0,002$) при увеличении фактора «Эскапизм» на 1.

Другие переменные не оказывают заметного влияния на зависимую переменную. Увеличение факторов «Творчество» и «Эскапизм» снижает ориентацию на взаимодействие с другими игроками, в то время как рост соревновательности, наоборот, положительно связан с ориентацией на других.

Модель 2. Зависимая переменная — ориентация на тип получаемой награды (*prize*). Незначима, R^2 равен всего 0,08.

Что отличает респондентов, относящихся к социальному типу мотивации, но руководствующихся эскапистской стратегией поведения в играх?

Вопреки декларируемым мотивам, соревнующиеся на деле чаще предпочитают одиночную стратегию поведения в играх с акцентом не на результат, а на эмоциональный опыт от процесса. Это видно по диаграмме рассеивания на рисунке 2. Отсюда вопрос: почему так происходит и что отличает соревнующихся игроков, выбирающих стратегию эскапизма, от остальных представителей этого кластера?

Для ответа на этот вопрос построены по две множественные линейные регрессионные модели для 1) выборки социальных игроков (соревнующиеся и творцы), придерживающихся эскапистской стратегии, и 2) остальных соревнующихся и творцов. Результаты моделей представлены в таблице 3.

Таблица 3

Регрессионные модели связи социальных мотивов потребления игр с ориентацией на тип награды в играх

Предикторы	Модель 1. Ориентация на награду			Модель 2. Ориентация на тип получаемой награды		
	Оценка	ДИ	р	Оценка	ДИ	р
(Константа)	-0,93	-1,36 – -0,49	<0,001	0,77	0,26 – 1,29	0,003
Командная работа	0,68	0,58 – 0,78	<0,001	-0,05	-0,17 – 0,08	0,469
Эскапизм	0,38	0,27 – 0,49	<0,001	-0,33	-0,46 – -0,20	<0,001
Креативность	0,02	-0,09 – 0,13	0,759	-0,63	-0,75 – -0,50	<0,001
Соревнование	0,00	-0,11 – 0,11	0,951	0,32	0,20 – 0,44	<0,001
Экстраверсия	-0,03	-0,12 – 0,06	0,565	-0,07	-0,18 – 0,04	0,189
Интроверсия	0,06	-0,03 – 0,15	0,169	0,06	-0,03 – 0,16	0,201
Возраст	-0,00	-0,02 – 0,02	0,990	-0,01	-0,03 – 0,01	0,313
Часов проведено в игре	-0,00	-0,00 – 0,00	0,828	-0,00	-0,00 – 0,00	0,794
Образование	-0,01	-0,07 – 0,05	0,766	-0,01	-0,08 – 0,06	0,769
Доход	0,02	-0,07 – 0,12	0,616	0,11	-0,00 – 0,22	0,056
Наблюдения	1335			1196		
R^2 / R^2 скорректированный	0,184 / 0,177			0,185 / 0,178		

Модель 1. Зависимая переменная — ориентация на награду (*prize*). Присутствует значимая взаимосвязь между поведением, связанным с ориентацией на других игроков с мотивационными факторами «Командная работа» и «Эскапизм» (в обоих случаях $p\text{-value} < 0,001$). Ориентация на количественную награду повышается на 0,68 ($\pm 0,2$) при увеличении на 1 фактора «Командная работа». При этом ориентация на количественную награду также положительно связана с фактором «Эскапизм». Она повышается на 0,38 ($\pm 0,2$) при каждом увеличении значения фактора «Эскапизм» на 1. Другие переменные не оказывают заметного влияния на зависимую переменную. Увеличение факторов «Командная работа» и «Эскапизм» для социальных типов игроков, придерживающихся эскапистской стратегии, повышает ориентацию на получение ими количественной награды в играх.

Модель 2. Зависимая переменная — ориентация на тип получаемой награды (*prize*). Присутствует значимая взаимосвязь между ориентацией на количественную награду с мотивационными факторами «Соревнование» и «Творчество» (в обоих случаях $p\text{-value} < 0,001$). Ориентация на количественную награду повышается на 0,32 ($\pm 0,2$) при увеличении на 1 фактора «Соревнование». При этом ориентация на количественную награду отрицательно связана с факторами «Эскапизм» и «Творчество». Она понижается на 0,63 ($\pm 0,2$) при каждом увеличении значения фактора «Творчество» на 1, а также, в отличие от первой модели, снижается на 0,33 ($\pm 0,2$) при увеличении на 1 фактора «Эскапизм».

Обсуждение результатов

В ходе типологизации геймеров по мотивам потребления видеоигр выделены четыре типа респондентов. Уход от реальности, возможность реализовать то, что не получается в офлайне и попробовать что-то новое характерны для первого кластера (эскаписты). Мотивы, ориентированные на социальное взаимодействие, общение, соревнование и достижение ярко выражены во втором и третьем кластерах (соревнующиеся и творцы). Эстетические и гедонистические мотивы представлены в каждой группе, но сильнее всего у эскапистов, творцов и казуальных игроков. Наконец, игра как способ занять время соотносится с четвертым кластером казуалов, играющих *ad hoc*.

Проиллюстрировать поведение геймеров в зависимости от мотивации позволила основанная на методологии Дж. Радоффа карта стратегий [21]. В целом выбор стратегии поведения соответствовал логике выделения кластеров: для эскапистов оказались характерны меньшая ориентация на других игроков и стремление к качественной эмоциональной награде. Похож на них и тип казуалов, которые играют время от времени ради удовольствия, однако их одиночная ориентация менее выражена, чем у эскапистов. Наибольший интерес представляют соревнующиеся, которые, называя свои мотивы социальными и соревновательными, по поведению в играх оказались склонны, скорее, к одиночной игре. Результаты регрессионного анализа показали, что отличительная особенность социальных игроков (соревнующихся и творцов), придерживающихся в играх стратегии избегания других, проявляется в том, что при возрастании эскапистской мотивации они склонны больше ориентироваться на получение количественной (эффективной) награды. В то время как остальные представители этих типов, наоборот, при увеличении склонности

к эскапизму начинают больше стремиться к эмоциональному опыту от игры. Это может означать, что эскапистская мотивация в данном случае является латентно социальной, то есть избегание других — вероятно, этап соперничества. В Корее подобный феномен получил название *Wang-tta*. Суть в том, что корейские молодые геймеры, боясь подвергнуться нападкам со стороны сверстников за слабые игровые результаты в компьютерных клубах, усердно тренировались в одиночестве дома перед их посещением [8]. То есть геймеры руководствовались социальной мотивацией соперничества и ориентировались на количественное подтверждение своих результатов, однако избирали одиночную, несоциальную стратегию поведения в играх.

Возможным объяснением противоречивой одиночной ориентации в играх социальных типов геймеров может служить основанная на концепции текучей современности З. Баумана гипотеза, что рост потребления видеоигр является попыткой привести в жизнь прогресс и чувство достижения, реализацией потребности в актуализации [18, р. 2]. Это объясняет стремление к получению количественной награды при росте эскапистской мотивации. Именно потребность в актуализации, на наш взгляд, является связующей для в целом таких социально обусловленных мотивов, как «Творчество» и «Соревнование», а также для внешне антисоциального типа эскапистов. Преобладание этих кластеров иллюстрирует стремление современного человека обращаться к виртуальности в поиске смыслов и «якорей».

Предполагалось, что некоторые респонденты, принадлежащие к социальному типу мотивации, будут выбирать несоциальную стратегию поведения в играх. Оказалось, что соревнующиеся и творцы действительно больше склонны выбирать несоциальную стратегию поведения в играх вопреки декларируемым мотивам. Они чаще указывали, что общению и соперничеству с другими предпочтут одиночную игру и эмоциональное погружение, а на схеме стратегий визуально значительно смещены в левую половину графика (избегание других) (рис. 2). Однако это расходится с тем, во что они играют на практике, — 70% игр, в которых они провели больше всего времени, были мультиплеерными. Наибольший интерес здесь представляет тип награды, на которую ориентируются социально мотивированные пользователи. Они могут либо выбирать несоциальную, эскапистскую стратегию поведения, свойственную для одиночных игр, и переносить ее в многопользовательские игры, либо проецировать свою мотивацию взаимодействия и достижения на одиночные игры.

Таким образом, мотивация и выбор стратегии поведения в играх статистически связаны, но могут не всегда явно соотноситься друг с другом. Социальных стратегий поведения пользователи могут придерживаться как в одиночных, так и в многопользовательских играх. В первом случае это будет выражаться в стремлении социально мотивированного игрока к получению количественной награды, то есть в соперничестве с «неживым» актором или абстрактным геймерским сообществом. Во втором случае — в многопользовательских играх — социально мотивированные пользователи могут сознательно избегать взаимодействия и общения с другими геймерами при сохраняющейся ориентации на результат и количественную эффективную награду.

В числе возможных направлений будущих исследований необходимо выделить более подробное изучение эскапистской мотивации. Качественная методология позволила бы лучше понять, чем руководствуются такие геймеры, и более

точно описать характер отношений между ними и видеоиграми. Вероятно, их игра тоже движима социальной мотивацией, однако имеющиеся количественные данные не позволяют более глубоко описать характер их взаимодействия с играми. Всестороннее теоретическое понимание социальной мотивации включения в видеоигры тесно связано с процессом образования рынков виртуальных товаров и формирования их ценности [16; 27], что актуально для изучения внутриигровых экономик и рынков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание используемых переменных

Название переменной	Описание
Ключевые предикторы	
<i>social</i>	Интервальная переменная, нормирована, от –5 до +5. Отрицательные значения говорят о стратегии поведения в игре, ориентированной на одиночную игру, значения выше нуля — на взаимодействие с другими.
<i>prize</i>	Интервальная переменная, нормирована, от –5 до +5. Отрицательные значения говорят о стратегии поведения в игре, ориентированной на получение качественной, эмоциональной награды, выше нуля — на получение количественной награды (ресурсы, рейтинг, очки и проч.).
<i>Team_work</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Командная работа». Высокие значения отражают мотивацию на поведение, связанное с командной работой.
<i>Escapism</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Эскапизм». Высокие значения отражают мотивацию на поведение, связанное с эскапизмом.
<i>Creativity</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Творчество». Высокие значения отражают мотивацию на поведение, связанное с творчеством в играх.
<i>Competition</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Соревнование». Высокие значения отражают мотивацию на поведение, связанное с соревнованием в играх.
<i>External</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Внешний досуг». Посещение торговых центров, кафе, ресторанов и баров, шопинг, посещение кинотеатров, выставок и концертов, прогулки.
<i>Balanced</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Сбалансированный досуг». Поведение связанное с посещением музеев и выставок, путешествиями, чтением, самообразованием, прогулками, хобби и спортом.
<i>Internal</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Внутренний досуг». Проведение времени в Интернете: социальные сети, просмотр видео; прослушивание музыки, просмотр фильмов и сериалов.
<i>extraversion</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Экстраверсия». Высокие значения отражают характеристику стиля жизни, связанного с экстраверсией.
<i>introversion</i>	Интервальная переменная, от –4 до +4. Фактор «Интроверсия». Высокие значения отражают характеристику стиля жизни, связанного с интроверсией.

Продолжение Приложения

Название переменной	Описание
Контрольные переменные	
<i>age</i>	Интервальная переменная, от 14 до 65. Возраст респондента в годах.
<i>sex</i>	Дихотомическая переменная, 0 или 1, где 0 — женский пол, 1 — мужской пол.
<i>hours_played</i>	Интервальная переменная, от 0 до 250. Показывает число часов, проведенных в играх за последние две недели.
<i>money_spend</i>	Категориальная переменная, 0–5, отражает количество денег, потраченных на видеоигры за последние шесть месяцев. Большим значениям соответствуют большие траты денег.
<i>edu</i>	Категориальная переменная, 0–6, показывает последнюю завершённую степень образования.
<i>income</i>	Категориальная переменная, 0–4, отражает материальное положение респондента или его/ее семьи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чупров Егор Александрович — аспирант Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (921) 758-43-12. **Электронная почта:** eachuprov@hse.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1. P. 106–122. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.6

Research Article

EGOR A. CHUPROV¹

¹ HSE University.

11, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

**SOCIAL MOTIVES FOR VIDEO GAME CONSUMPTION
AND CHOICE OF BEHAVIOR STRATEGY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT**

Abstract. The article reports on a quantitative online study exploring how play motives shape gamers' behavioral strategies. The empirical foundation is an open online survey of 2,561 subscribers of a major Russian gaming YouTube channel (92% male; median age 24). Factor analysis extracted four motivational factors — Teamwork, Escapism, Creativity and Competition — while cluster analysis identified four player types: Escapists, Competitors, Creators and Casuals. To visualize strategies, an adapted Bartle-Radoff model was employed, with the axes “orientation toward others – avoidance” and “quantitative – qualitative reward”. Most respondents prefer single-player strategies focused on measurable results; nevertheless, Competitors frequently adopt an escapist strategy. Multiple regression ($R^2 = 0.24$) shows that a stronger Competition factor increases social orientation, whereas Escapism and Creativity reinforce a tendency toward solitary play. Among socially motivated gamers, escapism is latently linked to a desire for quantitative recognition. Overall, social motivation can manifest itself in both single-player and multiplayer games; in-game mechanics and personal goals, rather than genre, play the decisive role.

Keywords: video games; computer games; gamers; player types; game motives; gameplay strategies.

For citation: Chuprov, E.A. Social Motives for Video Games Consumption and Choice of Behavior Strategy in the Digital Environment. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 106–122. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.6](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.6)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor A. Chuprov — Postgraduate Student, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University.
Phone: +7 (921) 758-43-12. **Email:** eachuprov@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сильвестр Т. Геймдизайн. Рецепты успеха лучших компьютерных игр от Super Mario и Doom до Assassin's Creed и дальше / [Пер. с англ. М. Панина, А. Поповой]. СПб.: Питер, 2020. — 448 с.
Sylvester T. *Game Design: The Successful Recipes of the Best Computer Games, from Super Mario and Doom to Assassin's Creed and Beyond*. Transl. from Eng. by M. Panin, A. Popova. Saint Petersburg: Piter publ., 2020. 448 p. (In Russ.)
2. Anto A., Basu A., Selim R., Foscht T., Eisingerich A.B. Open-world games' affordance of cognitive escapism, relaxation, and mental well-being among postgraduate students: Mixed-methods study. *Journal of Medical Internet Research*. 2024. No. 26. P. e63760. DOI: [10.2196/63760](https://doi.org/10.2196/63760)
3. Bartle R. Hearts, Clubs, Diamonds, Spades: Players who Suit MUDs. *Journal of MUD Research*. 1996. Vol. 1. Iss. 1. P. 19. URL: <https://mud.co.uk/richard/hcds.htm>
4. Bethlehem J. Selection Bias in Web Surveys. *International Statistical Review*. 2010. Vol. 78 (2). P. 161–188. DOI: [10.1111/j.1751-5823.2010.00112.x](https://doi.org/10.1111/j.1751-5823.2010.00112.x)
5. Brock T. Videogame consumption: The apophatic dimension. *Journal of Consumer Culture*. 2017. Vol. 17 (2). P. 167–183. DOI: [10.1177/1469540516684185](https://doi.org/10.1177/1469540516684185)
6. Castronova E. *Synthetic Worlds: The Business and Culture of Online Games*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 332 p. DOI: [10.7208/chicago/9780226096315.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226096315.001.0001)
7. Cerulo K.A. Nonhumans in Social Interaction. *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35 (1). P. 531–552. DOI: [10.1146/annurev-soc-070308-120008](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-120008)
8. Chee F. Understanding Korean experiences of online game hype, identity, and the menace of the “Wang-tta”. DiGRA 2005: Changing Views: Worlds in Play, 2005 International Conference. 2005, May 30. SFU. Simon Fraser University. [Summit Research Repository](https://summit.sfu.ca/item/107851). DOI: [10.26503/dl.v2005i1.211](https://doi.org/10.26503/dl.v2005i1.211)
9. Gonçalves D., Pais P., Gerling K., Guerreiro T., Rodrigues A. *Social gaming: A systematic review*. *Computers in Human Behavior*. 2023. No. 147. Article 107851. DOI: [10.1016/j.chb.2023.107851](https://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107851)
10. Hamari J., Keronen L. Why do people play games? A meta-analysis. *International Journal of Information Management*. 2017. Vol. 37 (3). P. 125–141. DOI: [10.1016/j.ijinfomgt.2017.01.006](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.01.006)
11. Hamari J., Tuunainen J. Player Types: A Meta-synthesis. *Transactions of the Digital Games Research Association*. 2014. Vol. 1 (2). P. 29–53. DOI: [10.26503/todigra.v1i2.13](https://doi.org/10.26503/todigra.v1i2.13)
12. Hampton K.N. Studying the Digital: Directions and Challenges for Digital Methods. *Annual Review of Sociology*. 2017. Vol. 43 (1). P. 167–188. DOI: [10.1146/annurev-soc-060116-053505](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053505)
13. Himanen P. *The Hacker Ethic, and the spirit of the information age*. N.Y.: Random House, 2010. 272 p.
14. Kirschner P., Karpinski A. Facebook (R) and academic performance. *Computers in Human Behavior*. 2010. No. 26. P. 1237–1245. DOI: [10.1016/j.chb.2010.03.024](https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.03.024)

15. Latour B. *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p. DOI: [10.1093/oso/9780199256044.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780199256044.001.0001)
16. Lehdonvirta V. Virtual item sales as a revenue model: Identifying attributes that drive purchase decisions. *Electronic Commerce Research*. 2009. Vol. 9 (1–2). P. 97–113. DOI: [10.1007/s10660-009-9028-2](https://doi.org/10.1007/s10660-009-9028-2)
17. Lehdonvirta V. Virtual Worlds Don't Exist: Questioning the Dichotomous Approach in MMO Studies. *Game Studies*. 2010. Vol. 10. No. 1. Accessed 08.06.2025. URL: <https://gamestudies.org/1001/articles/lehdonvirta>
18. Molesworth M., Watkins R.D. Adult videogame consumption as individualised, episodic progress. *Journal of Consumer Culture*. 2016. Vol. 16 (2). P. 510–530. DOI: [10.1177/1469540514528195](https://doi.org/10.1177/1469540514528195)
19. Przybylski A., Rigby C.S., Ryan R.M. A motivational model of video game engagement. *Review of General Psychology*. 2010. Vol. 14 (2). P. 154–166. DOI: [10.1037/a0019440](https://doi.org/10.1037/a0019440)
20. Puschmann C., Ausserhofer J. Social Data APIs: Origin, Types, Issues. *The Datafied Society*. Ed. by M.T. Schäfer, K. van Es. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. P. 147–154. DOI: [10.1515/9789048531011-013](https://doi.org/10.1515/9789048531011-013)
21. Richard G.T. Designing for the Audience: Past Practices and Inclusive Considerations. *Learning, Education and Games. Volume One: Curricular and Design Considerations*. Pittsburgh: ETC Press, 2014. P. 199–223.
22. Ryan R.M., Rigby C.S., Przybylski A. The motivational pull of video games: A self-determination theory approach. *Motivation and Emotion*. 2006. Vol. 30 (4). P. 344–360. DOI: [10.1007/s11031-006-9051-8](https://doi.org/10.1007/s11031-006-9051-8)
23. Sharp S. For a Social Psychology of Prayer: Social Psychology of Prayer. *Sociology Compass*. 2012. Vol. 6 (7). P. 570–580. DOI: [10.1111/j.1751-9020.2012.00476.x](https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2012.00476.x)
24. Simmons A.D., Bobo L.D. Can Non-full-probability Internet Surveys Yield Useful Data? A Comparison with Full-probability Face-to-face Surveys in the Domain of Race and Social Inequality Attitudes. *Sociological Methodology*. 2015. Vol. 45 (1). P. 357–387. DOI: [10.1177/0081175015570096](https://doi.org/10.1177/0081175015570096)
25. Baker R., Brick J.M., Bates N.A., Battaglia M., Couper M.P., Dever J., Gile K.J., Tourangea R. Summary report of the AAPOR Task Force on Non-probability Sampling. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2013. No. 1 (2). P. 90–143. DOI: <https://doi.org/10.1093/jssam/smt008>
26. Tseng F.-C. Segmenting online gamers by motivation. *Expert Systems with Applications*. 2011. Vol. 38 (6). P. 7693–7697. DOI: [10.1016/j.eswa.2010.12.142](https://doi.org/10.1016/j.eswa.2010.12.142)
27. Yang Z., Wang Y. Why do people buy virtual items in virtual worlds? An empirical test of a research model. *Computers in Human Behavior*. 2015. No. 40. P. 13–21. DOI: [10.1016/j.chb.2014.07.046](https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.07.046)
28. Yeager D.S., Krosnick J.A., Chang L., Javitz H.S., Levendusky M.S., Simpser A., Wang R. Comparing the Accuracy of RDD Telephone Surveys and Internet Surveys Conducted with Probability and Non-Probability Samples. *Public Opinion Quarterly*. 2011. Vol. 75 (4). P. 709–747. DOI: [10.1093/poq/nfr020](https://doi.org/10.1093/poq/nfr020)
29. Yee N. Motivations for Play in Online Games. *CyberPsychology & Behavior*. 2006. Vol. 9 (6). P. 772–775. DOI: [10.1089/cpb.2006.9.772](https://doi.org/10.1089/cpb.2006.9.772)

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025; поступила после рецензирования и доработки: 25.11.2025; принята к публикации: 15.01.2026.

Received: 09.06.2025; revised after review: 25.11.2025; accepted for publication: 15.01.2026.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.7

EDN: NOIXGN

ЧЕРВЯКОВА А.А.¹, МАКАРЕНЦЕВА А.О.², БИРЮКОВА С.С.¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
109074, Москва, Славянская пл., д. 4/2.

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС).
119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11.

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БИОГРАФИИ РОССИЯНОК 1995–1996 Г.Р.: ФАКТОРЫ И СЛЕДСТВИЯ¹

Аннотация. В число новейших мер российской семейно-демографической политики входит поддержка женщин, родивших ребенка в период получения профессионального образования. Это вызвано, с одной стороны, обеспокоенностью властей феноменом откладывания материнства, а с другой — стремлением сократить риски экономической уязвимости для этой группы женщин с детьми. В настоящей работе рассматривается, какие социальные факторы стоят за вступлением в материнство в возрасте наивысшей образовательной активности. Авторы также стараются ответить на вопрос, нарушает ли рождение ребенка дальнейшую образовательную траекторию женщины, рассматривая получение профессионального образования и рождение детей как значимые события в рамках концепции жизненного пути. Эмпирической базой исследования выступают данные десяти ежегодных волн когортного обследования НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии» (2011–2021 гг.). В анализ включены женщины 1995–1996 гг. рождения, принимавшие участие во всех волнах, размер подвыборки составил 992 респондентки. Были построены их образовательные и репродуктивные траектории в период до 26 лет. Результаты анализа последовательности наступления событий (секвенциального анализа) и регрессионного анализа показали, что дифференциация между группами респонденток «раннее рождение» — «отсутствие раннего рождения» имеет более явный социальный градиент, чем дифференциация внутри группы «родившие ребенка до 26 лет». В работе показано, что происходит селекция в число становящихся матерями раньше, чем это характерно в среднем для населения, которая определяется местом проживания, человеческим капиталом родительской семьи,

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

образовательными ориентациями и жизненными планами, декларируемыми еще до возраста начала профессионального образования. При этом рождение ребенка в период получения профессионального образования, если материнство планировалось, преимущественно не нарушает образовательную траекторию молодой женщины и не приводит к незавершенному обучению.

Ключевые слова: жизненный путь; выборочное обследование населения; панельные исследования; анализ последовательностей наступления событий; секвенциальный анализ; жизненные траектории; образовательные траектории; рождаемость; демографическая политика.

Для цитирования: Червякова А.А., Макаренцева А.О., Бирюкова С.С. Рождение ребенка в возрасте получения профессионального образования в биографии россиянок 1995–1996 г.р.: факторы и следствия // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 123–141. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.7 EDN: NOIXGN

Введение

Интерес к молодым матерям, родившим первенца во время получения профессионального образования, определяется актуальными задачами национальной семейной политики и решениями, которые принимаются в этой сфере. В настоящее время Россия входит в широкий круг развитых стран с низкой рождаемостью. В стране проводится активная политика поддержки рождаемости на протяжении почти 20 лет, и в последние годы чаще звучат и отчасти реализуются инициативы поддержки молодых семей. К ним, в частности, относятся и дополнительные выплаты женщинам, родившим ребенка в период получения профессионального образования. Таковые внедряются на федеральном уровне², а некоторые регионы дополняют их собственными аналогичными инициативами (Челябинская, Орловская, Магаданская области и др.). Подобные меры призваны поддержать молодых матерей и противостоять откладыванию материнства, поскольку оно рассматривается властями в качестве фактора, негативно влияющего на итоговое число детей, рожденных к концу репродуктивного периода в жизни женщины.

Такие вопросы, как взаимосвязь возраста наступления и очередности дебютных событий (завершения первого образования, первого партнерства или брака, рождения первого ребенка и др.) на жизненном пути, их влияние на дальнейшую жизненную траекторию и, в частности, оценка связи между возрастом рождения первого ребенка и итоговым количеством детей, давно находятся в центре внимания социологов и демографов. На микроуровне результаты исследований неоднозначны, поздний старт материнства не всегда приводит к снижению итогового числа рожденных детей, хотя корреляция между этими индикаторами прослеживается в большинстве стран [1; 3–5; 7]. На макроуровне накоплено множество свидетельств в пользу того, что компенсация отложенных рождений не является полной для большинства когорт и стран, и итоговая рождаемость отрицательно связана с возрастом вступления в материнство [6; 11]. Э. Божуан с соавторами

² См.: Минтруд России. Размер пособия по беременности и родам для студенток и аспиранток поднимут до величины регионального прожиточного минимума. 2025. — URL: <https://mintrud.gov.ru/social/family/336> (дата обращения: 20.10.2025).

пришли к этому выводу, оценив снижение рождаемости в возрастах до 25 лет и ее рост после этого возраста в когортах 1940–1949 и 1960–1969 гг. рождения для ряда западных стран. Они отмечают, что связь между этими параметрами — сокращением рождаемости в молодых возрастах и итоговой рождаемостью когорты — может быть опосредована фактором массового изменения репродуктивных установок (желаемого числа детей); другим значимым фактором становится снижение биологического потенциала рождаемости с возрастом [18].

Поддержка родительства в молодых возрастах, которое неизбежно затрагивает период получения профессионального образования, гипотетически усиливает конкуренцию этих сфер жизни. Однако одновременно государство заинтересовано в повышении уровня и качества образования населения, наращивании человеческого капитала. Вступают ли эти государственные задачи в противоречие? Наше исследование посвящено тому, какие факторы влияют на материнство в молодом возрасте и существует ли отрицательная связь между такой биографической траекторией и установками на высшее образование. Также мы постараемся ответить на вопрос, нарушает ли рождение ребенка в возрасте пика образовательной активности дальнейшую образовательную траекторию женщины.

Конкуренция образовательных и репродуктивных выборов: краткий обзор литературы

Аналитической рамкой работы выступает концепция жизненного пути [10], которая дала возможность исследовать взаимосвязанные траектории разных сфер жизни. Достигнутый уровень образования является фактором, изменяющимся во времени прежде всего в тот период, когда у молодых людей растет вероятность рождения первого ребенка, поскольку именно в ранних репродуктивных возрастах современная молодежь проходит профессиональное обучение и принимает решение о его длительности и формате [13]. Как правило, пребывание в процессе обучения имеет отсроченное влияние на вступление в родительство [16]. Современная конвенциональная «норма последовательности событий» предполагает, что создание семьи и родительство следуют за завершением получения основного профессионального образования [15].

Вместе с тем, по статистике, во всех странах мира и в самых разных обществах немалая часть рождений происходят в молодых возрастах и, в частности, во время получения образования. На данных длительного когортного исследования по Норвегии Дж. Коэн и соавторы показали, что женщины, рано родившие одного ребенка или более, с большей вероятностью бросят или не начнут длительное обучение и никогда не достигнут высокого уровня образования [9]. Но авторы указывают, что им не удалось учесть в своих оценках другие факторы, которые могли повлиять как на рождаемость, так и на образование. Однако, согласно лонгитюдным исследованиям, раннее родительство оказывает незначительное долгосрочное воздействие на положение женщин и их детей по сравнению с матерями, родившими позднее, и их детьми, если эти две группы совпадают по другим параметрам [12].

В целом исследования влияния раннего деторождения на социально-экономическое положение женщин на разных этапах жизненного пути имеют долгую историю, однако их результаты и интерпретация менялись с течением времени. Так, от преобладающего вывода о негативных последствиях исследователи сместились в сторону утверждений о существовании изначальных различий между выборками женщин, отложивших вступление в материнство, и тех, кто родил ребенка рано [14]. Ассоциированное с рождением ребенка выбытие из числа окончивших вуз или другое учреждение профессионального образования наблюдается в основном среди женщин из сравнительно неблагополучных социальных слоев и с низкой успеваемостью [8]. Большое значение имеют возрастной профиль рождаемости в конкретный исторический период и его трансформация: когда траектория раннего материнства стала менее распространена, «отбор» в эту подвыборку увеличился. Работа С. Хофферта и соавторов [14] фокусируется на подростковых деторождениях (до 19 лет включительно), однако авторы приводят оценки по нескольким возрастным группам и когортам, что представляет интерес в контексте нашего исследования. Так, девушки из когорты начала 1990-х гг. рождения, вступившие в материнство в возрасте 20–24 лет, имеют предсказанную длительность обучения 13 лет, тогда как родившие в 25–29 лет — 14,3 года. Также для девушек из первой группы ниже оценивается вероятность окончания колледжа.

При этом в ряде исследований подтверждается селекция в раннее материнство, одновременно объясняющая и селекцию по образованию. Особенно ценны лонгитюдные исследования, позволяющие оценивать причинно-следственные связи. Важным примером здесь оказывается работа К. Стэнжа, в ней на основе панельных данных продемонстрировано, что скорость набора «зачетных единиц» в колледже женщинами, которые не планировали иметь ребенка в период наблюдения, была изначально выше, чем у тех, кто хотел родить в течение восьми лет после окончания школы [17].

Основываясь на описанных выше закономерностях, в рамках своей работы мы предполагаем, что в российском контексте также может проявиться селекция, которая объяснит основную часть вариации в образовательных и репродуктивных траекториях и покажет отсутствие отрицательной связи между ними. При этом мы предполагаем, что при контроле на параметры, обеспечивающие такую селекцию, социально-экономические последствия ранних рождений детей окажутся невелики или даже незначимы.

Методология и эмпирическая база исследования

Для решения поставленных задач использованы данные десяти волн когортного лонгитюдного обследования НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии» (далее — ТрОП³). Панельные данные позволяют точнее проследить взаимосвязь между различными событиями и изменениями в жизни респондентов и говорить о причинной, а не о корреляционной связи между ними. Несмотря на

³ Обследование ТрОП проходит в 42 субъектах Российской Федерации и является репрезентативным на национальном уровне. Ссылка на официальный сайт обследования: URL: <https://trop.hse.ru/> (дата обращения 02.02.2026).

то что обследование ТрОП сфокусировано на образовательных и трудовых траекториях и не содержит некоторых важных для анализа репродуктивного поведения характеристик респондентов, его дизайн предоставляет редкие для российских исследователей возможности анализа фактической рождаемости.

В первой волне ТрОП в 2011 г. приняли участие школьники 9-х классов в возрасте 15–16 лет. Ежегодный объем выборок варьирует от 3377 до 4239 человек. В рассмотрение включены данные первых десяти волн (2011–2021 гг.), то есть на момент завершения наблюдения респондентам было 25–26 лет. Панельная выборка сбалансирована и состоит из респондентов, принимавших участие во всех волнах; в анализ включены только респонденты женского пола ($N = 992$ человека).

Поколение 1995–1996 гг. рождения, которое попало в обследование ТрОП, является одним из наиболее малочисленных в современной истории России, в связи с этим его представители взросли в условиях низкой конкуренции в сфере образования и на рынке труда. Эта ситуация, а также родительские установки оказали влияние на формирование выраженной ориентации на получение высшего образования и высокой доли получивших его в когорте. При этом в когорте женщин 1995 г. рождения к 25 годам только около 35% имели первого ребенка (для сравнения: в когорте 1985 г. рождения таковых было 40%⁴). К среднему возрасту завершения образования (23 года) ребенка имели менее 20%. Это уже свидетельствует в пользу довольно высокой селективности — характеристики девушек, вступивших в материнство в этом возрасте, могут значительно отличаться от характеристик остальных.

Анализ в данном исследовании фокусировался на последовательности наступления событий. Были построены два вида траекторий респонденток: *образовательные*, начиная от учебы в школе и далее — к учебе в вузе (1), к учебе в другом учреждении (2), к прекращению обучения (3); а также *репродуктивные*. Последние построены на основе прямого вопроса о наличии детей, который задавался с четвертой по десятую волну обследования, с учетом года рождения ребенка, который был зафиксирован в десятой волне. В то время как образовательные статусы могут меняться в любых комбинациях, в отношении репродуктивных траекторий возможен только переход от статуса «бездетная» к статусу «имеющая ребенка».

Характеристики и образовательные траектории молодых матерей

На основе образовательных и репродуктивных статусов респонденток в четвертой — десятой волне ТрОП были выделены четыре группы девушек: 1) не родившие ребенка в период наблюдения; 2) родившие в период наблюдения, но после завершения обучения; 3) родившие в период обучения, то есть учившиеся в год рождения ребенка и/или год спустя; 4) родившие до или вместо получения послешкольного образования. Большинство респонденток (737 человек, или 74,3% всей выборки) не родили ребенка к концу исследуемого периода. Вторая по наполненности группа — родившие первенца после завершения обучения (141 человек, или 14,2%

⁴ Источник: The Human Fertility Database (до 2018 г.), расчеты на данных Росстата (после 2019 г.).

общей выборки). Менее 9% респонденток (83 человека) родили ребенка в период получения образования. Наконец, самая малочисленная группа — родившие ребенка до или вместо получения образования (31 человек, или 3,1% всей выборки).

Рассмотрим социально-демографические характеристики всех респонденток, родивших ребенка в период наблюдения, то есть до 26 лет. Их возраст вступления в материнство можно назвать ранним, так как он ниже среднего по России в настоящее время (в 2024 г. — это 26,1 года в условных поколениях). Траектории раннего материнства в большей степени характерны для девушек, которые проживали в небольших населенных пунктах (село, ПГТ), когда учились в школе. Более трети молодых матерей (34,1%) проживали в населенных пунктах с численностью населения менее 15 тыс. человек. Особенно высока доля проживающих в таких населенных пунктах среди родивших до или вместо получения профессионального образования (почти 55%). Среди родивших во время обучения таких было почти 35%, а среди родивших после завершения образования — 29,1%. Для сравнения: среди не родивших к 25–26 годам девушек почти 30% проживали в крупных городах (500 тыс. человек и более) и еще 25% — в городах с населением 100–500 тыс. человек (рис. 1).

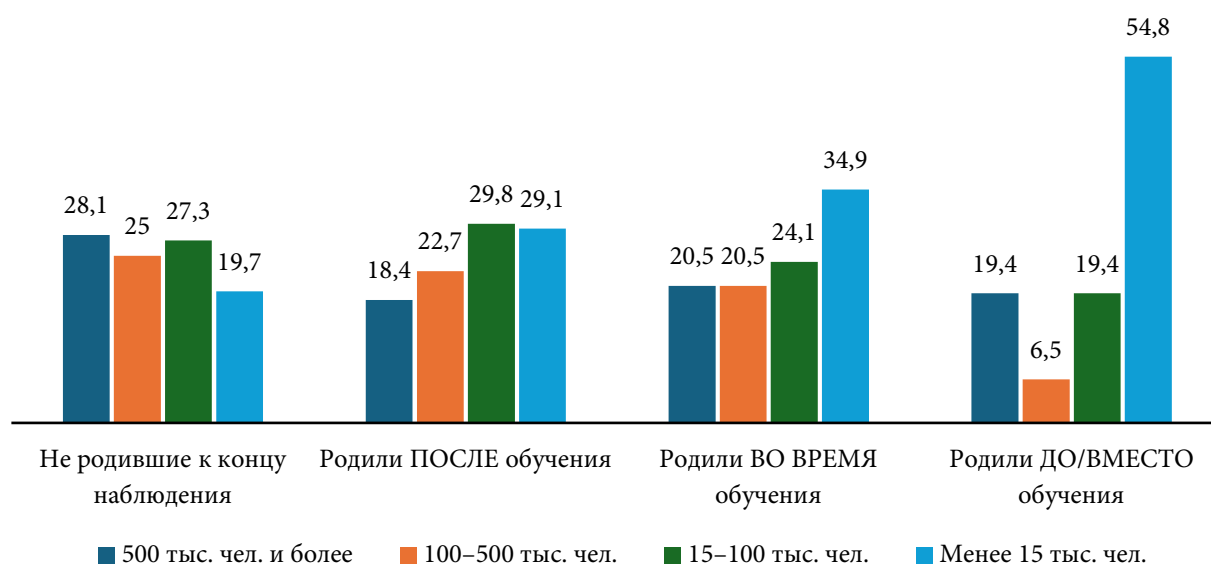

Рис. 1. Распределение девушек, родивших и не родивших до 25–26 лет, по размеру населенного пункта на момент обучения в 9-м классе школы, %

Источник: Рассчитано авторами на данных обследования ТрОП НИУ ВШЭ.

Две трети девушек, ставших матерями в исследуемый период, заканчивали обычные средние школы: среди родивших во время получения профессионального образования таких 65,1%, среди родивших после завершения обучения — 66,7%, а среди родивших вместо получения образования — почти 75%. Для сравнения: среди девушек, не родивших в исследуемый период, лишь половина (50,9%) заканчивали обычные средние школы, более четверти (28,1%) — гимназии и 21% — общеобразовательные школы с углубленным изучением отдельных предметов.

Девушки, вступившие в раннее материнство, особенно родившие вместо получения профессионального образования, показывали более низкую успеваемость в 9-м классе школы по сравнению с девушками, не родившими в исследуе-

мый период. Средний балл по восьми школьным предметам, измеренный в первой волне, для будущих молодых матерей составил 3,8, тогда как для не родивших к 25–26 годам девушек средняя оценка в 9-м классе была выше 4,1. Наиболее низкие оценки в школе имели девушки, в дальнейшем родившие вместо получения образования: их средний балл был ниже 3,5. Для родивших после обучения средняя оценка в 9-м классе составила 4 балла.

Различается и социально-экономический статус родительских семей, измеренный по уровню образования матерей девушек, вступивших и не вступивших в раннее материнство. Почти три четверти (74,2%) матерей респонденток, родивших до или вместо получения профессионального образования, имели только среднее общее образование (рис. 2). В двух других группах девушек (родивших во время обучения или после него) лишь у каждой третьей мать не имела среднего профессионального образования. По сравнению с родившими после завершения профессионального образования в группе родивших во время обучения выше доля тех, чьи матери имели высшее образование (20,6% против 31,3% соответственно). Добавим, что наибольшая доля матерей с высшим образованием (44%) характерна для девушек, не родивших в период наблюдения, то есть не вступивших в раннее материнство (рис. 2). Таким образом, траектории раннего материнства, особенно вместо получения профессионального образования, более характерны для девушек, чьи матери имели невысокий уровень образования.

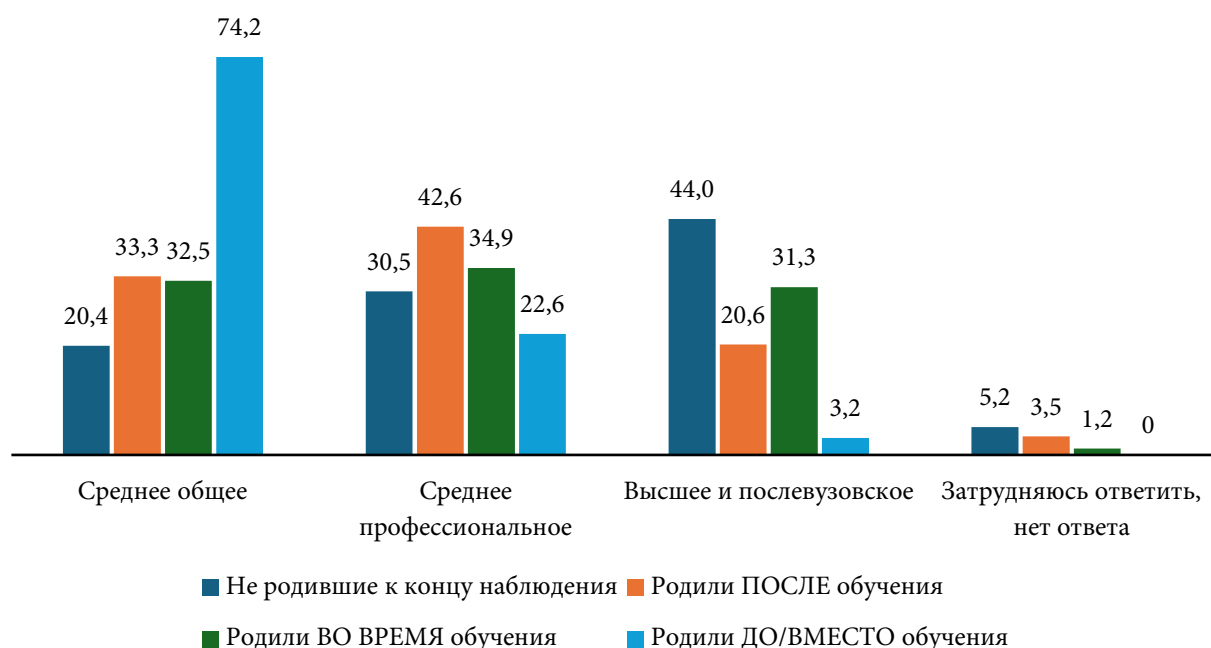

Рис. 2. Распределение матерей девушек, родивших и не родивших до 25–26 лет, по уровню образования, %

Источник: Рассчитано авторами на данных обследования ТрОП НИУ ВШЭ.

В четвертой волне ТрОП девушкам в возрасте 19–20 лет был задан вопрос о планах на ближайшие 10 лет. Показательно, что большинство респонденток среди таких планов отметили как получение высшего образования, так и рождение ребенка (63,5% и 68% среди родивших и не родивших до 25–26 лет соответственно). И лишь среди тех, кто в период наблюдения родил ребенка, не получая

профессионального образования, почти две трети (64,5%) указали планы стать матерями без получения высшего образования. Для сравнения: в двух других группах девушек, вступивших в раннее материнство (родивших во время обучения или после него), лишь каждая пятая и каждая шестая соответственно планировали родить ребенка, но не планировали получать высшее образование. В группе девушек, не вступивших в раннее материнство, доля планировавших стать матерью без получения высшего образования еще ниже — 10,2%.

Еще один вопрос о планах включал оценку готовности к переезду ради более интересной или выгодной работы, успеха в карьере или в другой сфере жизни. Также измеренная в четвертой волне, то есть в 19–20-летнем возрасте респонденток, она показала, что девушки, родившие во время обучения либо вместо него, в меньшей степени готовы к переезду даже внутри региона проживания. Для сравнения: к переезду в другую страну были готовы 28% девушек, не родивших в исследуемый период, и 18% родивших после завершения образования, а в другой регион — каждая третья девушка в этих двух группах (рис. 3).

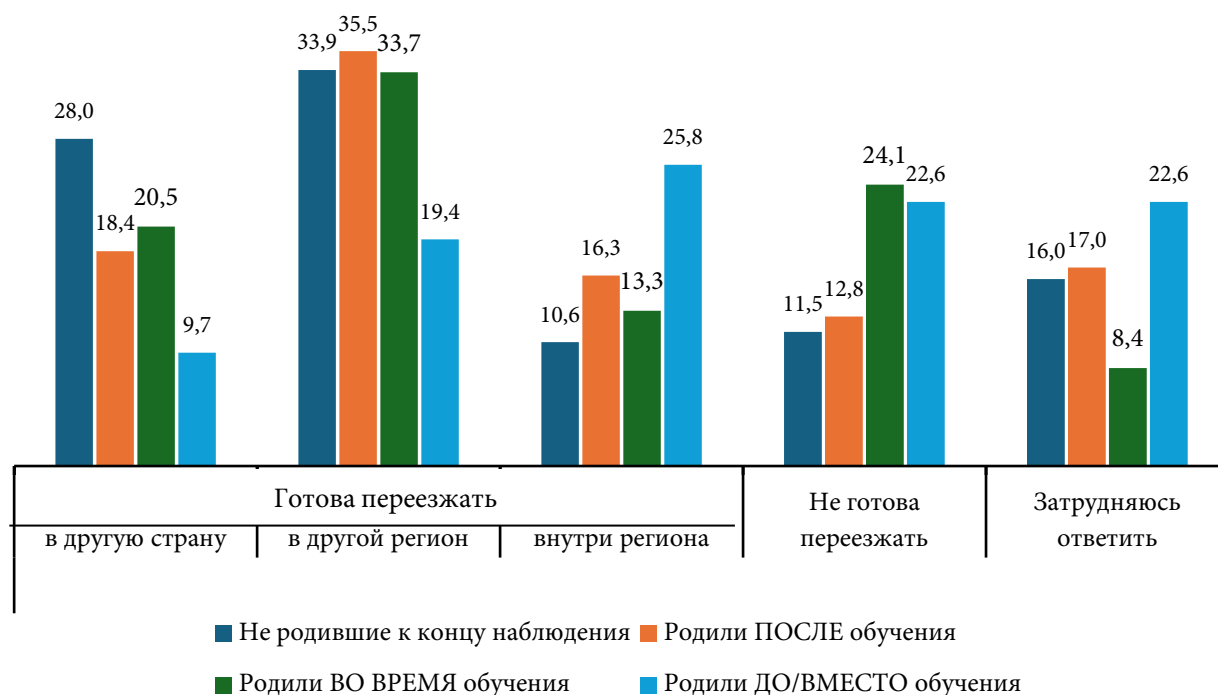

Рис. 3. Распределение девушек, родивших и не родивших до 25–26 лет, по готовности к переезду (вопрос задавался в возрасте 19–20 лет), %

Источник: Рассчитано авторами на данных обследования ТрОП НИУ ВШЭ.

Кроме планов самих респонденток, в первой волне ТрОП (то есть на момент обучения девушек в 9-м классе) их родителям был задан вопрос о желаемом уровне образования для своего ребенка. Большинство родителей в качестве такового отмечали высшее образование или два высших, ученую степень (84,4% среди девушек, не вступивших в раннее материнство, 78% и 75,9% среди девушек, родивших после и во время получения профессионального образования соответственно). В группе родивших вместо обучения лишь 29% родителей указали высшее или послевузовское образование, а самым распространенным ответом стало среднее профессиональное образование (45,2%).

Из дескриптивных статистик можно предположить, что группа девушек, родивших первенца до 26 лет, гетерогенна, и часть этой гетерогенности связана с их образовательными траекториями. Рассмотрим последовательности образовательных статусов среди респонденток, родивших ребенка в период наблюдения, для проверки гипотезы, что рождение ребенка меняет образовательную траекторию⁵.

Из приведенных диаграмм с последовательностями наступления событий видно, что образовательные траектории девушек, родивших ребенка в период обучения (рис. 4б), в среднем длиннее, чем у девушек, родивших после обучения (рис. 4а). В первом случае девушки учатся в вузе или где-либо еще в среднем около пяти лет, тогда как во втором — чуть более трех лет⁶. Для сравнения добавим, что девушки, не родившие ребенка к концу периода наблюдения, в среднем учатся 4,2 года. Если выделить длительность получения высшего образования, то девушки, родившие в период обучения, учатся в вузах примерно столько же, сколько девушки, не родившие ребенка, — около 4 лет, что примерно соответствует получению степени бакалавра. Заметно меньше срок обучения в вузах среди девушек, родивших ребенка после обучения, но в период до 26 лет, — всего 2,4 года. Вероятно, эта группа отчасти наполнена теми, кто прекратил обучение в связи с рождением ребенка.

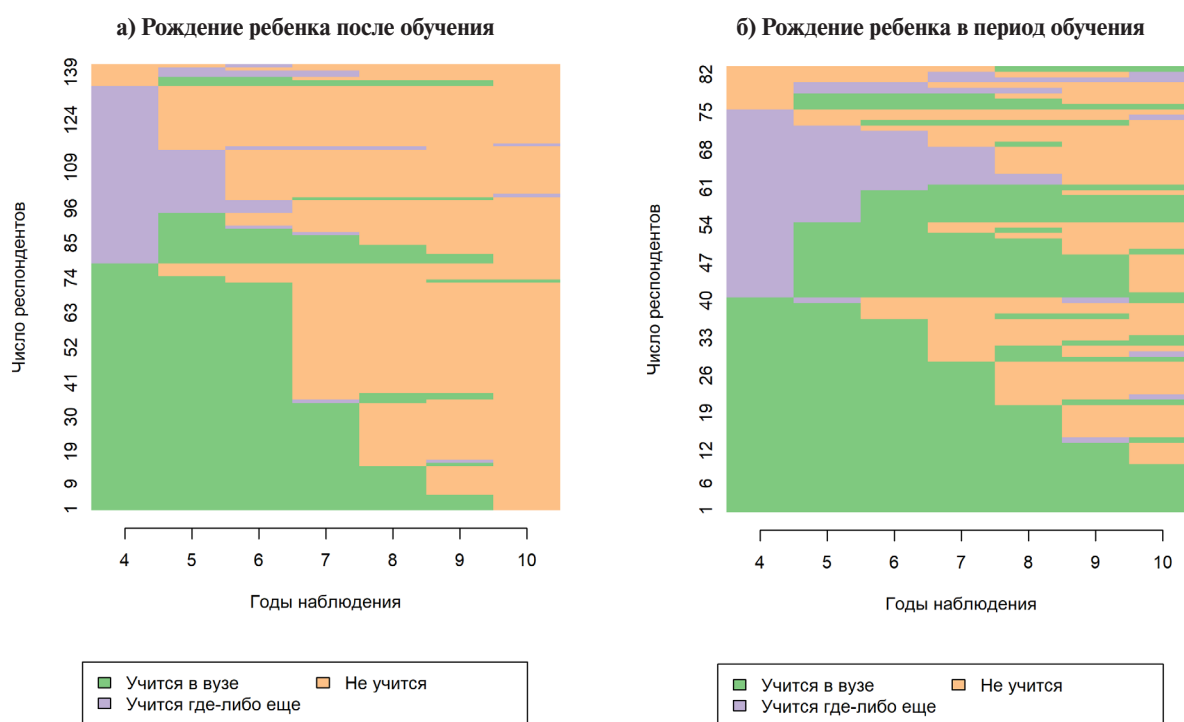

Рис. 4. Женские образовательные траектории

Источник: Рассчитано авторами на данных обследования ТрОП НИУ ВШЭ.

Построено на данных с четвертой по десятую волну. Рождение ребенка во время учебы считается таковым, если респондентка училась в год рождения или спустя год после его рождения.

⁵ Мы считаем основной период получения образования завершенным к 26 годам (десятая волна ТрОП), хотя периоды получения дополнительного образования или переобучения могут возникать и позже.

⁶ Анализ последовательности наступления событий позволяет рассчитать продолжительность нахождения респондента в каждом статусе (в нашем случае: «не учится», «учится в вузе», «учится где-либо еще») и, соответственно, найти средние продолжительности нахождения в этих статусах в каждой группе девушек.

Выделенные группы девушек также отличаются числом переходов между статусами «учится» и «не учится». Почти 90% девушек, родивших после обучения, за обследуемый период изменили свой образовательный статус 1 раз — с «учится» на «не учится». Эта доля даже выше, чем в группе не родивших в период наблюдения. Среди последних примерно каждая девятая (11,1%) не меняла свой образовательный статус, что, вероятно, связано с длинной образовательной траекторией (во все годы наблюдения статус «учится»), и почти каждая десятая (9,1%) изменила свой образовательный статус дважды (например: «учится» — «не учится» — «учится» или «не учится» — «учится» — «не учится»). В группе девушек, родивших во время обучения, лишь немногим больше половины (56,6%) изменили свой образовательный статус единожды за обследуемый период. По сравнению с другими рассмотренными группами родившие в период обучения чаще не меняют свой образовательный статус (20,5%), то есть учатся на протяжении исследуемого периода, а также чаще совершают многократные переходы между статусами «учится» и «не учится» (22,9%), то есть имеют прерывистую образовательную траекторию.

В рассматриваемых группах молодых матерей различен возраст рождения первенца. Среди родивших ребенка вместо обучения каждая четвертая стала матерью к 19 годам, каждая вторая — к 21 году (рис. 5). Несколько ниже доля девушек, ставших матерями в 19–21-летнем возрасте, в группе респонденток, родивших во время обучения. Однако начиная с 22 лет доли родивших первенца становятся приблизительно одинаковыми в двух этих группах и достигают почти 90% или более к 24 годам. В отличие от них, среди девушек, родивших ребенка после обучения, только 15% стали матерями к 22 годам.

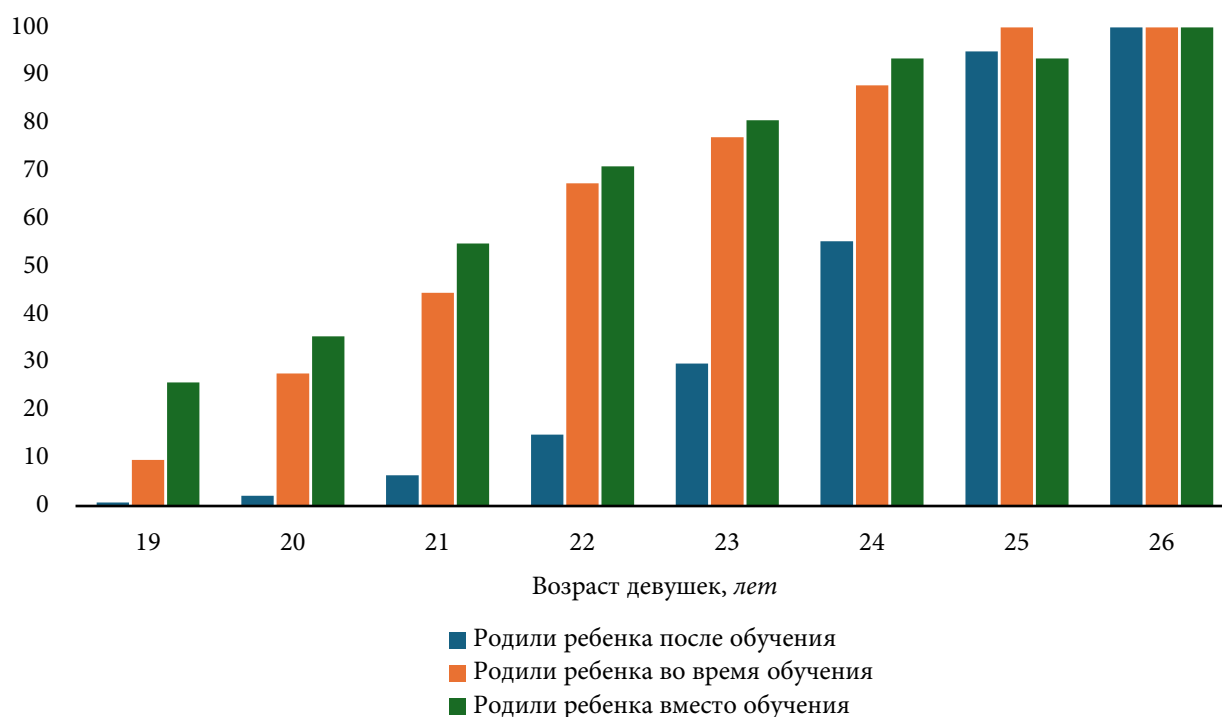

Рис. 5. Доля девушек, родивших первенца к определенному возрасту, % от численности соответствующей группы

Источник: Рассчитано авторами на данных обследования ТрОП НИУ ВШЭ.

Мы не можем достоверно определить брачно-партнерский статус девушек на момент рождения первенца ввиду отсутствия вопроса о незарегистрированных отношениях. Однако можем заключить, что более половины девушек (55,5%) состояли в зарегистрированном браке в год, предшествующий появлению ребенка. При этом в год рождения ребенка доля замужних женщин выросла до 85,5%. Таким образом, не менее половины анализируемых нами ранних рождений происходили в зарегистрированных браках, однако близость этих событий во времени (зачатие и рождение ребенка, заключение брака) не всегда позволяет установить очередность их наступления. В предыдущих исследованиях мы показывали, что добрачные зачатия уже нельзя отождествлять с незапланированными беременностями, а дальнейшая регистрация брака необязательно имеет характер «свадьбы вдогонку» [2]. Современное понимание репродуктивных установок и намерений отходит от дихотомических толкований (запланированная — незапланированная беременность), что оставляет пространство для неопределенных репродуктивных намерений или для реализации противоречивых намерений пары. О том, что незапланированные беременности в возрастной группе 20–24 года уже не являются широко распространенными, можно косвенно судить по данным об абортах. В последний год публикации повозрастной статистики (2015 г.) число аборт на 1000 женщин этого возраста составляло 33, к настоящему времени, исходя из тренда по всем возрастам, оно должно быть в пределах 15–20⁷.

Проведенный анализ последовательностей образовательных статусов девушек показал, что раннее материнство, наступившее не в период обучения, как правило, происходит вместо получения образования. То есть вплоть до окончания наблюдения в 26 лет девушка не включается в образовательную систему. Вместе с тем если девушка родила ребенка во время обучения, то в связи с материнством удлиняется период обучения, вероятно, по причине академических отпусков либо обучения на других ступенях образования, но он не прерывается окончательно.

Описанные выше закономерности позволяют сделать предварительный вывод: россиянки, у которых первый ребенок появился в период до получения профессионального образования или вместо него, значительно отличаются по своим характеристикам от остальных групп, в то время как между родившими в период обучения или вскоре после него различия не так велики.

Факторы выбора траектории с ранним рождением первенца

Рассмотрим, какие факторы определяют выбор девушками траектории с ранним вступлением в материнство. Оценим две эконометрические модели, в основе которых бинарные логистические регрессии. В первой из них зависимой переменной является признак принадлежности к группе молодых матерей (родившие ребенка в период наблюдения, то есть к 26 годам). Переменная принимает значение 1 в случае, если это так, и 0 — в противном. Во второй модели зависимая переменная мультиномиальная, и она принимает три значения: 0 — родившие ре-

⁷ Демографический ежегодник России. 2023: Статистический сборник / Д 31 Росстат. М., 2023. — 256 с.

бенка после получения профессионального образования; 1 — родившие ребенка в период получения профессионального образования; 2 — родившие ребенка и получившие профессиональное образование после рождения или не включившиеся в систему профессионального образования.

Опираясь на существующие эмпирические исследования о выборе образовательных и репродуктивных траекторий молодежи, мы выделили четыре группы переменных, последовательно включаемых в регрессионные модели:

— контрольные переменные: возраст девушек (четвертая волна), размер населенного пункта, в котором учились в школе (первая волна), количество детей в семье по состоянию на первую волну обследования;

— социально-экономический статус (СЭС) семьи: уровень образования матери и отца по состоянию на первую волну обследования, субъективная оценка дохода семьи (четвертая волна);

— характеристики школы и успеваемость девушек: тип школы (гимназия / общеобразовательная школа с углубленным или профильным изучением отдельных предметов / прочие школы), средняя годовая оценка по восьми школьным предметам (измерено в первой волне), средний балл ЕГЭ (измерено в четвертой волне);

— образовательные ожидания родителей в отношении респонденток (измерено в первой волне), планы самих респонденток на ближайшие 10 лет (измерено в четвертой волне), готовность респонденток к переезду ради работы и карьеры (измерено в четвертой волне).

Время замера по некоторым переменным обусловлено композицией самого обследования: многие важные с точки зрения теории и аналогичных эмпирических исследований переменные, такие как характеристики родительской семьи, образовательные ожидания родителей в отношении респонденток, успеваемость в школе, измерены в ТрОП исключительно в первой волне. Переменные из четвертой волны ТрОП включены в связи с тем, что анализ траекторий начинается с четвертой волны, и именно ее мы считаем наиболее оптимальной временной точкой для измерения намерений и планов с точки зрения их влияния на поведение в последующие годы.

Результаты оценки логистической регрессии показывают, что число детей в родительской семье положительно связано с вероятностью рождения первенца в возрасте до 26 лет представительницами когорт середины 1990-х гг. (табл. 1). Повышает шансы стать молодой матерью проживание в небольшом населенном пункте (менее 15 тыс. человек) на момент обучения в школе по сравнению с проживанием в крупнейших городах. Обучение в гимназии (по сравнению с обычной школой), более высокий средний балл по восьми школьным предметам, а также наличие у матери девушки высшего образования понижают шансы раннего рождения первенца. Статистическую значимость проявила переменная жизненных планов, измеренных в четвертой волне опроса. Отсутствие планов на получение высшего образования связано с существенным повышением шансов раннего материнства по сравнению с референтной категорией «получить высшее образование, нет планов родить ребенка». Артикулирование планов одновременно на получение высшего образования и на рождение ребенка тоже повышает шансы попадания в категорию молодых матерей, но отношение шансов при этой категории ниже (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты бинарной логистической регрессии. Зависимая переменная:

0 — не родившие в период наблюдения, 1 — родившие в период наблюдения, $N = 962$

Наименование переменной	Отношение шансов	Стандартная ошибка
Константа	0,071	3,147
Возраст девушки	1,251	0,160
Число детей в родительской семье	1,219	0,087**
Тип населенного пункта (более 500 тыс. человек — референтная категория (реф.))		
100–500 тыс. человек	0,867	0,248
15–100 тыс. человек	1,317	0,231
Менее 15 тыс. человек	1,696	0,249**
Тип школы (обычная школа — реф.)		
Общеобразовательная школа с углубленным изучением профильных предметов	1,117	0,213
Гимназия	0,583	0,235**
Средний балл по восьми школьным предметам	0,473	0,157***
Уровень образования матери (9–11 классов школы или ниже, начальное профессиональное образование — реф.)		
Среднее профессиональное образование	0,841	0,196
Высшее образование, два высших, послевузовское образование	0,440	0,219***
Пропущенные	0,390	0,526*
Желаемый уровень образования ребенка (9–11 классов школы или ниже, начальное профессиональное образование, среднее профессиональное образование — реф.)		
Высшее, два высших, ученая степень	1,038	0,223
Затрудняются с ответом, нет ответа	0,948	0,599
Планы девушки на ближайшие 10 лет (получить высшее образование, отсутствие планов рождения ребенка — реф.)		
Нет планов получения высшего образования	2,359	0,294**
Получить высшее образование и родить ребенка	1,599	0,228**
Готовность переехать в другой город или страну ради работы и карьеры (не готова — реф.)		
Готова к переезду	0,774	0,230
Затрудняются с ответом, нет ответа	0,540	0,294**

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$; AIC = 1001,5; BIC = 1089,1.

Рассмотрим далее, как различаются шансы принадлежать к той или иной образовательно-репродуктивной траектории внутри группы молодых матерей (то есть внутри подгруппы родивших ребенка в период наблюдения, таблица 2). Референтной категорией в данном случае выступают родившие ребенка после за-

вершения профессионального образования. Группа родивших в период получения образования имеет от нее мало отличий, другими словами, небольшое количество факторов показали статистическую значимость. Более высокие баллы по школьным предметам и готовность к переезду ради работы и карьеры отрицательно связаны с вероятностью попадания в категорию родивших ребенка в период обучения. На шансы попадания в категорию «не получала профессиональное образование, родила ребенка» при прочих равных также влияет более низкий средний балл по школьным предметам.

Таблица 2

Результаты мультиномиальной логистической регрессии. Зависимая переменная:

0 — родившие ребенка после получения профессионального образования.

Подвыборка родивших ребенка в период наблюдения (до 26 лет), $N = 245$

Наименование переменной	Отношение шансов	Стандартная ошибка
Группа 1 — родившие ребенка в период получения профессионального образования		
Константа	1146,28	6,35
Возраст девушки	0,87	0,31
Число детей в родительской семье	0,94	0,15
Тип населенного пункта (более 500 тыс. человек — реф.)		
100–500 тыс. человек	0,60	0,50
15–100 тыс. человек	0,62	0,48
Менее 15 тыс. человек	1,42	0,49
Уровень образования матери (9–11 классов школы или ниже, НПО — реф.)		
Среднее профессиональное образование	0,80	0,38
Высшее образование, два высших, послевузовское образование	2,18*	0,44
Тип школы (обычная школа — реф.)		
Общеобразовательная школа с углубленным изучением профильных предметов	1,86	0,42
Гимназия	1,08	0,49
Средний балл по восьми школьным предметам	0,36***	0,33
Планы девушки на ближайшие 10 лет (получить высшее образование и не рожать ребенка — реф.)		
Нет планов получения высшего образования	1,16	0,60
Получить высшее образование и родить ребенка	0,79	0,46
Желаемый уровень образования ребенка (9–11 классов школы или ниже, НПО, СПО — реф.)		
Высшее, два высших, ученая степень	1,10	0,43
Готовность переехать в другой город или страну ради работы и карьеры (не готова — реф.)		
Готова к переезду	0,39**	0,43
Затрудняются с ответом, нет ответа	0,14***	0,62

Продолжение таблицы 2

Наименование переменной	Отношение шансов	Стандартная ошибка
Группа 2 — родившие ребенка и получившие профессиональное образование после рождения или не включившиеся в систему профессионального образования		
Константа	0,01	8,99
Возраст девушки	1,61	0,44
Число детей в родительской семье	1,07	0,27
Тип населенного пункта (более 500 тыс. человек — реф.)		
100–500 тыс. человек	0,10**	1,08
15–100 тыс. человек	0,23*	0,81
Менее 15 тыс. человек	0,69	0,82
Уровень образования матери (9–11 классов школы или ниже, НПО — реф.)		
Среднее профессиональное образование	0,32*	0,65
Высшее образование, два высших, послевузовское образование	0,36	1,16
Тип школы (обычная школа — реф.)		
Общеобразовательная школа с углубленным изучением профильных предметов	2,54	0,73
Гимназия	2,35	0,85
Средний балл по восьми школьным предметам	0,31*	0,62
Планы девушки на ближайшие 10 лет (получить высшее образование и не рожать ребенка — реф.)		
Нет планов получения высшего образования	3,96	0,99
Получить высшее образование и родить ребенка	0,62	0,91
Желаемый уровень образования ребенка (9–11 классов школы или ниже, НПО, СПО — реф.)		
Высшее, два высших, ученая степень	0,25**	0,61
Готовность переехать в другой город или страну ради работы и карьеры (не готова — реф.)		
Готова к переезду	0,59	0,70
Затрудняются с ответом, нет ответа	0,12**	0,93

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$; AIC = 359,0; BIC = 423,0.

Наличие у матери девушки среднего профессионального образования по сравнению с отсутствием послешкольного образования отрицательно связано с шансами попадания в эту категорию. Более высокие шансы оказаться в этой категории у девушек из малых и наиболее крупных населенных пунктов. Если желаемый уровень образования девушки — высшее образование, то шансы попадания в указанную группу оказываются ниже по сравнению с теми, кто называет более низкие желаемые уровни образования.

Заключение

По данным выборочной совокупности, только около 25% девушек имеют первого ребенка к 25–26 годам (и около 35% по генеральной совокупности, исходя из данных статистики). Проведенное моделирование показало, что дифференциация между группами респонденток «раннее рождение» – «отсутствие раннего рождения» имеет более явный социальный градиент, чем дифференциация внутри группы родивших ребенка в период наблюдения (до 26 лет) с разными образовательными траекториями. Этот вывод подтверждает, что планирование образовательной и репродуктивной траекторий в жизни современных молодых россиянок происходит одновременно. Селекция в группу девушек, становящихся матерями раньше, чем это характерно в среднем для населения, в значительной степени происходит до возраста получения профессионального образования. Она определяется факторами родительской семьи, человеческим капиталом этой семьи и самого ребенка. Вместе с тем и за выбором образовательной стратегии, и за демографическим поведением стоит широкий пласт ненаблюдаемых факторов, в том числе ценностных установок и приоритетов, притязаний и личностных характеристик.

Рождение ребенка в период получения высшего образования не оказывает значительного влияния на дальнейшую образовательную траекторию молодой женщины. Другими словами, оно не имеет однозначно негативного влияния на накопление человеческого капитала. Образовательная траектория значимо отличается от остальных только в группе женщин, родивших ребенка не вместе с получением профессионального образования, а вместо него. Именно для них будут выше риски бедности и социальной уязвимости в будущем.

Мы склонны считать эту группу (родивших до или вместо получения профессионального образования) узкой, но устойчивой, не исчезающей. Представительницы этой категории действительно значительно отличаются от респонденток других групп (однако это не всегда маркеры социально-экономического неблагополучия, иногда иные — например, религиозность) и не могут быть нормативным ориентиром для других.

На современном этапе демографической модернизации материальная поддержка матерей, родивших в относительно ранних возрастах и в период получения образования, не станет фактором кардинального изменения в России возрастных границ рождения первого ребенка. Согласно анализу данных ТрОП, группа девушек, родивших первенца до окончания профессионального образования, очень немногочисленная, а их социально-экономические характеристики и ценностные установки заметно отличаются от таковых у других девушек. В то же время со стороны молодых матерей, селекция в которые определяется социальными факторами, эта материальная поддержка будет востребована, в том числе и потому, что их образовательный капитал и, соответственно, потенциальный уровень доходов оказываются ниже, чем в других группах.

Кроме того, в настоящее время в России, особенно в Москве, интенсифицировались усилия по развитию среднего профессионального образования. В первую очередь это связано с потребностями рынка труда. Однако потенциальный рост сегмента среднего профессионального образования и сопутствующее сокращение высшего, как следует из полученных в рамках исследования результатов, мо-

гут оказать некоторое влияние и на рождаемость в возрастах 20–24 года. При этом подчеркнем, что политика поддержки ранней рождаемости должна дополняться мерами по снижению детского неблагополучия и инвестициями в человеческий капитал детей, поскольку выравнивание их «стартовых условий», согласно исследованиям, снижает экономические риски при выборе стратегии более раннего вступления в материнство, а политика поддержки рождаемости в целом должна учитывать разнородность жизненных путей и предпочтений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Червякова Анна Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 (доб. 23138). **Электронная почта:** aermolina@hse.ru

Макаренцева Алла Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «ИНСАП» Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). **Телефон:** +7 (499) 956-93-26. **Электронная почта:** makarentseva-ao@ranepa.ru

Бирюкова Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Центр комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). **Телефон:** +7 (495) 772-95-90 (доб. 23123). **Электронная почта:** sbiryukova@hse.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1. P. 123–141. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.7

Research Article

ANNA A. CHERVIAKOVA¹, ALLA O. MAKARENTSEVA², SVETLANA S. BIRYUKOVA¹

¹ HSE University.

4/2, Slavyanskaya sq., 109074 Moscow, Russian Federation.

² Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPa).

11, Prechistenskaya Emb., 119034, Moscow, Russian Federation.

HAVING A CHILD AT THE AGE OF RECEIVING VOCATIONAL EDUCATION IN THE BIOGRAPHIES OF RUSSIAN WOMEN BORN IN 1995–1996: FACTORS AND CONSEQUENCES

Abstract. Novel measures in Russian family and demographic policy include support for women who have given birth while pursuing vocational education. This is driven by the government’s concerns about the postponement of motherhood, and by a desire to reduce the risks of economic vulnerability for this group of women with children. In this paper we examine the social factors underlying the onset of motherhood at the ages of highest educational activity. We also explore whether childbirth disrupts a woman’s subsequent educational trajectory, considering vocational education and childbirth as significant events within the framework of one’s life path. The empirical basis for the study is data coming from ten waves of the HSE cohort survey “Trajectories in Education and Career” (2011–2021). The analysis includes women born in 1995–1996 who participated in all waves ($N = 992$). Their educational and reproductive trajectories were constructed for the period up to age 26. The results of the event sequence and regression analyses revealed that the differentiation between the life trajectories including and not including childbirth before the age of

26 has a more pronounced social gradient than the differentiation within the group of those who gave birth before the age of 26. The study elicits selection to the group of young women becoming mothers sooner compared to the population average, and this selection is driven by such factors as place of residence, the human capital of the parental family, educational orientations, and life plans declared before the age of vocational education. Additionally the birth of a child during vocational education generally does not disrupt the educational trajectory of a young woman and does not lead to incomplete education.

Keywords: life path; population survey; panel studies; sequence analysis; life trajectories; educational trajectories; fertility; demographic policy.

For citation: Chervyakova, A.A., Makarentseva, A.O., Biryukova, S.S. Having a Child at the Age of Receiving Vocational Education in the Biographies of Russian Women Born in 1995–1996: Factors and Consequences. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 123–141. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.7

Acknowledgments. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Chervyakova — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 (ext. 23138). **Email:** aermolina@hse.ru

Alla O. Makarentseva — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, “Institute of Social Analysis and Forecasting” Center, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA). **Phone:** +7 (499) 956-93-26. **Email:** makarentseva-ao@ranepa.ru

Svetlana S. Biryukova — Candidate of Economic Sciences, Chief Researcher, Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 (ext. 23138). **Email:** sbiryukova@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Андреев Е.М., Чурилова Е.В., Родина О.А., Чертенков К.О. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12. № 2. С. 87–107. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27495 EDN: QRHELS
Andreev E.M., Churilova E.V., Rodina O.A., Chertenkov K.O. Russian fertility in the 21st century and prospects for its increase. *Demograficheskoe obozrenie*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 87–107. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27495 (In Russ.)
2. Бiryukova С.С., Тынди́к А.О. Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 3 (3). С. 32–63.
Biryukova S.B., Tyndik A.O. Registering a marriage and having a child in Russia: an analysis of individual biographies based on vital statistics data. *Demograficheskoe obozrenie*. Vol 1. No. 3 (3). P. 32–63. (In Russ.)
3. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259 EDN: STMVEB
Zaharov S.V. The history of births in Russia: from generation to generation. *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 10. No. 1. P. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259 (In Russ.)
4. Макаренкова А.О. Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182 EDN: PVENWU
Makarentseva A.O. The Dynamics of Motherhood Entry in Modern Russia. *Mir Rossii*. 2022. No. 1. P. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182 (In Russ.)

5. Мохаммед Я.А. Рождаемость, брачный возраст и использование контрацепции в Центральной Азии и Северной Африке: сравнительное исследование // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 55–74. DOI: [10.21064/WinRS.2024.2.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.2.5) EDN: [AGLCUT](https://edn.aglcut.ru)
Mohammed Y.A. Fertility, marriage age, and contraceptive use in central Asia and North Africa: a comparative study. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2024. No. 2. P. 55–74. DOI: [10.21064/WinRS.2024.2.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.2.5) (In Russ.)
6. Beaujouan É., Zeman K., Nathan M. Delayed first births and completed fertility across the 1940–1969 birth cohorts. *Demographic Research*. 2023. Vol. 48. P. 387–420. DOI: [10.4054/DemRes.2023.48.15](https://doi.org/10.4054/DemRes.2023.48.15)
7. Blossfeld H.P., Huinink J. Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affect the process of family formation. *American journal of Sociology*. 1991. Vol. 97. No. 1. P. 143–168. DOI: [10.1086/229743](https://doi.org/10.1086/229743)
8. Brand J.E., Davis D. The impact of college education on fertility: Evidence for heterogeneous effects. *Demography*. 2011. Vol. 48. P. 863–887. DOI: [10.1007/s13524-011-0034-3](https://doi.org/10.1007/s13524-011-0034-3)
9. Cohen J.E., Kravdal Ø., Keilman N. Childbearing impeded education more than education impeded childbearing among Norwegian women. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. Vol. 108. No. 29. P. 11830–11835. DOI: [10.1073/pnas.1107993108](https://doi.org/10.1073/pnas.1107993108)
10. Elder Jr G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory. *Handbook of the life course*. Boston, MA: Springer US, 2003. P. 3–19. DOI: [10.1007/978-0-306-48247-2_1](https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1)
11. Frejka T. Overview Chapter 2: Parity distribution and completed family size in Europe: Incipient decline of the two-child family model? *Demographic research*. 2008. Vol. 19. P. 47–72. DOI: [10.4054/DemRes.2008.19.4](https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.4)
12. Furstenberg F.F. Non-normative life course transitions: reflections on the significance of demographic events on lives. *Advances in Life Course Research*. 2005. Vol. 10. P. 155–172. DOI: [10.1016/S1040-2608\(05\)10005-7](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(05)10005-7)
13. Hoem J. M., Kreyenfeld M. Anticipatory analysis and its alternatives in life-course research. Part 1: The role of education in the study of first childbearing. *Demographic Research*. 2006. Vol. 15. P. 461–484. DOI: [10.4054/DemRes.2006.15.16](https://doi.org/10.4054/DemRes.2006.15.16)
14. Hofferth S.L., Reid L., Mott F.L. The effects of early childbearing on schooling over time. *Family planning perspectives*. 2001. Vol. 33. No. 6. P. 259–267. DOI: [10.2307/3030193](https://doi.org/10.2307/3030193)
15. Huinink J., Kohli M. A life-course approach to fertility. *Demographic research*. 2014. Vol. 30. P. 1293–1326. DOI: [10.4054/DemRes.2014.30.45](https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.45)
16. Marini M.M. Women's educational attainment and the timing of entry into parenthood. *American sociological review*. 1984. Vol. 49 (4). P. 491–511. DOI: [10.2307/2095464](https://doi.org/10.2307/2095464)
17. Stange K. A longitudinal analysis of the relationship between fertility timing and schooling. *Demography*. 2011. Vol. 48. P. 931–956. DOI: [10.1007/s13524-011-0050-3](https://doi.org/10.1007/s13524-011-0050-3)
18. Vasić P.D. Childbirth postponement and age-related infertility in Serbia. *Facta Universitatis-Philosophy, Sociology, Psychology and History*. 2021. Vol. 20. No. 02. P. 97–111. DOI: [10.22190/FUPSPH2102097V](https://doi.org/10.22190/FUPSPH2102097V)

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025; поступила после рецензирования и доработки: 26.01.2026; принята к публикации: 02.02.2026.

Received: 04.12.2025; revised after review: 26.01.2026; accepted for publication: 02.02.2026.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.8
EDN: NULFRY

В.А. МАРТИНОВИЧ¹

¹ Минская духовная академия.

220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Зыбицкая, д. 27.

ГРАНИЦЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ВНИМАНИЯ К РЕЛИГИОЗНОМУ МНОГООБРАЗИЮ: ЗАМЕТНОСТЬ И ЗАМЕЧАЕМОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В предшествующих исследованиях автора были выявлены множества религиозных организаций, действовавших в Республике Беларусь и становившихся объектом общественного внимания. Их сравнение показало, что лишь меньшинство религиозных организаций упоминаются и обсуждаются в общественном дискурсе, а естественным состоянием жизненного цикла большинства конфессий является пребывание вне сферы общественного внимания. Настоящая статья посвящена изучению феноменов заметности и замечаемости религиозных организаций. Заметность полагается как свойство религиозной организации выделяться на фоне конфессионального пространства. Замечаемость представляется способностью населения и социальных институтов интенционально обращать внимание и выделять религиозные организации на фоне конфессиональной структуры общества. Анализируется влияние заметности и замечаемости на деятельность религиозных организаций, перспективы их роста и развития, структуру конфессионального пространства, формирование общественных представлений и иллюзий по теме религии. Особое внимание уделяется разработке алгоритма расчета индекса замечаемости религиозного многообразия — интегрального показателя, отражающего уровень чувствительности общества к многообразию религиозных организаций конкретной страны в заданный период времени. Полученные в рамках исследования социальной идентификации религиозных организаций данные используются для разработки и апробации формул расчета четырех субиндексов, отражающих разные составляющие замечаемости религиозных организаций: а) чувствительность к их количеству; б) частотность их упоминаний; в) рекурсивность внимания к ним; г) чувствительность к различным сегментам конфессионального пространства. Индекс замечаемости религиозного многообразия представляется важным показателем, учет которого необходим при целостном анализе и описании конфессионального пространства.

Ключевые слова: социология религии; заметность; замечаемость религиозных организаций; религиозное многообразие; социальная идентификация; новые религиозные движения.

Для цитирования: Мартинович В.А. Границы общественного внимания к религиозному многообразию: заметность и замечаемость религиозных организаций // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 142–155. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.8 EDN: NULFRY

Введение

В период с 1997 по 2024 г. автором статьи были получены данные по двум множествам религиозных организаций (далее — РО): а) действующих на территории Республики Беларусь (исследование религиозного многообразия, далее — РМ); б) являющихся объектом общественного внимания (исследование социальной идентификации) [1]. Сравнение этих множеств позволило «измерить тишину», то есть квантифицировать масштабы невнимания к фактически действующим РО. Оказалось, что 70,3% от генеральной совокупности РО страны не замечаются представителями всех социальных институтов. Возникли ряд вопросов о природе, последствиях и границах избирательности общественного внимания к РМ — совокупности разных РО, распространенных на заданной территории. Было показано, что границы во внимании к РМ влияют на формирование общественных представлений и иллюзий о религии, генезис которых можно изучить, но устранению они не поддаются [1, с. 504–519]. В то же время границы в восприятии РМ учеными влияют на надежность и обоснованность результатов исследований РО, опирающихся на данные по нерепрезентативным выборкам РО. Эти границы можно изучить и сделать наглядными для учета в дальнейших исследованиях. Предполагается также, что невнимание к РМ имеет целый ряд значимых для РО, конфессионального пространства и самого общества последствий, изучение которых имеет большое значение для развития социологического знания о религии. Для анализа означенной проблематики представляются необходимыми тематизация, концептуализация и систематическое описание феноменов заметности и замечаемости РО. Настоящая статья не претендует на целостный охват данной темы, а является общим введением в заявленную проблематику.

Исследования религиозного многообразия

РМ отражает диапазон вариативности представителей конфессионального пространства, но без учета их филиалов и общин и является показателем степени его дифференциации. Эмпирический анализ РМ в социологии религии развивался в рамках двух самостоятельных направлений. Первое посвящено изучению влияния РМ на население, конфессиональное и социокультурное пространство. Основной вопрос этого направления: является ли РМ маркером дробления и распада религии, падения уровня религиозности населения (теории секуляризации [2]), либо, наоборот, показателем их роста и укрепления (теория религиозной экономики [10]). Некоторые ученые изучали влияние РМ на население без перехода к вопросу о судьбах религии (Ю. Хабермас [3], Д. Келли [5], Р. Вузноу [14]). В рамках этого же направления разрабатывались индексы РМ. Наиболее часто адаптировался индекс Херфиндаля — Хиршмана (С. Либерсон [7],

Б. Варф и П. Винсент [12], К. Ланд, Г. Дин, Ю. Блау [6], А. Алесина [4] и др.). Эти индексы должны были отражать уровень РМ на заданной территории, а также включаться в более масштабные исследования (например, Всемирное исследование ценностей [9]). Вокруг их применения разворачивались пространственные дебаты (например, Д. Воас и др.) [11]. Свой вариант расчета индекса РМ с критикой возможностей применения индекса Херфиндала — Хиршмана предлагался и автором данной статьи [1, с. 423–441].

Второе направление исследований посвящено сбору информации о многообразии РО, действующих на территории разных стран. В его границах создавались реестры, справочники и энциклопедии РО (например, реестр Союза международных организаций [13], энциклопедия Г. Мелтона [8] и др.). Тем не менее ученым ни одной страны не удалось выйти на уровень анализа генеральной совокупности РО, а исследование РМ и сопряженных с ним тем зашло в тупик. Разработки типологий РО, обсуждения динамики религиозности, дискуссии о численности представителей традиционных и нетрадиционных религий развивались на фоне отсутствия эмпирически подтвержденной информации даже относительно основного вектора развития РО: их становится больше или меньше. Неспособность выявить генеральную совокупность РО получила у ряда социологов оригинальное объяснение: РО очень мало и абсолютное большинство из них уже изучено. Таким образом, проблема не в слабости теоретико-методологического аппарата науки, а в самом объекте исследования. Теория секуляризации во множестве ее модификаций представила солидный корпус обоснований тезиса об исчезновении и/или ослаблении религии.

Подход, разработанный и апробированный автором в Республике Беларусь, позволяет выявлять генеральную совокупность РО, то есть фиксировать факт деятельности РО вне зависимости от того, являлись ли они объектом общественного внимания либо о них никто и ничего не сообщал. Было показано, как инструментарий науки позволяет преодолеть барьер полной незамечаемости РО, делая их работу наблюдаемой для ученых, но все еще оставляя РО вне публичного внимания, то есть не вмешиваясь в процесс естественных общественных реакций на РО [1, с. 153–198].

В рамках исследования социальной идентификации было выявлено множество РО, замечаемых и обсуждаемых в общественном дискурсе [1, с. 210–290]. По результатам этих исследований можно утверждать, что естественным состоянием большинства фактически действующих РО является пребывание вне сферы общественного внимания, а большая часть дискуссий о религии протекает без внимания к процессам, происходящим в конфессиональном пространстве. Норма бытования большинства РО предполагает полное невнимание со стороны всех социальных институтов, а социология религии до настоящего времени занималась анализом меньшинства РО, отклоняющихся от данной нормы. Целостное исследование конфессионального пространства предполагает расширение внимания науки и на массив РО, традиционно ускользающих от внимания ученых и всех институтов общества. Подобный поворот предполагает анализ генезиса, масштабов, границ, структуры и функционала данного «пространства тишины».

Заметность и замечаемость религиозных организаций

Невнимание к РО является производной от, во-первых, характеристик самих РО и, во-вторых, от распространенных в социальных институтах практик реакций на РО. Для фиксации этих составляющих предлагается проводить различие между *заметностью* и *замечаемостью религиозной организации*.

Заметность — свойство РО выделяться на фоне конфессиональной среды общества. Совокупность характеристик РО, а также ее практики работы с собственными членами и социальными институтами определяют степень ее заметности, которая может варьироваться в разных средах. Например, менее заметны РО, не побуждающие членов продавать свое имущество, разрывать социальные связи, вмешиваться в политические процессы. Более заметны РО, специализирующиеся на работе с молодежью, использующие разные средства коммуникации для трансляции религиозного контента в массы, замешанные в криминальных действиях. Систематическое описание характеристик и практик РО, влияющих на степень их заметности, требует проведения отдельного исследования. В настоящем важно отметить, что все РО обладают определенной степенью заметности, а ее утрата наступает лишь с их распадом. В процессе развития организации степень ее заметности меняется, причем нередко разнонаправленно: может становиться то больше, то меньше. В разных странах и даже населенных пунктах одного государства РО может иметь разную заметность, использовать разные стратегии адаптации к социокультурной среде. Рост количества членов и филиалов РО в разных населенных пунктах, ее официальная регистрация в качестве РО, а также укрепление ее позиций в общественной системе во всех случаях предполагают набор организационных изменений, включающих как следствие и повышение заметности РО.

Заметность организации, выраженную набором наблюдаемых и измеряемых характеристик и практик, находящихся под ее контролем, необходимо отличать от ее *замечаемости* — способности населения и социальных институтов выделять РО на фоне конфессиональной структуры общества. Необходимо различать два формата замечаемости РО: непубличный и публичный.

Непубличный формат замечаемости является константой жизни всех РО. Люди, вступающие в какую-либо РО, на первом этапе ее замечают, а потом уже определяются с решением о принятии новой веры. Вариативность непубличных реакций на РО включает приобретение материалов организации, регулярные беседы с ее представителями и множество иных действий. РО, заинтересованные в обращении новых членов, повышают степень своей заметности. Однако этот шаг может привести не только к увеличению внимания потенциальных адептов и росту РО (что воспринимается позитивно), но и к привлечению внимания людей, делающих организацию предметом публичных дискуссий (что воспринимается, как правило, негативно). Журналист, ученый или чиновник, обнаруживающие эту же РО и публикующие о ней позитивную, нейтральную или критическую статью, не только сами ее замечают (непубличная замечаемость), но и делают ее предметом публичного обсуждения. В результате организация теряет контроль над информацией, появляющейся о ней в информационном пространстве. Для нее становится важно не только регулировать степень своей заметности с целью увеличения позитивной непубличной замечаемости, но и искать пути для уменьшения неконтролируемого общественного внимания.

Публичная незамечаемость РО в краткосрочной перспективе имеет стабилизирующую функцию. Особенно на ранней стадии развития РО она избавляет от конфликтов, напряжения, негативного общественного внимания. Однако она же ограничивает непубличную замечаемость: усилия, направляемые на уменьшение заметности РО в виде маскировки ее деятельности, приводят и к меньшей замечаемости потенциальными членами. В долгосрочной перспективе сложности с поиском последователей ограничивают масштабы работы РО. Преодоление барьера публичной незамечаемости сопряжено с множеством рисков, но является одним из основных условий роста и развития РО. Организации, успешно преодолевшие этот барьер, становятся объектом периодического общественного внимания и критики, но они всё менее болезненно воспринимают внешние реакции на их деятельность и более открыто рекламируют свою работу. Эта вынужденная реформа приводит к увеличению количества последователей.

Рост количества последователей и общин РО в разной степени увеличивает ее заметность в силу того, что заметность РО зависит не только от размеров и количественных показателей ее состава. РО с сопоставимыми размерами и степенью заметности могут иметь принципиально разный уровень публичной замечаемости. Возможности влияния РО на общественные реакции на их деятельность достаточно ограничены, а характер связи заметности и замечаемости РО еще требует уточнения в рамках самостоятельного исследования¹.

Некоторые РО под влиянием внешних реакций реформируют свое учение и религиозные практики, смягчают, либо полностью убирают наиболее конфликтные составляющие, осваивают новую для себя сферу работы с социальными институтами, выходящую за рамки простой саморекламы.

Все традиционные религии и крупные новые религиозные организации имеют высокий уровень заметности и замечаемости. Однако эти организации никогда не составляли большинства среди совокупности РО. То есть огромный сегмент незамечаемых РО состоит исключительно из новых религиозных организаций, сект и культов разных размеров.

Публичная замечаемость в ее максимально проявленной, недвусмысленной и измеряемой форме выражается в актах социальной идентификации РО, которые необходимо отличать от религиозной самоидентификации населения — одного из ключевых вопросов эмпирической социологии религии. Религиозная

¹ На примере официальной регистрации РО проиллюстрируем неоднозначность и сложность данного вопроса. С одной стороны, можно вполне обоснованно предположить, что официальная регистрация организации в качестве религиозной будет способствовать повышению уровня ее замечаемости, в первую очередь среди органов государственного управления и ученых. Если в законодательстве страны существует иерархия статусов зарегистрированных РО, то при повышении статуса РО, при наращивании ее официальных прав и полномочий уровень замечаемости будет также повышаться. Например, в законодательстве Республики Беларусь проводится различие между «религиозными организациями» и «религиозными объединениями», а в Российской Федерации есть понятия «религиозная группа», «местная религиозная организация» и «централизованная религиозная организация». С другой стороны, под прикрытием одной зарегистрированной централизованной РО могут действовать совершенно разные РО, для каждой из которых заметность и замечаемость должны рассчитываться самостоятельно. Некоторые РО регистрируют лишь часть от своих общин, а реальные масштабы работы организации будут существенно отличаться от официально декларируемых. Наконец, большинство РО не идут на регистрацию в качестве религиозных, но действуют под видом общественных и коммерческих организаций либо без регистрации.

самоидентификация представляет собой самопозиционирование человека либо РО в конфессиональном пространстве, то есть акт, совершаемый от первого лица. *Социальная идентификация РО* — публичное вынесение суждений о месте РО в структуре конфессионального пространства от третьего лица, не имеющего полномочий выступать от лица РО, в отношении которых делаются соответствующие выводы. Акты социальной идентификации предполагают публичное отнесение конкретных представителей конфессионального пространства к одному из типов РО. В их основании лежит процесс, в границах которого субъект идентификации устанавливает соответствие информации относительно объекта идентификации (какой-либо РО) собственным критериям типологии РО. В каждом акте социальной идентификации организация не просто замечается и относится к числу религиозных, но и выносятся суждения о ее месте в структуре конфессионального пространства. С позиций науки эти суждения могут быть совершенно некорректны, но обоснованность их содержания в данном случае второстепенна. Утверждение в СМИ «...*Орден хранителей жизни является сектой...*» — пример акта социальной идентификации, в котором никогда ранее не упоминавшаяся в СМИ организация: а) замечается с указанием ее названия; б) представляется как религиозная; в) относится к отдельному типу РО — «сектам» и, что опционально, г) может быть подробно описана в плане ее вероучения и культовых практик.

На макроуровне анализа фокус переносится с замечаемости отдельных РО на РМ в целом. Публичная замечаемость РМ является показателем степени чувствительности общества к совокупности РО на заданной территории, а границы общественного внимания пролегают по конфигурации замечаемых РО. В процессе исторического развития меняются границы общественного внимания к РМ. Целые сегменты конфессионального пространства могут переставать замечаться либо становиться объектом публичных обсуждений. Вслед за изменением этих границ меняются общественные представления о РО, акценты в теоретическом осмыслении данного феномена и, что наиболее важно, данные, на основании которых представители всех социальных институтов выносят суждения о происходящем в конфессиональном пространстве. Исследование замечаемости РО позволяет ответить на вопрос о границах известного общественным акторам о конфессиональном пространстве. Вместе с тем на макроуровне тематизируется также логика общественного внимания к РО, включающая анализ влияния специфики социальных институтов на:

- а) место проблематики РО в иерархии значимых для каждого института тем;
- б) институциональные обоснования необходимости реакций на РО;
- в) формирование характерных для разных институтов практик реакций на РО.

Вне зависимости от институционально обусловленных причин избирательности внимания к РО конечный результат предстает в виде множества замечаемых РО и множества незамеченных РО. Конфигурация замечаемых РО, как это было показано ранее, влияет на формирование распространенных в общественном дискурсе представлений и иллюзий о конфессиональном пространстве [1, с. 504–519]. Ранее были выдвинуты также ряд предположений о том, что вне зависимости от конкретной конфигурации замечаемых РО низкий уровень социальной идентификации является одной из причин: а) неизменно сохраняющегося высокого спроса

на религию, с трудом находящего удовлетворение; б) переизбытка предложений от РО, затрудняющихся с поиском последователей; в) высокой ротации в среде РО малого и среднего размера [1, с. 542–543].

Индекс замечаемости религиозного многообразия

Изучение заметности и замечаемости является важным направлением социологического анализа отдельных РО и РМ в целом. Детальный анализ теоретико-методологических оснований социальной идентификации РО был предпринят ранее [1]. В настоящем остановимся на разработке индексных показателей замечаемости РМ конкретной страны.

Вычисление доли замечаемых РО к действующим представляет собой достаточно грубый инструмент, не позволяющий полностью учесть всю многогранность феномена замечаемости РМ. При одном количестве замечаемых в стране РО общий уровень замечаемости может существенно варьироваться под влиянием ряда факторов. Таким образом, требуется разработка более точного инструментария, учитывающего всю сложность и многогранность данного феномена. В качестве такового предлагается *индекс замечаемости РМ* — интегральный показатель, отражающий уровень чувствительности общества к многообразию РО конкретной страны в заданный период времени. Индекс целостно характеризует способность населения и социальных институтов выделять как отдельные РО, так и целые сегменты конфессиональной структуры конкретного общества на фоне конфессионального пространства. Расчет индекса предполагает предварительное вычисление четырех субиндексов, отражающих разные стороны замечаемости РМ.

I. Субиндекс замечаемости РО — показатель, характеризующий уровень чувствительности общества к совокупности фактически действующих в конкретной стране РО. Исследование социальной идентификации показало, что только 355 из 945 упоминавшихся в общественном дискурсе Беларуси РО фактически работали в стране. Большинство идентифицируемых организаций существовали только за рубежом. Таким образом, представления о конфессиональном пространстве формируются под влиянием описаний как действующих, так и отсутствующих в стране РО. Активное упоминание отсутствующих имеет свой функционал, анализ которого выносится за рамки этой статьи. Отметим, что как сам индекс, так и все субиндексы фиксируют только замечаемость фактически действующих в стране РО, так как упоминание отсутствующих РО не является реакцией на местную специфику. Для расчета субиндекса I предлагается формула (1):

$$V_1 = \frac{D}{N}, \quad (1)$$

где V_1 — субиндекс замечаемости РО;

D — количество РО из числа действующих в стране, ставших объектом социальной идентификации (значение D устанавливается в рамках исследования социальной идентификации);

N — генеральная совокупность РО страны. Значение N устанавливается в рамках исследования РМ (для Беларуси анализируемого периода — 1196 РО).

Интервал измерения данного и всех последующих субиндексов от 0 до 1. При этом на все субиндексы распространяется правило: *чем выше получаемое значение, тем выше уровень измеряемого элемента публичной замечаемости, в данном случае — чувствительности общества к действующим РО.*

Избираемый период времени может варьироваться в зависимости от наличия исходных данных и специфики целей и задач исследования. Для Республики Беларусь были получены данные по РМ для периода с 1988 по 2024 г., а по социальной идентификации РО — только с 1988 по 2020 г. Соответственно, максимально возможный с учетом исходных данных период для расчета индекса составляет 33 года — с 1988 по 2020 г. Для данного периода $V_I = 0,297$.

II. Субиндекс интенсивности упоминаний замечаемых РО — показатель, характеризующий уровень частотности идентификаций РО. Исследование показало, что значительное количество РО (203 из 355) упоминаются от 1 до 5 раз. Крайне редкое для периода в 33 года их выделение на общем фоне конфессионального пространства делает их незначительно более замечаемыми по сравнению с организациями, никогда не упоминавшимися. В то же время есть РО, которые до нескольких десятков и даже сотен раз становились объектом общественного внимания. Субиндекс II должен отражать влияние уровня частотности упоминаний отдельных РО на общий уровень замечаемости РМ. Расчет предлагается по формуле (2):

$$V_{II} = \sum_{i=1}^n \frac{f_i}{F_0 * D}, \quad (2)$$

где V_{II} — субиндекс интенсивности упоминаний замечаемых РО;

f_i — множество количественных значений интенсивности упоминаний разных РО из числа действующих в стране, ставших объектом социальной идентификации;

F_0 — база для сравнения, выраженная количеством идентификаций, принимаемых в качестве высокого порога замечаемости РО для заданной страны и периода времени. Для Республики Беларусь периода 1988–2020 гг. с населением в 9 миллионов человек в качестве такого порога принималось 90 публичных идентификаций на одну РО. В рамках полученного массива данных по 355 организациям $F_0 = 90$ соответствует 94-му перцентилю и 22-му рангу в списке действующих в стране РО. Этот порог предполагает вовлечение в процесс социальной идентификации представителей всех социальных институтов в лице не менее чем нескольких десятков журналистов, чиновников, ученых, представителей разных религиозных и общественных организаций (например, организация последователей Шри Чинмоя, идентифицировавшаяся 90 раз, упоминалась 45 разными авторами).

Для Республики Беларусь рассматриваемого периода $V_{II} = 0,265$.

III. Субиндекс рекурсивности внимания к замеченным РО — показатель, характеризующий уровень устойчивости общественного внимания к упоминаемым РО. Публично замечаемые РО могут быть ранжированы по количеству лет, на протяжении которых они упоминаются. Внимание к одним группам ограничивается одним годом, а другие рекурсивно упоминаются на протяжении 30 лет и более. Высокий уровень рекурсивности делает организацию более замечаемой, чем локализованное на уровне 1–2 лет внимание. При этом формула расчета должна учитывать следующие эффекты, наблюдаемые при анализе рекурсивности внимания.

Во-первых, с каждым новым годом, в котором организация рекурсивно упоминается, должен расти общий уровень ее замечаемости. Однако итоговый уровень замечаемости должен зависеть не только от общего количества лет, в которые РО упоминалась, но и от количества и длительности пауз в упоминаниях, то есть учитывать непостоянство общественного внимания.

Во-вторых, после пауз в социальной идентификации уровень замечаемости должен расти медленнее, оставаться на прежних значениях либо понижаться в зависимости от длительности паузы (от года до нескольких десятилетий), истории предшествующих упоминаний до паузы (ежегодное либо тоже с паузами), а также от размеров охватываемого в исследовании периода. Чем больше период, тем точнее измерения, так как история общественных реакций на РО нередко растягивается на десятилетия, а искажения в получаемых данных могут наступать за счет избрания слишком малых хронологических рамок, за границы которых выходит основная совокупность упоминаний РО. В силу означенной специфики нормой является ситуация, когда итоговый уровень рекурсивности у десяти РО, каждая из которых упоминалась в сумме одинаковое количество лет, может быть разным как в последний год их упоминания, так и на промежуточных стадиях.

В-третьих, увеличение в какой-то год количества упоминаемых РО, как правило, происходит за счет социальной идентификации значительного числа новых, ранее редко замечавшихся либо никогда не замечавшихся организаций. При правильной формуле увеличение количества упоминаемых впервые либо редко замечаемых РО должно автоматически влиять на уменьшение общего уровня замечаемости РМ как для данного года, так и для итогового значения субиндекса в целом. Таким образом, факт единовременной идентификации РО будет оказывать разное влияние на разные субиндексы: с одной стороны, увеличивать значение V_I , а с другой — уменьшать значения V_{II} и настоящего субиндекса V_{III} .

Предлагаемый инструментарий чувствителен к означенной специфике. Основная формула направлена на фиксацию уровня рекурсивности для каждого года анализируемого периода по отдельности (3):

$$v_t = \sum_{i=1}^n \frac{x_i}{y_t * d_t}, \quad (3)$$

где v_t — годовой субиндекс рекурсивности внимания к замеченным РО;
 t — индекс, соответствующий году, для которого рассчитывается показатель;
 x_i — множество количественных значений лет, на протяжении которых РО, из числа действующих в стране становились объектом социальной идентификации по данным на конкретный год. Например, при анализе 2010 г. $x_{23} = 1$, $x_{154} = 20$, $x_{280} = 5$ означает, что 23-я РО из общего количества замечавшихся в 2010 г. была идентифицирована впервые, 154-я к 2010 г. упоминалась уже на протяжении 20 лет, а 280-я — только 5 лет за весь период наблюдений;

y_t — количество лет, прошедших с начала изучаемого периода до года, для которого рассчитывается субиндекс. Например, для изучавшегося периода с 1988 по 2020 г. $y_{1990} = 3$; $y_{2020} = 23$; $y_{2020} = 33$. Значения y_t могут меняться только при изменении хронологических рамок исследования (например, при периоде с 2002 по 2020 г. $y_{10} = 9$);

d_t — количество РО из числа действующих в стране, ставших объектом социальной идентификации в анализируемый год.

Итоговый субиндекс рекурсивности внимания к замеченным РО V_{III} является средним арифметическим годовых субиндексов v_i , охватывающих весь период наблюдений. Особенность этого субиндекса в том, что для первого года изучаемого периода данные по рекурсивности всегда будут отсутствовать, так как невозможно провести сравнение с предшествующим годом. Так, в настоящем исследовании выпадал 1988 г., хотя информация по идентифицированным в 1988 г. организациям служила отправной точкой для расчета рекурсивности последующих лет. Для Республики Беларусь периода с 1988 по 2020 г. $V_{III} = 0,417$.

IV. Субиндекс замечаемости разных типов РО — показатель, характеризующий уровень чувствительности общества к различным сегментам РМ. Последнее неоднородно, а совокупность представляющих его РО можно типологизировать по разным основаниям. Необходимость разработки этого субиндекса вызвана тем, что разные типы РО в разной степени замечаются, а подобные смещения важно учитывать. При расчете субиндекса необходимо опираться на успешно апробированные типологии РО, максимально точно отражающие характеристики генеральной совокупности РО страны. В рамках исследования РМ массив данных был сгруппирован по трем разным основаниям:

1. По уровню развития организации использовалась модифицированная автором трехсоставная типология Р. Старка и У.С. Бэинбриджа, в которой выделялись высокоорганизованные РО (церкви, секты и культы), среднеорганизованные РО (клиентурные культы) и слабоорганизованные РО (аудиторные культы).

2. По содержанию вероучения использовалась авторская типология из 17 типов РО: христианские, восточные, оккультно-мистические, спиритические и т. д. [1, с. 457–462].

3. По появлению в стране совокупность РО делилась на две группы: возникающие на территории Беларуси и мигрирующие из-за рубежа.

В статье мы уйдем не только от обсуждения достоинств и недостатков означенных типологий, но даже от их развернутого описания, так как значение имеет лишь формула их расчета. Типологии были успешно апробированы при исследовании РМ Республики Беларусь, в рамках которого для каждой РО генеральной совокупности определялся ее тип в границах каждой из трех типологий. Замечаемость разных типов для всех типологий можно рассчитать по одной формуле (4), но каждый раз с подстановкой своих значений:

$$v_c = \sum_{i=1}^n \left(\frac{d_s}{n_s} \right)_i / G, \quad (4)$$

где v_c — частный субиндекс замечаемости разных типов РО, выделенных по одному основанию;

n , в выражении i от 1 до n — количество типов в конкретной типологии;

d_s — количество РО каждого типа из числа действующих в стране, ставших объектом социальной идентификации;

n_s — совокупность РО каждого типа из числа действующих в стране;

$G = n$ в выражении i от 1 до n . В первой типологии $G = 3$, во второй — 17, в третьей — 2.

Общий субиндекс замечаемости разных типов РО V_{IV} является средним арифметическим частных субиндексов v_c , рассчитанных для всех типологий.

Ранее уже отмечалось, что характеристики конфигурации идентифицируемых организаций влияют на формирование общественных представлений и иллюзий относительно религиозности в целом и новых религий в частности, особенно если фиксируются смещения во внимании к отдельным типам РО. Однако данный субиндекс сам по себе не является показателем ни масштаба возникающих в рамках подобных представлений искажений и иллюзий, ни специфики их содержательного наполнения, хотя $V_{IV} < 1$, безусловно, будет указывать на наличие *каких-то* искажений. Впрочем, на существование *каких-то* искажений по-своему указывают все субиндексы.

Для Республики Беларусь $V_{IV} = 0,430$.

Сводный индекс замечаемости РМ, обозначаемый как V , рассчитывается как среднее арифметическое значений четырех субиндексов $V_I, V_{II}, V_{III}, V_{IV}$. Размерность индекса выражается величиной от 0 до 1: *чем выше получаемое значение, тем выше уровень чувствительности общества к РМ искомой страны*. Для Республики Беларусь периода с 1988 по 2020 г. $V = 0,352$.

Формулы расчета V_{II} и V_{III} могут быть адаптированы для разработки индекса замечаемости отдельных РО. Решающее значение имеет лишь сбор первичной социологической информации по социальной идентификации интересующих исследователя РО. Настоящее исследование позволяет рассчитать индекс замечаемости для всех 355 РО. Большим эвристическим потенциалом обладает разработка типологии замечаемых РО — еще один вопрос, выходящий за рамки объема настоящей статьи.

Формулы расчета субиндексов и основного индекса несложно адаптировать для расчета чувствительности населения к РМ в целом, то есть с учетом РО, ставших объектом социальной идентификации, но фактически не действующих в стране. Однако как научное значение, так и прикладной потенциал его применения имеют скорее дискуссионный характер.

Разработка автором алгоритма расчета динамики числа РО позволила рассчитать предполагаемую генеральную совокупность РО, действовавших в каждый год периода с 1988 по 2024 г. [1, с. 441–457]. Это упростило, но полностью не решило проблему расчета динамики замечаемости РМ. Дело в том, что предложенный алгоритм не чувствителен к разным типам РО. В результате легкая модификация приводимых выше формул позволяет рассчитать по годам замечаемость только для субиндексов V_I, V_{II} и V_{III} .

Остановимся на прояснении значений крайних позиций индекса, являющихся скорее «идеальными типами», в диапазоне которых будут располагаться значения по разным странам. Эти крайние значения могут быть представлены как разные варианты культуры общественных реакций на РМ, развернутое описание которых требует отдельного внимания. Между ними будет располагаться основной массив значений замечаемости РМ в разных странах.

Низкий уровень чувствительности к РМ страны предполагает, что критически малое и нерепрезентативное количество РО нечасто и неустойчиво замечается в общественном дискурсе. Представители разных социальных институтов не проявляют интереса к религиозной проблематике, не имеют достоверной информации о процессах, протекающих в конфессиональном пространстве, мало обсуждают тему

религии на своих информационных площадках и, как следствие, не имеют эффективных инструментов разрешения всевозможных проблем, вопросов и конфликтных ситуаций в данной области. В общественном и научном дискурсе доминируют представления о секуляризации, ослаблении и вымирании религии, а также о неактуальности религиозной проблематики для современного общества. Подобные представления могут распространяться на фоне прогрессирующей дифференциации конфессионального пространства, предполагающей рост количества РО. В обществе распространены искаженные представления о религии, практически полностью оторванные от реальной ситуации. Межконфессиональные и межрелигиозные конфликты не прогнозируются и не предотвращаются, профилактика негативных явлений в религиозной сфере не ведется. Религиозно мотивированные преступления, включая убийства, списываются на причины бытового характера. Криминал на почве религиозной вражды и ненависти сводится к экономическим, национальным или политическим противоречиям. Общественная система подвержена дестабилизации извне и изнутри с использованием религиозного фактора. Абсолютное большинство всего, что пишется и издается по теме религии, посвящено традиционным религиям страны. При $V \leq 0,1$ уровень чувствительности к РМ является крайне низким.

Высокий уровень чувствительности к РМ страны предполагает, что репрезентативное большинство РО регулярно и часто становится объектом общественного внимания. Представители разных социальных институтов активно интересуются темой религии, глубоко и серьезно изучают конфессиональное пространство, взвешенно, обоснованно и предметно обсуждают религиозную проблематику. Большинство межрелигиозных и межконфессиональных конфликтов предсказываются и разрешаются еще до их наступления. Активно проводится профилактика религиозных форм девиации в виде фундаментализма, радикализма, экстремизма, терроризма, фанатизма и религиозно мотивированных преступлений, которые к тому же быстро замечаются и пресекаются. Общественную систему сложно дестабилизировать извне или изнутри с использованием религиозного фактора. При $V \geq 0,9$ уровень чувствительности к РМ является очень высоким.

Заключение

Незамечаемые РО не учитываются социальными институтами в качестве части конфессионального пространства, но существуют в реальности: возникают, десятилетиями распространяют свое учение, реализуют различные проекты, влияют на своих членов и конфессиональное пространство и распадаются. Появление неконтролируемого самими РО внимания к их деятельности оказывает существенное влияние на изменение их стратегий и практик работы в общественной системе, а вместе с тем и на их дальнейшее развитие. Изменения в границах общественного внимания к РМ в целом:

а) приводят к преобразованиям в конфессиональном пространстве (сотни, а иногда и тысячи РО меняют свои стратегии и практики работы с населением и разными социальными институтами);

б) способствуют постепенной корректировке общественных представлений о религии и РО;

в) влияют на изменение и развитие практик отношения социальных институтов к РО;

г) стимулируют появление и/или распад общественных, научных и других организаций, специализирующихся на проблематике РО.

Настоящая статья представляет собой общее введение в проблематику границ общественного внимания к РМ. Развернутый анализ большинства затронутых вопросов выходит за рамки данного материала. Разработанный индекс замечаемости РМ является важным показателем, учет которого необходим при анализе конфессионального пространства и чувствительности общественной системы к религиозному многообразию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартинович Владимир Александрович — доктор теологии Венского университета, доктор социологических наук, заведующий кафедрой апологетики, Минская духовная академия. **Телефон:** +375-17-355-83-67. **Электронная почта:** nrm2@yandex.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. VOL. 32. NO. 1. P. 142–155. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.8

Research Article

VLADIMIR A. MARTINOVICH¹

¹ Minsk Theological Academy.

27, Zybizkaja str. 220030, Minsk, Republic of Belarus.

THE LIMITS OF PUBLIC ATTENTION TO RELIGIOUS DIVERSITY: VISIBILITY AND NOTICEABILITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Abstract. In the author's previous research, a multitude of religious organizations were identified operating in the Republic of Belarus and becoming the object of public attention. Their comparison showed that only a minority of religious organizations are mentioned and discussed in public discourse, and the natural state of the life cycle of most religious organizations is to remain outside the public eye. This article is devoted to the study of the phenomena of visibility and noticeability of religious organizations. Visibility is considered to be the ability of a religious organization to stand out against the background of the confessional space. Noticeability is regarded as the ability of the population and social institutions to distinguish the religious organizations against the background of the confessional structure of society. The influence of visibility and noticeability on the activities of religious organizations, on the prospects for their growth and development, on the structure of the confessional milieu, and on the formation of public ideas and illusions on the topic of religion are analyzed. Particular attention is paid to the development of an algorithm for calculating the noticeability index of religious diversity — an integral indicator reflecting the level of society's sensitivity to the diversity of religious organizations in any given country and period of time. The data previously obtained as part of the study of social identification of religious organizations are used to develop and test formulas for calculating four sub-indices reflecting different components of the noticeability of religious organizations: a) sensitivity to their number; b) frequency of their mentions; c) sustainability of attention to them; d) sensitivity to different segments of the confessional structure. The index of noticeability of religious diversity is an important indicator that should be taken into account when analyzing and describing the religious landscape.

Keywords: sociology of religion; visibility; noticeability of religious organizations; religious diversity; social identification; new religious movements.

For citation: Martinovich, V.A. The Limits of Public Attention to Religious Diversity: Visibility and Noticeability of Religious Organizations. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 142–155. DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Martinovich — Doctor of Theology (Vienna University), Doctor of Sociological Sciences, Head of the Apologetics Department, Minsk Theological Academy. **Phone:** +375-17-355-83-67. **E-mail:** nrm2@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Мартинович В.А.* Сектантство: социальная идентификация новых религиозных движений. М.: ИД «Познание», 2025. — 704 с.
Martinovich V.A. *Sectarianism: social identification of the new religious movements*. Moscow: Poznanie publ., 2025. 704 p. (In Russ.)
2. *Узланер Д.* Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. — 240 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-1963-9](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1963-9) EDN: KZOJXN
Uzlaner D. *The End of Religion? History of the secularization theory*. Moscow: HSE publ., 2019. 240 p. DOI: [10.17323/978-5-7598-1963-9](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1963-9) (In Russ.)
3. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь Мир, 2011. — 336 с.
Habermas J. *Between naturalism and religion. Philosophical articles*. Transl. from Germ. by M.B. Skuratov. Moscow: Ves' Mir publ., 2011. 336 p. (In Russ.)
4. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. P. 155–194. DOI: [10.1023/A:1024471506938](https://doi.org/10.1023/A:1024471506938)
5. Kelley J. Diversity in Religiosity Undermines Conventional Personal Morality Across the Globe. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2022. Vol. 61 (1). P. 41–74. DOI: [10.1111/jssr.12756](https://doi.org/10.1111/jssr.12756)
6. Land K.C., Dean G., Blau J.R. Religious Pluralism and Church Membership: A Spatial Diffusion Model. *American Sociological Review*. 1991. Vol. 56. P. 237–249. DOI: [10.2307/2095782](https://doi.org/10.2307/2095782)
7. Lieberman S. Measuring Population Diversity. *American Sociological Review*. 1969. Vol. 34 (6). P. 850–862. DOI: [10.2307/2095977](https://doi.org/10.2307/2095977)
8. Melton G. J. *Encyclopedia of American Religions*. Vol. 1. Detroit, N.Y., San Francisco, New Heaven, Waterville, L.: Gale, 2016. 1720 p.
9. Norris P., Inglehart R. *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 375 p. DOI: [10.1017/CBO9780511894862](https://doi.org/10.1017/CBO9780511894862)
10. Stark R., Bainbridge W.S. *A Theory of Religion*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1996. 386 p.
11. Voas D., Crockett A., Olson D.V.A. Religious Pluralism and Participation: Why Previous Research Is Wrong. *American Sociological Review*. 2002. Vol. 67 (2). P. 212–230. DOI: [10.1177/000312240206700203](https://doi.org/10.1177/000312240206700203)
12. Warf B., Vincent P. Religious Diversity Across the Globe: A Geographic Exploration. *Social & Cultural Geography*. 2007. Vol. 8 (4). P. 597–613. DOI: [10.1080/14649360701529857](https://doi.org/10.1080/14649360701529857)
13. *World Guide to Religious and Spiritual Organizations*. München, New Providence, L., Paris: K.G. Saur Verlag, 1996. 474 p.
14. Wuthnow R. *America and the Challenges of Religious Diversity*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 391 p. DOI: [10.1515/9781400837243](https://doi.org/10.1515/9781400837243)

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025; поступила после рецензирования и доработки: 18.12.2025; принята к публикации: 21.12.2025.

Received: 21.11.2025; revised after review: 18.12.2025; accepted for publication: 21.12.2025.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2026.32.1.9
EDN: ZKGYRP

Н.Г. МАЛОШОНОК, П.А. МУЗЫКА¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН В УНИВЕРСИТЕТЕ СО СТУДЕНЧЕСКОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТЬЮ¹

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение взаимосвязи между предоставлением студентам возможности выбирать учебные дисциплины и их вовлеченностью в учебный процесс. В последние десятилетия гибкость образовательных программ и предоставление выбора учебных дисциплин учащимся является необходимым условием формирования нелинейных карьерных траекторий и мягких навыков, соответствующих требованиям современного рынка труда. Однако исследования показывают, что в российских вузах у преподавателей и администрации существует убеждение, что при наличии выбора студенты будут выбирать учебные дисциплины таким образом, чтобы снизить свою нагрузку и минимизировать усилия по прохождению этих дисциплин. Данное положение препятствует повышению гибкости образовательных программ в вузах за счет предоставления студентам возможности выбора. На основе данных масштабного социологического опроса российских студентов ($N = 14988$) проверяется состоятельность данного убеждения путем изучения взаимосвязи между наличием у студентов возможности выбора и четырьмя типами вовлеченности (вовлеченность в аудиторную работу, приложение дополнительных усилий, совместное обучение и несоблюдение требований учебного процесса). Было установлено, что возможность выбора дисциплин, связанных с направлением подготовки или в рамках узкой специализации, статистически значимо и положительно коррелирует с вовлеченностью в аудиторную работу, а также может способствовать приложению дополнительных усилий учащимися и вовлечению в практики совместного обучения. При этом предоставление выбора учебных дисциплин, не связанных с направлением подготовки, было значимо связано только с вовлеченностью студентов в практики совместного обучения, но статистически незначимо для вовлеченности в аудиторную работу и приложения дополнительных усилий. Посещение курсов по выбору положительно взаимосвязано как

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы выражают признательность Е.А. Терентьеву, директору Института образования НИУ ВШЭ, и коллективу Томского государственного университета, внесшим существенный вклад в разработку исследовательского инструмента и проведение эмпирического исследования.

с вовлеченностью в аудиторную работу, совместным обучением и применением дополнительных усилий, так и с несоблюдением требований учебного процесса. Результаты работы полезны исследователям высшего образования, руководителям университетов, преподавателям и учебно-вспомогательным работникам вузов, занимающимся вопросами организации учебного процесса и формирования учебных планов в университетах.

Ключевые слова: студенческая вовлеченность; возможность выбора; выбор учебных дисциплин; элективы; мотивация; гибкость образовательной программы; российские университеты.

Для цитирования: Малошенок Н.Г., Музыка П.А. Взаимосвязь возможности выбора учебных дисциплин в университете со студенческой вовлеченностью // Социологический журнал. 2026. Том 32. № 1. С. 156–176. DOI: [10.19181/soc-jour.2026.32.1.9](https://doi.org/10.19181/soc-jour.2026.32.1.9) EDN: ZKGYRP

Введение

Стремительное развитие передовых технологий и современные тенденции на рынке труда, наблюдаемые в течение последних десятилетий в мире, приводят к необходимости изменений в университетском образовании, в частности, в области гибкости и адаптивности образовательных программ [3; 16; 23; 64]. Быстро меняющиеся требования к знаниям и компетенциям специалистов, появление новых профессий, а также смещение фокуса с узкоспециализированных профессиональных компетенций в сторону мягких навыков приводят, в свою очередь, к росту нелинейности карьерных траекторий, что накладывает на образовательные программы требование персонализации, то есть необходимо учитывать разнообразные потребности в обучении и увеличить возможность выбора студентом того, что и как он будет изучать в университете [42].

Исторически возможность для студентов выбирать свою траекторию обучения была еще в Болонском университете [63]. Однако идея предоставления студентам возможности выбора курсов не была доминирующей в вузах средних веков, в которых доминировала модель Парижского университета и программа обучения составлялась исключительно профессорами университета [63]. Наибольшее распространение идея предоставления студентам возможности выбора курсов получила в США во второй половине XIX в., когда президент Гарварда Чарльз Элиот внедрил систему элективных курсов, которая действует и в современных вузах [27; 36]. Таким образом, в США, как и в других странах, где система высшего образования выстраивалась по англосаксонской модели, предоставление студентам возможности самим выбирать значительную часть учебных дисциплин является базовым элементом образовательных программ.

В советских и российских вузах обучение традиционно строилось по жестким учебным планам, где доля элективных курсов была минимальна. Поэтому в России предоставление студентам возможности выбирать курсы — относительно новое явление. В начале 2010-х гг. был принят новый Федеральный закон об образовании, в котором зафиксировано право учащихся выбирать факультативные

и элективные курсы, модули дисциплин из перечня, предлагаемого вузом², а также внедрены стандарты третьего поколения ФГОС. При этом за прошедшее десятилетие полноценную персонализацию обучения внедрили немногие отечественные университеты [6; 8]. Это объясняется, с одной стороны, коротким по историческим меркам отрезком времени с момента декларации такой необходимости, а с другой — наличием опасений и барьеров, которые препятствуют массовому внедрению персонализированных образовательных программ в современных университетах России. Одним из барьеров, препятствующих внедрению таких программ, является миф о том, что при возможности выбора студенты станут выбирать наиболее легкие учебные дисциплины, пытаясь снизить учебную нагрузку и минимизировать свою вовлеченность и усилия, вкладываемые в прохождение этих дисциплин [13]. Несмотря на то что существуют зарубежные эмпирические исследования, опровергающие данное утверждение [33; 57], российские исследователи отмечают, что из-за распространенности таких представлений в отечественной образовательной среде значительно ограничиваются возможности эффективно внедрять данные практики в университетах [13]. В то же время в связи с отсутствием эмпирических исследований о том, как возможность выбора учебных дисциплин взаимосвязана с учебной деятельностью и активностью студентов, сохраняется барьер для эффективного внедрения и распространения индивидуальных образовательных программ в нашей стране.

Данная исследовательская работа вносит вклад в решение обозначенной проблемы. В ней поставлена цель на основе данных масштабного опроса студентов российских вузов оценить наличие и направление связи между возможностью и широтой выбора учебных дисциплин в университете и студенческой вовлеченностью, отражающей участие студентов в разных видах аудиторных и внеаудиторных учебных активностей. Результаты работы будут полезны как для ученых, интересующихся исследованиями высшего образования и вопросами его персонализации, так и для руководителей, преподавателей и учебно-вспомогательных работников вузов, занимающихся вопросами организации учебного процесса и разработки образовательных программ.

Обзор литературы

Возможности самостоятельного выбора и их влияние на поведение человека

Возможность выбора является важной характеристикой деятельностного субъекта в социологии. Взвешивая ожидаемые последствия и прогнозируемые результаты разных вариантов действия, человек определяет величину вероятного риска и в итоге может либо выбрать определенный вариант действия, либо отказаться от действия совсем [4]. Д.В. Александров [2] отмечает тесную взаимосвязь между концептами «выбор» и «интерес» на микроуровне социологического анализа, поскольку второе понятие часто используется для объяснения рациональной

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об образовании в Российской Федерации». — URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/glava-4/statja-34/ (дата обращения 22.02.2026).

составляющей первого (например, в теории рационального выбора Дж. Коулмена, теории поля П. Бурдьё, мир-системной концепции И. Валлерстайна). Жизненный, профессиональный и образовательный виды выбора, помимо понятий интереса и необходимости определения и взвешивания риска, в социологических исследованиях часто объясняются социально-экономическим положением молодых людей, влиянием на них социальных институтов и общественно-социальных процессов [9; 14; 17; 20]. Однако часто подчеркиваются такие характеристики выбора, как, с одной стороны, осознанность, а с другой — необходимость, которые могут влиять как на принятие решения, так и на последующие действия человека (например, его участие в добровольческой деятельности [15]).

Таким образом, с точки зрения социологического подхода в ситуации выбора учебных дисциплин в университете учащийся исходит также из личных интересов, ресурсов и возможных рисков. Помещение студента в ситуацию выбора и предоставление ему такой возможности возлагают на него роль рационального субъекта, что может приводить к изменениям в его действиях при прохождении выбранных им учебных дисциплин.

Влияние возможности выбора на поведение человека было отмечено в социально-психологических работах [61]. В эмпирических исследованиях было обнаружено, что люди более охотно участвуют в деятельности, если считают, что выбрали ее сами [53], а также в большей мере ценят эту деятельность и ее результаты [32]. Предоставление человеку возможности выбора приводит к повышению контроля над собой, мотивации и интереса к выполнению задачи [29; 44; 65; 70; 72]. В то время как отсутствие или недостаточность выбора в жизни человека часто связывают с такими негативными последствиями, как выученная беспомощность [41; 68].

Встречается также серия академических публикаций, рассматривающих предоставление человеку возможности выбора в качестве интервенции, направленной на коррекцию его поведения [30; 31; 34; 35; 47]. Например, в исследованиях, выполненных в области образования, показано, что при предоставлении учащимся возможности выбора вознаграждений за выполнение заданий или их вариантов повышаются аккуратность выполнения, вовлеченность и сосредоточенность на занятии, а также сокращается количество отвлечений от выполнения задания [30; 34; 35]. В недавнем экспериментальном исследовании [31] было обнаружено, что при предоставлении учащемуся возможности самому решить, будет ли для него обязательным посещение занятий, большинство студентов сознательно выбрали более строгий режим и в итоге посещали занятия регулярно, чем при жестком внешнем контроле. Далее авторы предполагают, что предоставление возможности выбора способствует принятию студентом ответственности за свое обучение. Это может оказать благотворное влияние на учебную мотивацию и образовательные результаты.

Исследования возможности выбора учебных дисциплин в университете

Исследования, посвященные возможности выбора учебных дисциплин в университете и их влиянию на учебную деятельность студентов, в основном проводились в зарубежных университетах, где преобладает англосаксонская модель высшего образования. Они посвящены изучению стратегий выбора и принятия

решений [24; 33; 39; 40; 71], а также таким вопросам, как оптимальные пропорции обязательных курсов и курсов по выбору [45], оптимальное количество курсов, предоставляемых для выбора, и широта их тематики [69].

Тьюн Деккер обнаружил, что среди студентов, имеющих возможность выбора учебных дисциплин, наиболее распространенной стратегией является подбор учебных курсов таким образом, чтобы они соответствовали личным образовательным целям и интересам учащихся [33]. Второй по популярности стратегией выбора является попытка попробовать разные учебные дисциплины, чтобы понять, что больше нравится. Третьей по популярности стратегией является стремление к широкому образованию и кругозору. Такие студенты ценят свободу выбора в университете, поскольку она позволяет изучать дисциплины из разных областей. Наконец, наименее популярной стратегией выбора курсов оказалась попытка избежать определенных учебных дисциплин.

В другом исследовании стратегий выбора обучающимися дисциплин [39] выделена еще одна важная из них — хеджирование рисков. В рамках этой стратегии учащиеся пытаются соблюсти баланс между выбором учебных дисциплин, которые будут полезны в долгосрочной перспективе, и выбором предметов, которые помогают приобрести некоторые выгоды в краткосрочный период. Исходя из результатов этого исследования, школам и университетам стоит обращать внимание не только на причины выбора отдельных дисциплин, но и на то, какую стратегию используют учащиеся при комбинировании этих дисциплин и составлении «личного портфеля» из них.

При этом, по данным некоторых работ, перегрузка выбором может негативно сказаться на мотивации и успешности учащихся [45]. В исследовании [69] отмечается, что широкий спектр предлагаемых курсов и постоянное обновление их состава приводят к некоторой анархичности выбора, когда из-за множества доступных опций и ограниченности информации студенты не могут принять взвешенное решение и начинают излишне полагаться на мнения своих сверстников и отзывы о курсах.

В рамках настоящего исследования проверим гипотезу о положительной взаимосвязи между возможностью выбора учебных дисциплин и студенческой вовлеченностью. Основываясь на социологических теориях и результатах социально-психологических исследований, мы предполагаем, что предоставление такой возможности в университете приведет к повышению рациональной субъектности учащегося, его мотивации и интереса к учебной деятельности, которую он для себя выбрал, и это благоприятно отразится на его желании вовлекаться в учебные активности, связанные с выбранными дисциплинами, в аудиторное и внеаудиторное время.

Студенческая вовлеченность

В данной статье мы рассматриваем теоретико-методологический подход по изучению студенческой вовлеченности, основанный на идеях А. Астина [22], Р. Пэйса [58], П. Эвелла [37; 38], Э. Паскарелла, П. Теренцини [60] и предложенный в качестве основы масштабного исследовательского проекта «Национальное исследование студенческой вовлеченности» (*National Survey of Student Engagement*,

NSSE), в котором он использовался как инструмент оценки качества высшего образования [51; 56; 59]. В соответствии с таким подходом предполагается, что развитие студента в университете зависит от того, в каких университетских активностях он участвует, что указывает на важность не только поведения студента и его усердия, но и того, какие возможности для такого участия предоставляет университет [22; 49; 51; 58]. Таким образом, выделяются два важных фактора, влияющих на образовательные результаты учащихся: 1) учебная деятельность и поведение самого учащегося и 2) институциональные практики и образовательная среда в вузе.

Важное место в подходе занимает концепт эффективных образовательных практик, отражающих второй предиктор образовательных результатов студентов и определяющихся как практики, относительно которых была установлена положительная корреляция с образовательными результатами в ходе предыдущих эмпирических исследований [48]. Предполагается, что чем больше студент вовлечен в эффективные практики, тем выше будут его образовательные результаты [50]. Таким образом, под *студенческой вовлеченностью* мы понимаем участие студентов в эффективных образовательных практиках, доступных им в университете в рамках аудиторных занятий и в дополнительных внеаудиторных и внеучебных активностях. Чтобы разработать индикаторы студенческой вовлеченности, исследователи применили список из семи принципов таких практик, составленный А. Чикерингом и З. Гамсон [28] на основе анализа результатов эмпирических исследований, опубликованных за 50 лет. Этот список включает следующие принципы: 1) поощрение взаимодействия преподавателей и студентов; 2) поощрение взаимного обмена и кооперации между студентами; 3) активное обучение; 4) своевременная обратная связь; 5) внимание ко времени, уделенному на выполнение заданий; 6) трансляция высоких ожиданий; 7) уважительное отношение к разнообразным талантам, способностям и способам обучения.

Принципы Чикеринга и Гамсон использовались при разработке индикаторов студенческой вовлеченности [52], которые затем стали основой опросника NSSE [56]. В России данный подход используется с 2013 г., и интерес к нему возрастает [12]. По результатам исследований в отечественных вузах выявлена положительная взаимосвязь между студенческой вовлеченностью и частотой взаимодействия студентов с одногруппниками и преподавателями, участием студентов в самоуправлении, в практиках самообучения и сообучения, а также с развитием критического мышления, планами студентов работать по специальности и поступать в магистратуру и (или) аспирантуру [1; 7; 18; 19; 21; 46].

На основе принципов данного подхода выделяются эффективные практики, включенность в которые свидетельствует о вовлеченности студентов. Однако он предполагает, что сама студенческая вовлеченность многогранна и включает разные аспекты университетского опыта [12]. Поэтому в разных эмпирических исследованиях используются разнообразные типологии студенческой вовлеченности, составленные в результате комбинаций ее показателей. В рамках данной статьи используются типы и показатели студенческой вовлеченности, представленные в статье [54] и валидированные на выборках российских, китайских, японских и американских студентов.

Методология исследования

Данные

В работе использовались данные онлайн-опроса, собранные в 2021 г. в ходе реализации масштабного межвузовского проекта «Научно-методическое обеспечение развития системы управления качеством высшего образования в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 и после нее». Этот исследовательский проект был реализован группой университетов по заказу Министерства науки и высшего образования России. Онлайн-анкета исследования была запрограммирована на платформе Enjoysurvey³ и распространялась среди учащихся сотрудниками образовательной организации, в которой они обучались. Всего в опросе приняли участие 36 822 студента из 401 вуза 81 региона Российской Федерации. Из базы были отобраны ответы студентов, обучающихся на 1–4-х курсах очных программ бакалавриата дневной формы в головных вузах. Иностранцы студенты и студенты филиалов вузов были исключены из анализа. Итоговая выборка составила 14 998 студентов. Описательные статистики для выборки представлены в Приложении.

Измерение и анализ

Наличие у студента возможности выбора учебной дисциплины измерялась с помощью следующего вопроса: «*Была ли у Вас возможность выбора учебных курсов в текущем учебном году?*». Учащимся предлагалось выбрать один из нескольких вариантов ответа: «*да, в рамках Вашей узкой специализации (при наличии)*», «*да, из широкого набора курсов, связанных с Вашим направлением подготовки (специальности)*», «*да, из широкого набора курсов, не связанных с Вашим направлением подготовки (специальности)*», «*нет, не было такой возможности*». Кроме того, учащихся спрашивали, проходили ли они курсы по выбору в текущем учебном году, при этом предлагались следующие варианты ответа: «*да, проходил(-а)*» и «*нет, не проходил(-а)*».

Для измерения студенческой вовлеченности использовалась методика, представленная в работах [11; 24; 52; 67]. Респондентам задавался вопрос «*Как часто в текущем семестре Вы выполняли следующее?*» с предложением 11 видов учебной деятельности и просьбой для каждого из них выбрать один вариант ответа из следующих: «*никогда*», «*редко*», «*время от времени*», «*скорее часто*», «*очень часто*», «*затрудняюсь ответить*». В соответствии со статьей [54] было выделено четыре типа студенческой вовлеченности:

1. Вовлеченность в аудиторную работу, измеренная с помощью трех показателей: а) *участвовали в обсуждениях на семинарах*; б) *задавали вопросы по содержанию курса преподавателю во время занятий*; в) *выступали с докладом или презентацией на занятиях*.

2. Прикладывание дополнительных усилий, измеренное с помощью трех показателей: а) *считали предмет настолько интересным, что работали над ним больше, чем требовалось преподавателем*; б) *просили помощи в обучении у преподавателя или его ассистента, тьютора, когда она требовалась*; в) *обсуждали с преподавателем во внеучебное время содержательные вопросы по курсу*.

³ Платформа для создания онлайн-опросов, проведения маркетинговых исследований и сбора данных “Enjoysurvey”. — URL: <https://enjoysurvey.ru/> (дата обращения 22.02.2026).

3. Несоблюдение требований учебного процесса, измеренное с помощью трех показателей: а) сдавали задания по учебному курсу позже установленного срока; б) приходили на занятия неподготовленным(-ой); в) пропускали занятия без уважительной причины.

4. Совместное обучение, измеренное с помощью двух показателей: а) работали над групповым заданием/проектом совместно с одногруппниками во внеаудиторное время; б) помогали сокурснику(-це) лучше понять материал дисциплины во время совместной подготовки к занятиям.

Для оценки соответствия предложенной факторной структуры данным и демонстрации надежности/согласованности показателей был проведен confirmatorный факторный анализ (*confirmatory factor analysis, CFA*), в результате которого выявлены приемлемые статистики согласия модели ($\chi^2 = 1896,847$, $df = 38$, $RMSEA = 0,06$, $CFI = 0,96$, $TLI = 0,95$, $SRMR = 0,05$). Факторные нагрузки для всех четырех типов вовлеченности, полученные в рамках CFA, приведены в таблице 1. В соответствии с рекомендациями, представленными в работе [66], можно говорить о приемлемом уровне надежности показателей, измеряющих четыре типа студенческой вовлеченности.

Контрольные переменные

В качестве контрольных переменных использовались: 1) пол; 2) форма финансирования (бюджетное или коммерческое место); 3) курс обучения; 4) укрупненное направление подготовки; 5) академическая успеваемость. Для измерения уровня академической успеваемости студентов использовался вопрос: «*Какие оценки Вы получали за экзамены/зачеты в последнюю сессию?*». Студентам предлагались варианты ответа: «*только отличные оценки*», «*только отлично и хорошо*», «*только хорошо*», «*в основном отлично и хорошо, но были и удовлетворительные оценки*», «*в основном хорошо и удовлетворительно*», «*преимущественно удовлетворительные*», «*другое*» и «*затрудняюсь ответить*». Для анализа ответы респондентов были перекодированы в переменную «высокая академическая успеваемость», которая принимала значение 1 в случае выбора респондентами вариантов ответа «*только отличные оценки*» и «*только отлично и хорошо*» и значение 0 при выборе других вариантов ответа.

Анализ

Изучение взаимосвязи между переменными, отражающими возможность выбора учебных дисциплин, и факторами студенческой вовлеченности производилось с помощью метода моделирования структурными уравнениями (*structural equation modeling, SEM; Estimator DWLS*) в программе для статистической обработки данных R (интерфейс RStudio 2019, версия 1.2.5001). Для целей анализа все ответы респондентов «*затрудняюсь ответить*» на представленные выше вопросы были перекодированы в пропущенные значения. Для работы с пропущенными значениями в модели использовался метод попарного удаления (*pairwise deletion*). Таким образом, структурная модель была построена на основании ответов 13 074 студентов. Статистики согласия модели ($\chi^2 = 4439,277$, $df = 157$, $RMSEA = 0,05$, $CFI = 0,93$, $TLI = 0,90$, $SRMR = 0,03$) свидетельствуют о ее хорошем качестве [26; 43; 67].

Таблица 1

Факторные нагрузки

Показатели	Факторные нагрузки в модели CFA	Факторные нагрузки в модели SEM
Вовлеченность в аудиторную работу		
Участвовали в обсуждениях на семинарах	1,00	1,00
Задавали вопросы по содержанию курса преподавателю во время занятий	1,08***	0,96***
Выступали с докладом или презентацией на занятиях	0,89***	0,94***
Прикладывание дополнительных усилий		
Считали предмет настолько интересным, что работали над ним больше, чем требовалось преподавателем	1,00	1,00
Просили помощи в обучении у преподавателя или его ассистента, тьютора, когда она Вам требовалась	0,883	0,88***
Обсуждали с преподавателем во внеучебное время содержательные вопросы по курсу	1,047	1,06***
Несоблюдение требований учебного процесса		
Сдавали задания по учебному курсу позже установленного срока	1,000	1,00
Приходили на занятия неподготовленным(-ой)	1,22***	1,05***
Пропускали занятия без уважительной причины	0,93***	0,84***
Совместное обучение		
Работали над групповым заданием/проектом совместно с одноклассниками во внеаудиторное время	1,00	1,00
Помогали сокурснику(-це) лучше понять материал дисциплины во время совместной подготовки к занятиям	0,96***	0,91***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Ограничения

При интерпретации результатов данного исследования необходимо учитывать следующие ограничения. Во-первых, в работе были использованы данные, собранные с помощью реактивных методов, что может приводить к возникновению систематических ошибок в данных в силу эффектов памяти, социальной желательности, гало-эффекта, а также различий в способностях респондентов к рефлексии своей учебной деятельности и возможности выбора учебных дисциплин, существующих на их образовательной программе [25]. Во-вторых, в исследовании использовалась доступная выборка, что, скорее всего, могло привести к возникновению эффекта самоотбора и ее смещения в сторону большей пред-

ставленности мотивированных студентов с высокой успеваемостью [62]. Данное предположение также подтверждается описательными статистиками по выборке, исходя из которых среди студентов выборочной совокупности 65% отмечают высокую академическую успеваемость (таблица в Приложении). Кроме того, от момента сбора данных до публикации результатов прошло не менее четырех лет. Приведенные ограничения могут считаться существенными при попытке оценить представленность возможностей выбора учебных дисциплин в отечественных вузах или среднюю вовлеченность российских студентов. Однако в случае оценки взаимосвязей между наличием и шириной выбора учебных дисциплин и вовлеченностью они менее существенны в силу меньшего влияния на статистические взаимосвязи между переменными структуры выборки, ее соответствия генеральной совокупности, а также изменений, связанных со временем.

Результаты

В таблице 2 представлены результаты проверки гипотезы о том, что предоставление студентам возможности выбора учебных дисциплин имеет положительную взаимосвязь с их вовлеченностью. Мы обнаружили, что наиболее благоприятный эффект может оказывать возможность выбора учебных дисциплин, непосредственно связанных с получаемой студентом специальностью. Так, возможность выбора курсов из широкого набора дисциплин по направлению подготовки имеет положительную взаимосвязь с вовлеченностью в аудиторную работу ($B = 0,12, p < 0,001$) и совместным обучением ($B = 0,16, p < 0,001$), а также имеет сильную корреляцию со стремлением студентов прикладывать дополнительные усилия к обучению ($B = 0,31, p < 0,001$). Также положительная взаимосвязь наблюдается между возможностью выбора учебных дисциплин в рамках узкой специализации и тремя типами вовлеченности: вовлеченностью в аудиторную работу ($B = 0,08, p < 0,001$), прикладыванием дополнительных усилий ($B = 0,16, p < 0,001$) и совместным обучением ($B = 0,10, p < 0,001$). При этом возможность выбора учебных дисциплин, не связанных с получаемой специальностью, имеет положительную взаимосвязь только с совместным обучением ($B = 0,13, p < 0,001$). Для остальных типов вовлеченности взаимосвязь оказалась статистически незначимой.

Примечательно, что наличие самой возможности выбора учебных дисциплин не имеет статистически значимой взаимосвязи с несоблюдением студентами требований учебного процесса. Однако посещение учебных курсов по выбору имеет положительную статистически значимую взаимосвязь как с несоблюдением требований учебного процесса ($B = 0,09, p < 0,001$), что негативно сказывается на студенческой вовлеченности, так и с тремя другими типами вовлеченности (вовлеченность в аудиторную работу: $B = 0,12, p < 0,001$; прикладывание дополнительных усилий: $B = 0,13, p < 0,001$; совместное обучение: $B = 0,11, p < 0,001$), что является скорее позитивным фактором. Данный результат требует дополнительных исследований для корректной интерпретации.

Таблица 2

Коэффициент регрессии (*B*), стандартная ошибка коэффициента (*SE*)

Независимые переменные (предикторы)	Зависимые переменные (типы студенческой вовлеченности)			
	Вовлеченность в аудиторную работу	Прикладывание дополнительных усилий	Несоблюдение требований учебного процессе	Совместное обучение
Мужской пол	0,002 (0,02)	0,14*** (0,02)	0,15*** (0,02)	0,00 (0,02)
Бюджетное место	−0,04* (0,02)	−0,05** (0,02)	0,05** (0,02)	−0,05* (0,02)
Высокая академическая успеваемость	0,50*** (0,02)	0,27*** (0,02)	−0,57*** (0,02)	0,34*** (0,02)
Курс (ref. — первый курс)				
Второй курс	0,04* (0,02)	0,003 (0,02)	0,06** (0,02)	−0,004 (0,02)
Третий курс	0,02 (0,02)	−0,013 (0,02)	0,07** (0,02)	−0,05* (0,02)
Четвертый курс	−0,002 (0,02)	0,01 (0,03)	0,09*** (0,02)	−0,18*** (0,03)
Углубленное направление подготовки (ref. — гуманитарные науки)				
Естественные науки	−0,30*** (0,03)	0,02 (0,03)	−0,02 (0,03)	−0,03 (0,04)
Математика	−0,33*** (0,05)	−0,01 (0,06)	0,11* (0,06)	0,04 (0,06)
Экономика и менеджмент	0,001 (0,03)	−0,02 (0,03)	−0,05 (0,03)	0,20*** (0,03)
Компьютерные науки	−0,47*** (0,04)	−0,10** (0,04)	0,01 (0,03)	0,11** (0,04)
Инженерные науки	−0,36*** (0,03)	0,09** (0,03)	−0,03 (0,03)	0,09** (0,03)
Социальные науки	0,12*** (0,03)	0,001 (0,03)	−0,06 (0,03)	0,06 (0,04)
Образование и педагогика	0,07** (0,03)	0,07* (0,02)	−0,04 (0,03)	0,23*** (0,03)
Возможность выбора (ref. — не было возможности выбора)				
Возможность выбора в рамках узкой специализации	0,08*** (0,02)	0,16*** (0,02)	0,04 (0,02)	0,10*** (0,02)
Возможность выбора из широкого набора курсов, связанных с направлением подготовки (специальности)	0,12*** (0,02)	0,31*** (0,02)	0,01 (0,02)	0,16*** (0,03)
Возможность выбора из широкого набора курсов, не связанных с направлением подготовки (специальности)	−0,003 (0,03)	0,04 (0,03)	0,04 (0,03)	0,13*** (0,03)
Посещал(-а) курсы по выбору в течение учебного года	0,12*** (0,02)	0,13*** (0,02)	0,09*** (0,02)	0,11*** (0,02)

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Основные выводы и обсуждение

В рамках проведенного исследования была подтверждена гипотеза о том, что предоставление студентам возможности выбирать учебные дисциплины положительно взаимосвязано с их студенческой вовлеченностью. Обнаружено, что возможность выбора дисциплин, связанных с направлением подготовки, а также выбора учебных курсов внутри узкой специализации статистически значимо коррелирует с вовлеченностью в аудиторную работу, а также может способствовать приложению дополнительных усилий учащимися и более интенсивному их участию в практиках совместного обучения. Результаты данного исследования согласуются с выводами, полученными в более ранних работах о влиянии предоставления возможности выбора на учебное поведение студентов [30; 31; 34; 35].

При этом интересен тот факт, что предоставление выбора учебных дисциплин, не связанных с направлением подготовки, было значимо связано только с вовлеченностью студентов в практики совместного обучения, но статистически незначимо для вовлеченности в аудиторную работу и дополнительных образовательных усилий. Во-первых, данный вывод, скорее всего, связан с тем, что широта кругозора не является популярной стратегией выбора курсов у студентов [33]. По результатам предыдущих исследований, российские студенты зачастую приходят в университет ради получения определенной профессии [55], а не для расширения кругозора и получения нового опыта, что свидетельствует о меньшей востребованности возможности выбора учебных дисциплин из широкого набора курсов. Во-вторых, чаще всего студенты самостоятельно выбирают направление подготовки и руководствуются при этом своими интересами; это означает, что выбор учебных курсов по специальности также будет в большей степени соответствовать их интересам [10]. Вероятно, именно с этим можно частично связать большую корреляцию выбора курсов по специальности с показателями вовлеченности. В-третьих, как отмечено в предыдущих исследованиях, слишком широкие возможности выбора могут приводить к перегрузке студентов и к снижению мотивации и вовлеченности [45], что также может объяснить наблюдаемые нами результаты.

Отдельного обсуждения заслуживает результат положительной взаимосвязи между посещением курсов по выбору и несоблюдением требований учебного процесса. С одной стороны, его можно объяснить тем, что студенты, имеющие тенденцию к пропуску занятий и невыполнению заданий преподавателя, действительно могут использовать возможность выбора курсов для того, чтобы снизить свою учебную нагрузку. Такие студенты могут чаще проходить курсы по выбору, что приводит к возникновению положительной корреляции между фактом прохождения таких курсов и несоблюдением требований учебного процесса. С другой стороны, как было отмечено ранее, помещение учащегося в ситуацию выбора наделяет его ролью рационального субъекта, что может приводить к изменению его отношения к другим аспектам обучения в университете. Например, такие учащиеся могут более критично относиться к полезности посещения занятий по определенным дисциплинам и выполнения заданий преподавателей, не посещать занятия и не выполнять задания, которые они находят бесполезными для себя, что будет приводить к повышению уровня несоблюдения требований учебного процесса. При этом посещение курсов по выбору взаимосвязано с тремя другими позитивными

типами вовлеченности. Это свидетельствует, что к учебным предметам, выбранным самостоятельно, студенты могут относиться более дисциплинированно, проявляя активность в аудитории, вовлекаясь в совместное обучение и прилагая дополнительные усилия. Полученные результаты требуют более детального изучения для проверки указанных взаимосвязей и гипотез об их причинах.

Для повышения эффективности системы выбора курсов для университетов, внедряющих индивидуализацию в свои образовательные программы, мы рекомендуем наравне с самим процессом выбора внедрять методы его анализа: 1) собирать данные о поведении студентов при выборе; 2) проводить сравнительный анализ различных групп студентов с целью выявления предпочтений и проблемных точек; 3) использовать метод карты пути студента для моделирования всех этапов выбора и принятия решений студентами, а также для выявления точек потенциальных затруднений; 4) регулярно отслеживать и фиксировать обратную связь от студентов, участвовавших в выборных кампаниях, чтобы определять их удовлетворенность и вовлеченность в процесс выбора; 5) внедрять институт тьюторства, чтобы тьюторы активно работали со студентами, поясняя им особенности выбора, помогая принимать решения в условиях неопределенности, и вовремя реагировали на возникающие проблемы [5; 8]. Следование этим рекомендациям позволит не только повысить удовлетворенность студентов своим обучением в вузе, но и оптимизировать систему управления, которая должна непрерывно корректировать учебный процесс и способствовать улучшению качества высшего образования в российских университетах за счет повышения вовлеченности студентов и соответствия получаемых ими знаний и компетенций постоянно изменяющимся требованиям рынка труда [16].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описательные статистики для выборки

Характеристики респондентов	Доля от числа опрошенных, % (N = 14998)
Мужской пол	33,1
Бюджетное место	65,7
Высокая академическая успеваемость («только отличные оценки» и «только отлично и хорошо»)	64,9
Курс обучения	
Первый курс	33,1
Второй курс	28,9
Третий курс	22,8
Четвертый курс	15,2
Укрупненное направление подготовки	
Естественные науки	11,1
Математика	2,4

Продолжение Приложения

Характеристики респондентов	Доля от числа опрошенных, % (N = 14998)
Экономика и менеджмент	15,5
Компьютерные науки	8,5
Инженерные науки	22,2
Социальные науки	12,4
Образование и педагогика	13,8
Гуманитарные науки	14,0
Возможность выбора учебных дисциплин	
Возможность выбора в рамках узкой специализации	23,2
Возможность выбора из широкого набора курсов, связанных с направлением подготовки (специальности)	16,1
Возможность выбора из широкого набора курсов, не связанных с направлением подготовки (специальности)	8,6
Не было возможности выбора	56,7
Посещал(-а) курсы по выбору в течение учебного года	29,5

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Малошенок Наталья Геннадьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социологии высшего образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 22924. **Электронная почта:** nmaloshonok@hse.ru

Музыка Павел Александрович — аспирант Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (495) 772-97-05. **Электронная почта:** pamuzyka@hse.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 156–176. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2026.32.1.9

Research Article

NATALIA G. MALOSHONOK¹, PAVEL A. MUZYKA¹

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya st., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE CORRELATION BETWEEN OPPORTUNITIES FOR CHOOSING LEARNING COURSES AT UNIVERSITY AND STUDENT ENGAGEMENT

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at exploring the relationship between providing students with the opportunity to choose academic disciplines and their engagement in the learning process. In recent decades, the flexibility of educational programs and offering students the choice of courses has become essential for shaping non-linear career trajectories and soft skills that meet the demands of the modern labor market. However research shows that in Russian higher education institutions there is a belief among faculty and administration that, when given the choice, students tend to select courses in order to

reduce their workload and minimize effort to complete them. This belief hinders the increased flexibility of educational programs at universities. Based on data from a large-scale sociological survey of Russian students ($N = 14\,988$), we examine the relationships between students' opportunities to choose courses and four types of engagement (class engagement, extra effort, collaborative learning, and disengagement). It was found that the opportunity to choose courses related to the area of study or within a narrow specialization is statistically significantly and positively correlated with class engagement, and may also contribute to students' extra efforts and engagement in collaborative learning practices. In contrast, the opportunity to choose courses unrelated to the field of study was significantly associated only with engagement in collaborative learning practices but showed no statistically significant effect on class engagement or extra effort. Attending elective courses was positively related to class engagement, collaborative learning and extra effort, as well as to disengagement. The findings are useful for researchers in higher education, university leaders, faculty and academic support staff involved in organizing the learning process and developing curricula in universities.

Keywords: student engagement; choice-making opportunities; the choice of learning courses; elective courses; motivation; the flexibility of curriculum; Russian universities.

For citation: Maloshonok, N.G., Muzyka, P.A. The Correlation Between Opportunities for Choosing Learning Courses at University and Student Engagement. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2026. Vol. 32. No. 1. P. 156–176. DOI: [10.19181/socjour.2026.32.1.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2026.32.1.9)

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The authors express their gratitude to E.A. Terentyev, Director of the Institute of Education at the HSE University, and the scholars of Tomsk State University, who made a significant contribution to the development of the survey instrument and the conduct of the empirical study.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Maloshonok — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 доб. 22924. **Email:** nmaloshonok@hse.ru

Pavel A. Muzyka — Postgraduate student, HSE University. **Phone:** +7 (495) 772-97-05. **Email:** pamuzyka@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Агапова Е.Н.* Роль студенческого самоуправления как социального института в повышении качества высшего образования // Евразийский союз ученых. 2015. № 7 (16). С. 56–58. EDN: [W XFPGD](#)
Agapova E.N. The role of student self-government as a social institution in improving the quality of higher education. *Evrasiiskii SoyuzUchenykh*. 2015. No. 7 (16). P. 56–58. (In Russ.)
2. *Александров Д.В.* Понятие «интерес» в современной западной социологии // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 57–66. EDN: [SOARTL](#)
Aleksandrov D.V. The concept of “interest” in contemporary Western sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 8. P. 57–66. (In Russ.)
3. *Ариффулина Р.У., Катущенко О.А.* Анализ отечественных и зарубежных трендов индивидуализации образовательного процесса в вузе: аналитический доклад // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 4. DOI: [10.26795/2307-1281-2021-9-4-2](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-4-2) EDN: [CMEEMZ](#)
Arifulina R.U., Katushenko O.A. Analysis of domestic and foreign trends in the individualization of the educational process in higher education institutions: analytical report. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2021. Vol. 9. No. 4. DOI: [10.26795/2307-1281-2021-9-4-2](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-4-2) (In Russ.)
4. *Гаврилов К.А.* О конструировании понятия «риск» в социологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2007. № 24. С. 60–80. EDN: [KVKJBD](#)
Gavrilov K.A. On the construction of the concept of “risk” in sociology. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 2007. No. 24. P. 60–80. (In Russ.)

5. Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Тьюторское сопровождение в условиях индивидуальных образовательных траекторий в вузе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. Т. 28. № 1. С. 78–109. DOI: [10.31119/jssa.2025.28.1.4](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.4) EDN: [BVUPWD](https://www.edn.ru/BVUPWD)
Gavrilyuk T.V., Bocharov V.Yu. Tutor support in the context of individual educational trajectories at universities. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 78–109. DOI: [10.31119/jssa.2025.28.1.4](https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.4) (In Russ.)
6. Гаврилюк Т.В., Погодаева Т.В. Переход к обучению по индивидуальным образовательным траекториям в оценках студентов и преподавателей (на примере Тюменского государственного университета) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 51–73. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.2.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.3) EDN: [DJZGDO](https://www.edn.ru/DJZGDO)
Gavrilyuk T.V., Pogodaeva T.V. The transition to individualized educational trajectories in student and teacher assessments (based on the example of Tyumen State University). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 51–73. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.2.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.3) (In Russ.)
7. Дука Н.А., Стомба А.А. Об исследовании вовлеченности студентов педагогического университета в образовательный процесс // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 85–87. EDN: [XAYTHB](https://www.edn.ru/XAYTHB)
Duka N.A., Stovba A.A. On the study of the student engagement at a pedagogical university in the educational process. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2016. No. 3 (12). P. 85–87. (In Russ.)
8. Климова Т.А., Ким А.Т., Отт М.А. Индивидуальные образовательные траектории студентов как условие качественного университетского образования // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 1. С. 23–33. DOI: [10.15826/umpa.2023.01.003](https://doi.org/10.15826/umpa.2023.01.003) EDN: [NCENRO](https://www.edn.ru/NCENRO)
Klimova T.A., Kim A.T., Ott M.A. Individual educational trajectories of students as a prerequisite for high-quality university education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 23–33. DOI: [10.15826/umpa.2023.01.003](https://doi.org/10.15826/umpa.2023.01.003) (In Russ.)
9. Константиновский Д.Л. и др. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011. — 277 с. EDN: [QYJCZX](https://www.edn.ru/QYJCZX)
Konstantinovskii D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. *Youth education and life trajectories: 1998–2008 years*. Moscow: Institut sotsiologii RAN publ., 2011. — 277 p. (In Russ.)
10. Малошонок Н.Г. и др. Гендерные стереотипы и выбор инженерно-технического направления подготовки // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 149–186. DOI: [10.17323/1814-9545-2022-3-149-186](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186) EDN: [KQPQHC](https://www.edn.ru/KQPQHC)
Maloshonok N.G., et al. Gender stereotypes and the choice of engineering and technical training. *Voprosy obrazovaniya*. 2022. No. 3. P. 149–186. DOI: [10.17323/1814-9545-2022-3-149-186](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186) (In Russ.)
11. Малошонок Н.Г. Действительно ли «ведущие» вузы лучшие во всём? Как статус и размер российских вузов взаимосвязан со студенческой вовлеченностью // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 48–64. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-12-48-64](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-48-64) EDN: [AENZMK](https://www.edn.ru/AENZMK)
Maloshonok N.G. Are the “leading” universities really the best in every respect? How the status and size of Russian universities correlate with student engagement. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2023. Vol. 32. No. 12. P. 48–64. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-12-48-64](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-48-64) (In Russ.)

12. Малошонок Н.Г. Студенческая вовлеченность как инструмент оценки качества образования в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 45–58. DOI: [10.15826/umpa.2023.02.012](https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.012) EDN: [ICKUEJ](https://www.edn.ru/ICKUEJ)
Maloshonok N.G. Student engagement as a tool for assessing the quality of education in Russian universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz.* 2023. Vol. 27. No. 2. P. 45–58. DOI: [10.15826/umpa.2023.02.012](https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.012) (In Russ.)
13. Музыка П.А. Особенности внедрения индивидуализации в высшем образовании в России // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 4. С. 67–81. DOI: [10.15826/umpa.2024.04.035](https://doi.org/10.15826/umpa.2024.04.035) EDN: [NSPANA](https://www.edn.ru/NSPANA)
Muzyka P.A. Aspects of individualization implementation in higher education in Russia. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz.* 2024. Vol. 28. No. 4. P. 67–81. DOI: [10.15826/umpa.2024.04.035](https://doi.org/10.15826/umpa.2024.04.035) (In Russ.)
14. Осипова Л.Б., Энвери Л.А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // ESC / ЭиСП. 2016. № 4 (46). DOI: [10.15838/esc.2016.4.46.6](https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6)
Osipova L.B., Enveri L.A. Life strategies of young people: experience of sociological research. *ESC / EiSP.* 2016. No. 4 (46). DOI: [10.15838/esc.2016.4.46.6](https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6) (In Russ.)
15. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2 (346). С. 110–119. EDN: [PWUQQP](https://www.edn.ru/PWUQQP)
Pevnaya M.V. Volunteering as a Sociological Problem. *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2013. No. 2 (346). P. 110–119. (In Russ.)
16. Поплавская А.А. Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе // Мир России. 2023. Т. 32. № 1. С. 61–86. DOI: [10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86) EDN: [QAGWCK](https://www.edn.ru/QAGWCK)
Poplavskaya A.A. Future Work through the Eyes of Russian University Students: Regional Differentiation of the Work Vision. *Mir Rossii.* 2023. Vol. 32. No. 1. P. 61–86. DOI: [10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86) (In Russ.)
17. Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Ларина Г.С. Жизнь после девятого класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории? На материалах лонгитюдного исследования // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 310–330. DOI: [10.17323/1814-9545-2013-4-310-334](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-310-334)
Popov D.S., Tyumeneva Yu.A., Larina G.S. Life after ninth grade: how do students' personal achievements and their families' resources influence their life trajectories? Based on longitudinal research data. *Voprosy obrazovaniya.* 2013. No. 4. P. 310–330. DOI: [10.17323/1814-9545-2013-4-310-334](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-310-334) (In Russ.)
18. Савинова С.Ю. Вовлеченность студентов в образовательный процесс: оценка позитивных эффектов // Человек и образование. 2015. № 4 (45). С. 143–147.
Savinova S.Yu. Student engagement in the educational process: assessment of positive effects. *Chelovek i obrazovanie.* 2015. No. 4 (45). P. 143–147. (In Russ.)
19. Хацкевич Т.А. Активизация профессионально-образовательной вовлеченности будущих бакалавров социально-гуманитарного профиля в условиях интернатуры. *Russian Journal of Education and Psychology.* 2016. № 10 (66). С. 136–144. DOI: [10.12731/2218-7405-2016-10-136-144](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-10-136-144) EDN: [WYPDXH](https://www.edn.ru/WYPDXH)
Khatskevich T.A. Enhancing the professional and educational engagement of undergraduate students in the social sciences and humanities during their internship. *Russian Journal of Education and Psychology.* 2016. No. 10 (66). P. 136–144. DOI: [10.12731/2218-7405-2016-10-136-144](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-10-136-144) (In Russ.)

20. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53–74. DOI: [10.19181/socjour.2013.3.420](https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.420) EDN: RDLZYT
Cherednichenko G.A. Educational and professional trajectories of young people: research concepts. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2013. No. 3. P. 53–74. DOI: [10.19181/socjour.2013.3.420](https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.420) (In Russ.)
21. Щеглова И.А., Корешникова Ю.Н., Паршина О.А. Роль студенческой вовлеченности в развитии критического мышления // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 264–289. DOI: [10.17323/1814-9545-2019-1-264-289](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-264-289) EDN: ZAVWCL
Shcheglova I.A., Koreshnikova Yu.N., Parshina O.A. The role of student engagement in the development of critical thinking. *Voprosy obrazovaniya*. 2019. No. 1. P. 264–289. DOI: [10.17323/1814-9545-2019-1-264-289](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-264-289) (In Russ.)
22. Astin A.W. Student involvement: A developmental theory for higher education. *Journal of College Student Personnel*. 1984. Vol. 25. No. 4. P. 297–308.
23. Barnett R. Towards the creative university: Five forms of creativity and beyond. *Higher Education Quarterly*. 2019. No. 00. P. 1–14. DOI: [10.1111/hequ.12231](https://doi.org/10.1111/hequ.12231)
24. Beffy M., Fougère D., Maurel A. Choosing the Field of Study in Postsecondary Education: Do Expected Earnings Matter? *The Review of Economics and Statistics*. 2012. Vol. 94. No. 1. P. 334–347. DOI: [10.1162/REST_a_00212](https://doi.org/10.1162/REST_a_00212)
25. Bowman N.A. Can 1st-year college students accurately report their learning and development? *American Educational Research Journal*. 2010. Vol. 47. No. 2. P. 466–496. DOI: [10.3102/0002831209353595](https://doi.org/10.3102/0002831209353595)
26. Browne M.W., Cudeck R. Alternative Ways of Assessing Model Fit. *Sociological Methods & Research*. 1992. Vol. 21 (2). P. 230–258 DOI: [10.1177/0049124192021002005](https://doi.org/10.1177/0049124192021002005)
27. Carpenter H.C. Emerson, Eliot, and the Elective System. *The New England Quarterly*. 1951. Vol. 24. No. 1. P. 13–34. DOI: [10.2307/361254](https://doi.org/10.2307/361254)
28. Chickering A.W., Gamson Z.F. Seven Principles for Good Practice in Undergraduate Education. *AAHE Bulletin*. 1987. Vol. 39. No. 7. P. 3–7.
29. Cordova D.I., Lepper M.R. Intrinsic motivation and the process of learning: Beneficial effects of contextualization, personalization, and choice. *Journal of Educational Psychology*. 1996. Vol. 88. No. 4. P. 715–730. DOI: [10.1037/0022-0663.88.4.715](https://doi.org/10.1037/0022-0663.88.4.715)
30. Cosden M., Gannon C., Haring T.G. Teacher-Control versus Student-Control Over Choice of Task and Reinforcement for Students with Severe Behavior Problems. *Journal of Behavioral Education*. 1995. Vol. 5. No. 1. P. 11–27. DOI: [10.1007/BF02110212](https://doi.org/10.1007/BF02110212)
31. Cullen S., Oppenheimer D. Choosing to learn: The importance of student autonomy in higher education. *Science Advances*. 2024. DOI: [10.1126/sciadv.ado6759](https://doi.org/10.1126/sciadv.ado6759)
32. DeCharms R. *Personal causation*. N.Y.: Academic Press, 1968. 398 p.
33. Dekker T. The value of curricular choice through student eyes. *The Curriculum Journal*. 2020. No. 32. DOI: [10.1002/curj.71](https://doi.org/10.1002/curj.71)
34. Dunlap G., et al. Choice making to promote adaptive behavior for students with emotional and behavioral challenges. *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1994. Vol. 27. No. 3. P. 505–518. DOI: [10.1901/jaba.1994.27-505](https://doi.org/10.1901/jaba.1994.27-505)
35. Dunlap G., et al. Functional assessment, curricular revision, and severe behavior problems. *Journal of Applied Behavior Analysis*. 1991. Vol. 24. No. 2. P. 387–397. DOI: [10.1901/jaba.1991.24-387](https://doi.org/10.1901/jaba.1991.24-387)

36. Elliott R.W., Paton V.O. U.S. higher education reform: Origins and impact of student curricular choice. *International Journal of Educational Development*. 2018. Vol. 61. P. 1–4. DOI: [10.1016/j.ijedudev.2017.11.008](https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2017.11.008)
37. Ewell P.T., Jones D.P. Actions Matter: The Case for Indirect Measures in Assessing Higher Education's Progress on the National Education Goals. *Journal of General Education*. 1993. Vol. 42. No. 2. P. 123–48.
38. Ewell P.T., Jones D.P. *Indicators of "Good Practice" in Undergraduate Education: A Handbook for Development and Implementation*. Boulder: National Center for Higher Education Management Systems, 1996. 113 p.
39. Gabay-Egozi L., Shavit Y., Yaish M. Curricular Choice: A Test of a Rational Choice Model of Education. *European Sociological Review*. 2010. Vol. 26. No. 4. P. 447–463. DOI: [10.1093/esr/jcp031](https://doi.org/10.1093/esr/jcp031)
40. Goyette K.A., Mullen A.L. Who Studies the Arts and Sciences? Social Background and the Choice and Consequences of Undergraduate Field of Study. *The Journal of Higher Education*. 2006. Vol. 77. No. 3. P. 497–538. DOI: [10.1080/00221546.2006.11778936](https://doi.org/10.1080/00221546.2006.11778936)
41. Guess D., Benson H.A., Siegel-Causey E., et al. Concepts and Issues Related to Choice-Making and Autonomy among Persons with Severe Disabilities. *Journal of the Association for Persons with Severe Handicaps*. Vol. 10. Iss. 2. 1985. DOI: [10.1177/154079698501000202](https://doi.org/10.1177/154079698501000202)
42. Hora M.T., Benbow R.J., Smolarek B.B. Re-thinking Soft Skills and Student Employability: A New Paradigm for Undergraduate Education. *Change: The Magazine of Higher Learning*. 2018. Vol. 50. No. 6. P. 30–37. DOI: [10.1080/00091383.2018.1540819](https://doi.org/10.1080/00091383.2018.1540819)
43. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6. No. 1. P. 1–55. DOI: [10.1080/10705519909540118](https://doi.org/10.1080/10705519909540118)
44. Iyengar S.S., Lepper M.R. Rethinking the value of choice: A cultural perspective on intrinsic motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. No. 3. P. 349–366. DOI: [10.1037/0022-3514.76.3.349](https://doi.org/10.1037/0022-3514.76.3.349)
45. Iyengar S.S., Lepper M.R. When choice is demotivating: can one desire too much of a good thing? *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79. No. 6. P. 995–1006. DOI: [10.1037//0022-3514.79.6.995](https://doi.org/10.1037//0022-3514.79.6.995)
46. Karabchuk T., Roshchina Y. Predictors of student engagement: the role of universities' or importance of students' background? *European Journal of Higher Education*. 2022. Vol. 13. P. 1–20. DOI: [10.1080/21568235.2022.2035240](https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2035240)
47. Kern L., et al. Choice as an Intervention to Improve Behavior: A Review of the Literature. *Journal of Behavioral Education*. 1998. Vol. 8. No. 2. P. 151–169. DOI: [10.1023/A:1022831507077](https://doi.org/10.1023/A:1022831507077)
48. Krause K., Coates H. Students' engagement in first-year university. *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2008. Vol. 33 (5). P. 493–505. DOI: [10.1080/02602930701698892](https://doi.org/10.1080/02602930701698892)
49. Kuh G.D., et al. *What matters to student success: a review of the literature. Commissioned report for the National Symposium on Postsecondary Student Success: spearheading a Dialog on Student Success*. Washington, DC: National Postsecondary Education Cooperative, 2006. 151 p. Accessed 23.02.2026. URL: <https://www.yorku.ca/retentn/rdata/whatmatterstostudentsuccess.pdf>
50. Kuh G.D. What student engagement data tell us about college readiness. *Peer Review*. Association of American Colleges and Universities. Winter 2007. P. 4–8. DOI: <https://hdl.handle.net/2022/24379>

51. Kuh G.D. What We're Learning About Student Engagement From NSSE: Benchmarks for Effective Educational Practices. *Change: The Magazine of Higher Learning*. 2003. Vol. 35. No. 2. P. 24–32. DOI: [10.1080/00091380309604090](https://doi.org/10.1080/00091380309604090)
52. Kuh G.D., Pace C.R., Vesper N. The Development of Process Indicators to Estimate Student Gains Associated with Good Practices in Undergraduate Education. *Research in Higher Education*. 1997. Vol. 38. No. 4. P. 435–454. DOI: [10.1023/A:1024962526492](https://doi.org/10.1023/A:1024962526492)
53. Lewin K. Group decision and social change. Ed. by G.E. Swanson, T.M. Newcomb, E.L. Hartley. *Readings in social psychology*. N.Y.: Holt, 1952. P. 459–473.
54. Maloshonok N., Shcheglova I. Do the effects of student engagement on the development of generic skills differ across nations? *European Journal of Higher Education*. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 80–101. DOI: [10.1080/21568235.2021.1992641](https://doi.org/10.1080/21568235.2021.1992641)
55. Maloshonok N., Shcheglova I., Zhuchkova S. Undergraduates' orientations towards student–university relationships: Measurement and associations with student characteristics and engagement. *Higher Education Quarterly*. 2023. Vol. 77. No. 4. P. 722–740. DOI: [10.1111/hequ.12430](https://doi.org/10.1111/hequ.12430)
56. McCormick A., Kinzie J., Gonyea R. Student Engagement: Bridging Research and Practice to Improve the Quality of Undergraduate Education. Ed. by M. Paulsen. *Higher Education: Handbook of Theory and Research*. Vol. 28. Berlin: Springer, 2013. P. 47–92. DOI: [10.1007/978-94-007-5836-0_2](https://doi.org/10.1007/978-94-007-5836-0_2)
57. Morris P. и др. Virtues of Academic Exploration: Impact of Major Changes on Degree Completion. *Journal of College Orientation, Transition, and Retention*. 2023. Vol. 30. No. 1. DOI: [10.24926/jcotr.v30i1.4904](https://doi.org/10.24926/jcotr.v30i1.4904)
58. Pace C.R. *Measuring the Quality of College Student Experiences: An Account of the Development and Use of the College Student Experiences Questionnaire*. Los Angeles: Higher Education Research Institute, Graduate School of Education, University of California, 1984. 148 p.
59. Pascarella E.T. Using student self-reported gains to estimate college impact: A cautionary tale. *Journal of College Student Development*. 2001. Vol. 42. No. 5. P. 488–492.
60. Pascarella E.T., Terenzini P.T. *How College Affects Students: Findings and Insights from Twenty Years of Research*. San Francisco, CA: Jossey-Bass Inc, 1991. 924 p.
61. Patall E.A., Cooper H., Robinson J.C. The effects of choice on intrinsic motivation and related outcomes: a meta-analysis of research findings. *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. No. 2. P. 270–300. DOI: [10.1037/0033-2909.134.2.270](https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.270)
62. Porter S., Whitcomb M. Non-Response in Student Surveys: The Role of Demographics, Engagement and Personality. *Research in Higher Education*. 2005. Vol. 46. P. 127–152. DOI: [10.1007/s11162-004-1597-2](https://doi.org/10.1007/s11162-004-1597-2)
63. Ringenberg W.C. *Student Academic Freedom*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 107–114. DOI: [10.1057/9781137398338_17](https://doi.org/10.1057/9781137398338_17)
64. Robinson K.J. The Rise of Choice in the U.S. University and College: 1910–2005. *Sociological Forum*. 2011. Vol. 26. No. 3. P. 601–622. DOI: [10.1111/j.1573-7861.2011.01264.x](https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01264.x)
65. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. 1966. Vol. 80. No. 1. P. 1–28. DOI: [10.1037/h0092976](https://doi.org/10.1037/h0092976)
66. Said H., Badru B.B., Shahid M. Confirmatory Factor Analysis (Cfa) for testing validity and reliability instrument in the study of education. *Australian Journal of Basic and Applied Sciences*. 2011. Vol. 5. P. 1098–1103.

67. Schreiber J., et al. Reporting Structural Equation Modeling and Confirmatory Factor Analysis Results: A Review. *Journal of Educational Research*. 2006. Vol. 99. P. 323–338. DOI: [10.3200/JOER.99.6.323-338](https://doi.org/10.3200/JOER.99.6.323-338)
68. Seligman M.E.P. *Helplessness: On depression, development, and death*. San Francisco: W.H. Freeman, 1975. 250 p.
69. Stevens M., et al. Choices, Identities, Paths: Understanding College Students Academic Decisions. *SSRN Electronic Journal*. April 10, 2018. DOI: [10.2139/ssrn.3162429](https://doi.org/10.2139/ssrn.3162429)
70. Taylor S.E. *Positive illusions: Creative self-deception and the healthy mind*. N.Y.: Basic Books. 301 p.
71. Wang X. Why Students Choose STEM Majors: Motivation, High School Learning, and Postsecondary Context of Support. *American Educational Research Journal*. 2013. Vol. 50. No. 5. P. 1081–1121. DOI: [10.3102/0002831213488622](https://doi.org/10.3102/0002831213488622)
72. Zuckerman M., et al. On the importance of self-determination for intrinsically-motivated behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1978. Vol. 4. No. 3. P. 443–446. DOI: [10.1177/014616727800400317](https://doi.org/10.1177/014616727800400317)

Статья поступила в редакцию: 06.05.2025; поступила после рецензирования и доработки: 07.12.2025; принята к публикации: 15.12.2025.

Received: 06.05.2025; revised after review: 07.12.2025; accepted for publication: 15.12.2025.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 89247 от 24.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдииков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, «Белый список» научных журналов – первый уровень,
перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Сетевой журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228
- на сайте РЦНИ: <https://journals.rcsi.science/1562-2495>

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

2026. Том 32. № 1. Дата выхода в свет 30.03.2026.

Адрес редакции: 117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57